

ПРАВО И ПОЛИТИКА

научный юридический журнал

www.aurora-group.eu

www.nbpublish.com

AURORA Group s.r.o.

nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 08-10-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Даниленко Денис Васильевич, доктор права (Франция),
danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2454-0706

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 08-10-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Danilenko Denis Vasil'evich, doktor prava (Frantsiya), danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2454-0706

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Сыченко Елена Вячеславовна – PhD (Университет Катании, Италия), доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, г. Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. г. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Толстолицкий Владимир Юрьевич – доктор медицинских наук, профессор, Нижний Новгород, ННГУ, юридический факультет, кафедра уголовного права и процесса, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, tolvlad@yandex.ru

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Чирун Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, институт истории и международных отношений, профессор, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Судоргин Олег Анатольевич – доктор политических наук, профессор, МАДИ, первый проректор, профессор по кафедре МАДИ «История и культурология», 125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 250. sudorgin@madi.ru

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра связей с общественностью в политике и государственном управлении, 199004, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Линия, 26, оф. 509

Гладышева Ольга Владимировна – доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет, кафедра уголовного процесса, 350900, Россия, г. Краснодар, ул. В.Ткачева, 141

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Бадинтер Робер - доктор юридических наук, профессор Университета Париж-I (Пантеон-Сорбонна), член Сената Франции, экс-председатель Конституционного Совета Франции, экс-министр юстиции Франции. 1, rue Thenard, 75005, Paris. France.

Волох Владимир Александрович - доктор политических наук, профессор кафедры

государственного управления и политических технологий Института государственного управления и права Государственного университета управления. Рязанский проспект, 99, г. Москва, Россия, 109542; E-mail: v.volokh@yandex.ru

Даниленко Денис Васильевич – доктор права, Университет Экс-Марсель (Aix-Marseille Universite, France) главный редактор журнала «Международное право и международные организации» и журнала «Право и политика», исполнительный директор Академической издательской группы NOTA BENE - ООО "НБ-Медиа". 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Ковлер Анатолий Иванович - доктор юридических наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Большая Черемушkinsкая ул., 34, Москва, 117218

Люббе-Вольф Гертруда - доктор права, профессор, судья Конституционного суда ФРГ. Bundesverfassungsgericht, Schlossbezirk 3, 76131 Karlsruhe, Germany/Postfach 1771, 76006 Karlsruhe, Germany

Наган Винстон Персиваль - доктор права, профессор права Университета Флориды (школа права имени Левина), директор Института прав человека, мира и развития, профессор антропологии Брейзнуз Колледжа (Оксфорд), член Королевского общества искусств (Royal Society of the Arts, Лондон), член Комиссии по конституционным вопросам ЮАР (США). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Марочкин Сергей Юрьевич - профессор, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права Тюменского государственного университета. 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, дом 10, Институт государства и права

Попова Ольга Валентиновна - доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Университетская набережная, 7-9. г. Санкт-Петербург, Россия, 199034. E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Саидов Акмаль Холматович - доктор юридических наук, профессор, директор Института по правам человека Республики Узбекистан, председатель Комитета Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 100035, Ташкент, пр. Бунёдкор 1.

Уве Хелльманн – доктор права, профессор Потсдамского университета. Заведующий кафедрой уголовного и экономического права. Am Neuen Palais 10, House 09 14469 Potsdam

Хаммер Крег Саймон - доктор философии, консультант по вопросам международного права Всемирного банка реконструкции и развития, отдел развития новых банковских практик в сфере вовлеченности в гражданское общество, усиления и уважения разнообразия — CEERD, (г. Вашингтон, США). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Шунеманн Берндт - доктор права, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса, философии и социологии права Людвиг-Максимилиан (Мюнхен) университета (г.Мюнхен, ФРГ). Raum 106, Ludwigstrasse., 29. 80539, Munchen, Deutschland.

Смахтин Евгений Владимирович - доктор юридических наук, профессор кафедры Уголовного права и процесса Тюменский государственный университет 625003, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Республики, 14/9 smaxt@yandex.ru

Минникес Ирина Викторовна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Иркутского института (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции». 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4. iaminnikes@yandex.ru

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Кембаев Женис Мухтарович – доктор права, Университет КИМЭП, юридический факультет, профессор, Проспект Абая 2, г. Алматы 050010, Казахстан, kembayev@kimep.kz

Боярский Марек - доктор права, профессор, ректор Университета Вроцлав, Польша Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Артемов Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры финансового права и бухгалтерского учета Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина. 123995. Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9.

Боташева Асият Казиевна - доктор политических наук, профессор кафедры журналистики, медиакоммуникаций и связей с общественностью Института международных отношений ФГБОУ ВО "Пятигорский государственный университет". 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9. E-mail: ab-ww@mail.ru

Чернядзева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. chernyadnatalya@yandex.ru

Альбов Алексей Павлович - доктор юридических наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА), профессор, 107078, Россия, г. Москва, ул. Новая Басманная, 4-6, строение 3, кв. 348, aap62@yandex.ru

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Беляева Галина Серафимовна - доктор юридических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, заведующий кафедрой административного права и процесса, 308503, Россия, Белгородская область, пос. Майский, ул. Агрономическая, 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Васильев Алексей Михайлович - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 2-й кадетский переулок, 12,

12, alexey771977@mail.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Галяшина Елена Игоревна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудриснская, 9, каб. 721, eigaljashina@msal.ru

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Деметрадзе марине резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. Нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Демичев Алексей Андреевич - доктор юридических наук, профессор, кафедра гражданского права и процесса, Нижегородская академия МВД РФ. Г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3. 603950. Бокс 268.

Калужина Марина Анатольевна - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры криминалистики и правовой информатики, Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России), ведущий научный сотрудник, 350047, Россия, г. г. Краснодар, ул. 1 Линия, 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Кежутин Андрей Николаевич - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, 603005, Россия, Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, ул. М. Горького, 160, кв. 58, kezhutin@rambler.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности, 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Коновалов Игорь Анатольевич - доктор исторических наук, ФГАО ВО "Омский

государственный университет им. Ф. М. Достоевского", Декан юридического факультета, 644050, Россия, Омская область, г. Омск, пер. Комбинатский, 4, кв. 48, konov77@mail.ru

Кротов Андрей Владиславович - доктор юридических наук, 603054, Россия, г. Нижний Новгород, ул. а/я 33, 33, pravonnov@yandex.ru

Крохина Юлия Александровна - доктор юридических наук, Московский государственный университет им. Ломоносова, Заведующая кафедрой правовых дисциплин, Высшая школа государственного аудита (факультет), 127572, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Новгородская улица, д 38, Москва, 38, кв. 4, jkrokhina@mail.ru

Кудратов Некруз Абдунабиевич - доктор юридических наук, Таджикский государственный университет коммерции, Декан факультета, 734061, Таджикистан, г. Душанбе, ул. Дехоти, 1/2, каб. 309, nek-kudratov@mail.ru

Литвинова Татьяна Николаевна - доктор политических наук, Одинцовский филиал Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел, профессор кафедры регионального управления и национальной политики, 143005, Россия, Московская область, г. Одинцово, ул. Чикина, 9, кв. 99, tantin@mail.ru

Мезяев Александр Борисович - доктор юридических наук, Университет управления ТИСБИ, зав. кафедрой международного права, профессор, 420012, Россия, республика Татарстан, г. Казань, ул. Муштари, 13, оф. 248, alexmezyaev@gmail.com

Никитина Ирина Эдуардовна - доктор юридических наук, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, главный научный сотрудник, 141080, Россия, Московская область, г. Королев, ул. Легостаева, 4, кв. 293, irinanikitina23@rambler.ru

Панченко Владислав Юрьевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет», профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин, 119296, Россия, г. Москва, ул. Вавилова, 52 к 1, кв. 20, panchenkovlad@mail.ru

Попова Светлана Михайловна - PhD of Political Science. Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Ведущий научный сотрудник, 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6 к.1, sv-2002-1@yandex.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmomos@rambler.ru

Рогова Евгения Викторовна - доктор юридических наук, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса, 664081, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, мкр. Крылатый, 24/3, кв. 20, rev-80@yandex.ru

Рыжов Валерий Борисович - Doctor of Juridical Science (S. J. D. or J. S. D.), Московский институт юриспруденции, заведующий криминалистической лабораторией, 125057, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 75, корп. 1 А, кв. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Сайфутдинов Тахир Исмаилджанович - доктор юридических наук, Кыргызско-Казахский университет, проректор по научной работе, Ошский государственный юридический институт, профессор кафедры уголовного права и процесса, 720072, Киргизия, г. Бишкек, ул. Тулебердиева, 80, saifutdinovt@bk.ru

Уваров Александр Анатольевич - доктор юридических наук, Всероссийский государственный университет юстиции Сочинский филиал, профессор, Международный инновационный университет, профессор, 354057, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Альпийская, 27, кв. 22, uvarov.al@mail.ru

Council of editors

Sychenko Elena Vyacheslavovna – PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Tolstolutsky Vladimir Yuryevich – Doctor of Medical Sciences, Professor, Nizhny Novgorod, UNN, Faculty of Law, Department of Criminal Law and Procedure, 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, tolvlad@yandex.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Chirun Sergey Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University, Institute of History and International Relations, Professor, 650000, Kemerovo, Krasnaya str., 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Oleg A. Sudorgin – Doctor of Political Sciences, Professor, MADI, First Vice-rector, Professor at the Department of MADI "History and Cultural Studies", 125319. 64 Leningradsky Ave., office 250, Moscow. sudorgin@madi.ru

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006 Peshkova1@yandex.ru

Ilya A. Bykov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Public Relations in Politics and Public Administration, 199004, Russia, St. Petersburg, 1st Line str., 26, office 509

Gladysheva Olga Vladimirovna – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of Criminal Procedure, 141 V.Tkacheva str., Krasnodar, 350900, Russia

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Badinter Robert - Doctor of Law, Professor at the University of Paris-I (Pantheon-Sorbonne), member of the Senate of France, ex-Chairman of the Constitutional Council of France, ex-Minister of Justice of France. 1, rue Thenard, 75005, Paris. France.

Volokh Vladimir Aleksandrovich - Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Administration and Political Technologies of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management. Ryazan Avenue, 99, Moscow, Russia, 109542; E-mail: v.volokh@yandex.ru

Denis Vasilyevich Danilenko – Doctor of Law, Aix-Marseille University (Aix-Marseille

Universite, France) Editor-in-chief of the journal "International Law and International Organizations" and the journal "Law and Politics", Executive Director of the Academic Publishing Group NOTA BENE - NB-Media LLC. 115114, Moscow, Paveletskaya embankment, house 6A, office 211.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Kovler Anatoly Ivanovich - Doctor of Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Bolshaya Cheremushkinskaya str., 34, Moscow, 117218

Lubbe-Wolf Gertrude - Doctor of Law, Professor, judge of the Constitutional Court of Germany. Bundesverfassungsgericht, Schlossbezirk 3, 76131 Karlsruhe, Germany/Postfach 1771, 76006 Karlsruhe, Germany

Nagan Winston Percival - Doctor of Law, Professor of Law at the University of Florida (Levin School of Law), Director of the Institute of Human Rights, Peace and Development, Professor of Anthropology at Brasenose College (Oxford), Member of the Royal Society of the Arts (London), member of the Commission on Constitutional Issues of South Africa (USA). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Sergey Yuryevich Marochkin - Professor, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 10 Semakova str., Tyumen, 625003, Russia, Institute of State and Law

Popova Olga Valentinovna - Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies of St. Petersburg State University. Universitetskaya embankment, 7-9. St. Petersburg, Russia, 199034. E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Akmal Kholmatovich Saidov - Doctor of Law, Professor, Director of the Institute for Human Rights of the Republic of Uzbekistan, Chairman of the Committee of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan. 100035, Tashkent, Bunyodkor ave. 1.

Uwe Hellmann is a Doctor of Law, professor at the University of Potsdam. Head of the Department of Criminal and Economic Law. Am Neuen Palais 10, House 09 14469 Potsdam

Hammer Craig Simon - PhD, Consultant on International Law of the World Bank for Reconstruction and Development, Department for the Development of New banking practices in the field of involvement in civil society, strengthening and respect for diversity — CEERD, (Washington, USA). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Schoenemann Berndt - Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure, Philosophy and Sociology of Law Ludwig Maximilian (Munich) University (Munich, Germany). Raum 106, Ludwigstrasse., 29. 80539, Munchen, Deutschland.

Smakhtin Evgeny Vladimirovich - Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law and Procedure Tyumen State University 625003, Russia, Tyumen region, Tyumen, Republic str., 14/9 smaxt@yandex.ru

Minnikes Irina Viktorovna – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State

University of Justice. 664011, Irkutsk, Nekrasova str. , 4. iaminnikes@yandex.ru

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEFU campus,

Zhenis Mukhtarovich Kembayev – Doctor of Law, KIMEP University, Faculty of Law, Professor, Abaya Avenue 2, Almaty 050010, Kazakhstan, kembayev@kimep.kz

Boyarski Marek - Doctor of Law, Professor, Rector of the University of Wroclaw, Poland Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Artemov Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Financial Law and Accounting of the Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin. 123995. Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9.

Asiyat Kazievna Botasheva - Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Journalism, Media Communications and Public Relations of the Institute of International Relations of the Pyatigorsk State University. 357532, Stavropol Territory, Pyatigorsk, Kalinin Ave., 9. E-mail: ab-ww@mail.ru

Natalia A. Chernyadyeva - Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Crimean Branch of the Russian State University of Justice. chernyadnatalya@yandex.ru

Alexey Pavlovich Albov - Doctor of Law, All-Russian State University of Justice (RPA), Professor, 4-6 Novaya Basmannaya str., building 3, sq. 348, Moscow, 107078, Russia, aap62@yandex.ru

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Belyaeva Galina Serafimovna - Doctor of Law, Belgorod State National Research University, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, 308503, Russia, Belgorod region, village Maysky, Agronomic str., 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Vasiliev Alexey Mikhailovich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology criminology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 2nd kadetskiy lane, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Volodina Lyudmila Miltonovna - Doctor of Law, Tyumen State University, Professor, 111402, Russia, Moscow region, Moscow, Veshnyakovskaya str., 5 building 1, sq. 195, lm.volodina@yandex.ru

Elena Igorevna Galyashina - Doctor of Law, Kutafin Moscow State University of Law (MSLA), Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, 9 Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow, 123995, Russia, office 721, eigaljashina@msal.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution

of Higher Education "Murmansk Arctic State University", Professor of the Department of Jurisprudence, 7 Khalturina str., office 10, Murmansk, Murmansk Region, 183010, Russia, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, D. S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Chief Researcher, Institute of World Civilizations, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Professor, 48 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117292, Russia sq.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Demichev Alexey Andreevich - Doctor of Law, Professor, Department of Civil Law and Procedure, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe highway, 3. 603950. Box 268.

Kaluzhina Marina Anatolyevna - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics, Federal state Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service" (FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia), leading researcher, 350047, Russia, Krasnodar, 1 Liniya str., 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Kezhutin Andrey Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Volga Research Medical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, 603005, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, M. Gorky str., 160, sq. 58, kezhutin@rambler.ru

Kobets Pyotr Nikolaevich - Doctor of Law, "All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Chief Researcher of the Department of Scientific Information, Training of Scientific Personnel and Ensuring the activities of Scientific Councils of the Center for Organizational Support of Scientific Activity, 121069, Russia, Moscow, Povarskaya str., 25, p. 1, pkobets37@rambler.ru

Konovalov Igor Anatolyevich - Doctor of Historical Sciences, Omsk State Agricultural University named after F. M. Dostoevsky, Dean of the Faculty of Law, 644050, Russia, Omsk region, Omsk, lane. Kombinatsky, 4, sq. 48, konov77@mail.ru

Andrey Vladislavovich Krotov - Doctor of Law, 603054, Russia, Nizhny Novgorod, 33 a/ya str., 33, pravonnov@yandex.ru

Yulia Aleksandrovna Krokhina - Doctor of Law, Lomonosov Moscow State University, Head of the Department of Legal Disciplines, Higher School of State Audit (Faculty), 127572, Russia, Moscow region, Moscow, Novgorodskaya street, 38, Moscow, 38, sq. 4, jkrokhina@mail.ru

Kudratov Nekruz Abdunabievich - Doctor of Law, Tajik State University of Commerce, Dean of the Faculty, 734061, Tajikistan, Dushanbe, 1/2 Dekhoti str., room 309, nek-kudratov@mail.ru

Litvinova Tatiana Nikolaevna - Doctor of Political Sciences, Odintsovo Branch of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow State Institute of

International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs, Professor of the Department of Regional Management and National Policy, 143005, Russia, Moscow region, Odintsovo, Chikina str., 9, sq. 99, tantin@mail.ru

Mezyaev Alexander Borisovich - Doctor of Law, TISBI University of Management, Head of the Department of International Law, Professor, 420012, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, 13 Mushtari str., office 248, alexmezyaev@gmail.com

Nikitina Irina Eduardovna - Doctor of Law, FBU RFTSSE under the Ministry of Justice of Russia, Chief Researcher, 141080, Russia, Moscow region, Korolev, Legostaeva str., 4, sq. 293, irinanitina23@rambler.ru

Panchenko Vladislav Yurievich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Linguistic University" , Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines, 119296, Russia, Moscow, Vavilova str., 52 k 1, sq. 20, panchenkovlad@mail.ru

Popova Svetlana Mikhailovna - PhD of Political Science. Institute of Demographic Research of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher, 6 k.1, Fotieva str., Moscow, 119333, Russia, sv-2002-1@yandex.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Controlstaff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmMos@rambler.ru

Rogova Evgeniya Viktorovna - Doctor of Law, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure, 664081, Russia, Irkutsk Region, Irkutsk, md. Winged, 24/3, sq. 20, rev-80@yandex.ru

Ryzhov Valery Borisovich - Doctor of Judicial Science (S. J. D. or J. S. D.), Moscow Institute of Jurisprudence, Head of the Forensic Laboratory, 125057, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 75, building 1 A, sq. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Sayfutdinov Tahir Ismaildzhanovich - Doctor of Law, Kyrgyz-Kazakh University, Vice-Rector for Research, Osh State Law Institute, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, 720072, Kyrgyzstan, Bishkek, Tuleberdieva str., 80, saifutdinovt@bk.ru

Alexander A. Uvarov - Doctor of Law, All-Russian State University of Justice Sochi Branch, Professor, International Innovation University, Professor, 354057, Russia, Krasnodar Territory, Sochi, Alpiyskaya str., 27, sq. 22, uvarov.al@mail.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

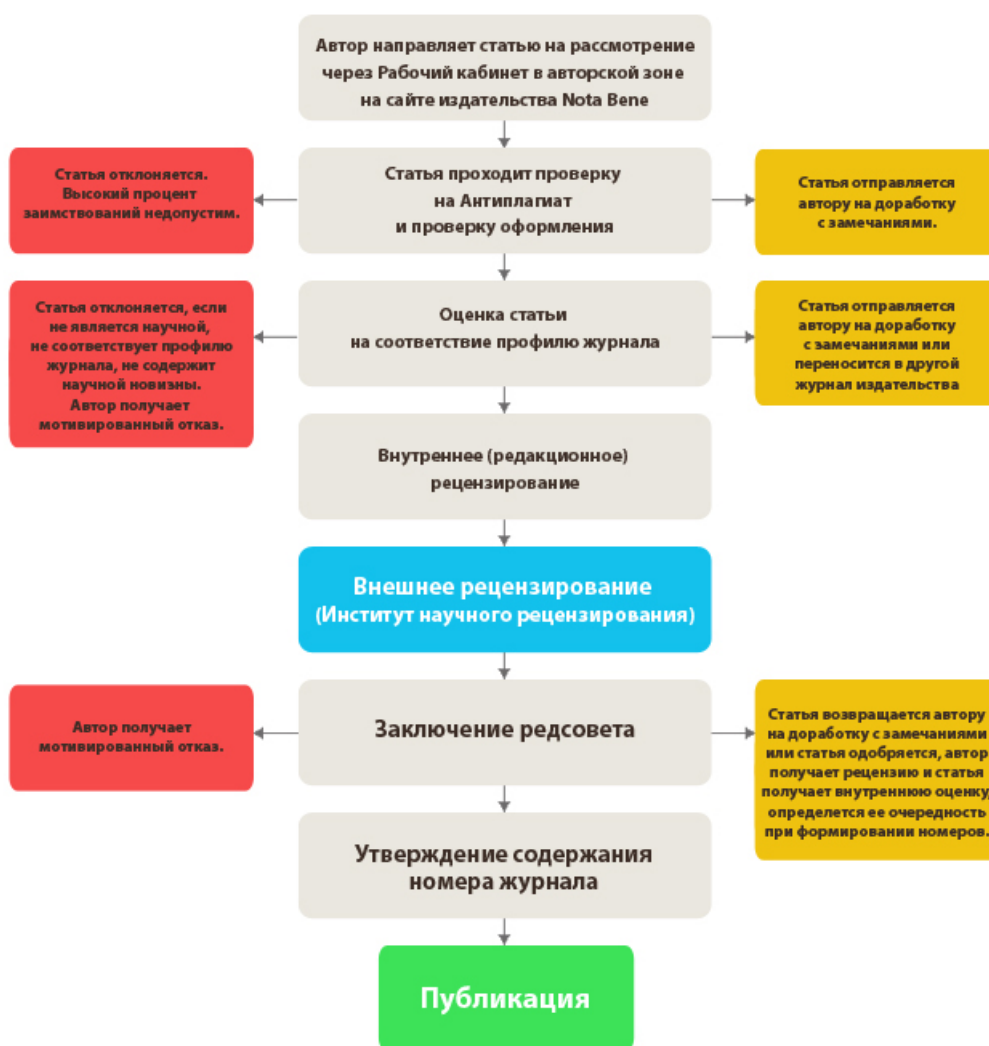
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Куделькин Н.С. Экологические конфликты в Арктической зоне Российской Федерации в сфере обеспечения энергетической, экономической и экологической безопасности	1
Ахрамкина К.А. Права на результат интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта с точки зрения дуализма интеллектуального права	16
Шиханов В.Н. К вопросу о типологии механизмов уголовно-правового воздействия и возможностях их криминологического сопровождения	33
Иванова Е.Л., Тользак А.Е. Проблемы правового регулирования публичных мероприятий на современном этапе	47
Секретарёв Р.В. Работы профессора А. С. Смыкалина по каноническому праву и государственно-конфессиональным отношениям: ad deliberandum.	60
Англоязычные метаданные	71

Contents

Kudelkin N. Environmental conflicts in the Arctic zone of the Russian Federation in the field of energy, economic and environmental security	1
Akhramkina K.A. Rights to the Result of Intellectual Activity of Artificial Intelligence in Terms of the Dualism of Intellectual Law	16
Shikhanov V.N. To the question of the typology of the mechanisms of criminal law influence and the possibilities of their criminological support	33
Ivanova E.L., Tol'zak A.E. Problems of legal regulation of public events at the present stage	47
Sekretaryov R.V. The works of Professor A. S. Smykalin on canon law and state-confessional relations: ad deliberandum.	60
Metadata in english	71

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Куделькин Н.С. — Экологические конфликты в Арктической зоне Российской Федерации в сфере обеспечения энергетической, экономической и экологической безопасности // Право и политика. — 2023. — № 9. DOI: 10.7256/2454-0706.2023.9.44121 EDN: YGLFGN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44121

Экологические конфликты в Арктической зоне Российской Федерации в сфере обеспечения энергетической, экономической и экологической безопасности

Куделькин Николай Сергеевич

кандидат юридических наук

ведущий научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

✉ nkkix@inbox.ru

[Статья из рубрики "Человек и окружающая среда"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2023.9.44121

EDN:

YGLFGN

Дата направления статьи в редакцию:

23-09-2023

Дата публикации:

30-09-2023

Аннотация: Предмет работы составляют положения документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной, экологической, энергетической и экономической безопасности, а также положения документов стратегического планирования, посвященных АЗРФ. Целью работы является изучение названных выше документов, выявления в них экологических конфликтов и разработка предложений по их разрешению и предупреждению. Методологическую основу исследования составила система методов, средств познания и логических приемов, в процессе работы использовались общенаучные, частные и специальные методы. Такие, как синтез, анализ, дедукция, аналогия, индукция, формально-юридический и другие. Об актуальности темы исследования говорит то, что Арктика играет важную роль в обеспечении стратегических национальных интересов России в таких областях, как

экономика, транспорт, охрана окружающей среды, оборона, и ряда других. От состояния окружающей среды АЗРФ, а также от осуществления хозяйственной деятельности на ее территории зависят многие аспекты национальной безопасности России, следовательно, разрешение и предупреждение экологических конфликтов, касающихся этого региона, является важной и актуальной задачей, поскольку без соблюдения баланса интересов в данной сфере представляется маловероятным как устойчивое развитие российской Арктики, так и сохранение ее уникальной природной среды. В работе делается вывод о том, что в целях разрешения основного правотворческого экологического конфликта, имеющего место в рассматриваемых стратегических документах, необходимо исключить из перечня угроз (вызовов) экономической и энергетической безопасности такой фактор, как избыточность требований в области экологической безопасности и рост затрат на их выполнение. В свою очередь, для обеспечения баланса интересов при осуществлении природопользования и охраны окружающей среды в АЗРФ предлагается применять наилучшие доступные технологии, а также природно-экологический каркас территории.

Ключевые слова:

Арктика, охрана окружающей среды, загрязнение окружающей среды, национальная безопасность, экологическая безопасность, экономическая безопасность, энергетическая безопасность, экологический конфликт, юридический конфликт, Северный морской путь

Введение. Арктическая зона Российской Федерации (далее – АЗРФ) представляет большой интерес для исследования различных вопросов, связанных с правовым регулированием, начиная от охраны окружающей среды [\[1; 2; 3; 4\]](#) и заканчивая проблемами осуществления экономической поддержки предпринимательской деятельности [\[5\]](#). На примере АЗРФ представляется возможным изучить экологические конфликты, возникающие в различных сферах, включая обеспечение экологической, энергетической и экономической безопасности. Так, в Государственном докладе «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2021 году» подчеркивается, что Арктика играет важную роль в обеспечении стратегических национальных интересов страны в таких областях, как экономика, транспорт, охрана окружающей среды, оборона, и ряда других. АЗРФ характеризуется существенным ресурсным потенциалом, который в состоянии обеспечить развитие как самой Арктики, так и России в целом. При этом добываемые в АЗРФ полезные ископаемые, а также их разведанные запасы и прогнозные ресурсы составляют основную часть минерально-сырьевой базы Российской Федерации. В свою очередь, континентальный шельф морей российской Арктики называют стратегическим резервом для укрепления минерально-сырьевой безопасности Российской Федерации. Помимо больших запасов минеральных ресурсов АЗРФ является средой обитания разнообразных животных, растений, грибов, многие из которых занесены в Красную книгу (См.: *О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2021 году. Государственный доклад. М.: Минприроды России; МГУ имени М.В. Ломоносова, 2022. С. 231–239.*) Арктический регион также оказывает влияние на окружающую среду далеко за своими пределами. В литературе обращается внимание на то, что в глобальной климатической системе Арктика является своеобразным «холодильником» и огромным хранилищем льда, который в случае своего таяния может существенно поднять уровень мирового океана [\[6\]](#).

[с. 8\]](#), что станет причиной множества проблем не только экологического, но и правового характера [\[7\]](#). Таким образом, от состояния окружающей среды АЗРФ, а также от осуществления хозяйственной деятельности на ее территории зависят многие аспекты национальной безопасности Российской Федерации, следовательно, разрешение и предупреждение экологических конфликтов в этом регионе, которые, как писала О.Л. Дубовик, главным образом связаны с осуществлением деятельности по добыче природных ресурсов [\[8, с. 204\]](#), является важной и актуальной задачей, в том числе и для правовой науки, поскольку без соблюдения баланса интересов в АЗРФ представляется маловероятным как устойчивое развитие российской Арктики, так и сохранение ее уникальной природной среды. Как верно отмечает М.М. Мухлынина, в связи с природными и геополитическими особенностями Арктического региона вопросы обеспечения экологической безопасности и правопорядка в АЗРФ являются злободневной темой, широко обсуждаемой как в средствах массовой информации, так и в научной среде [\[9, с. 47\]](#). При этом она относит экологическую безопасность к одному из факторов социально-экономического развития России [\[10, с. 94\]](#). В свою очередь, С.В. Лихачев и Н.С. Ракша справедливо считают, что без обеспечения защиты приоритетных национальных интересов в сфере национальной безопасности невозможно дальнейшее развитие России [\[11\]](#).

При этом в литературе подчеркивается, что нынешние и будущие вызовы безопасности все чаще обусловлены деградацией окружающей среды и конфликтами из-за доступа к природным ресурсам, в связи с чем обеспечение экологической безопасности признано одной из основных функций любого современного государства [\[12\]](#).

Приведенные выше факты и мнения ученых подтверждает высокую значимость и актуальность исследования вопросов, связанных с конфликтами интересов, возникающими при обеспечении экологической, энергетической и экономической безопасности, разрешение и предупреждение которых полностью соответствует интересам обеспечения национальной безопасности.

Основные понятия. Рассмотрение вопросов, касающихся экологических конфликтов в АЗРФ, логично начать с изучения понятийного аппарата. Одним из основополагающих понятий в данной сфере является «национальная безопасность». Согласно пп. 1 п. 5 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 (СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II) Ст. 5351) (далее – Стратегия национальной безопасности) под национальной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны. В свою очередь, в п. 26 Стратегии национальной безопасности перечислены стратегические национальные приоритеты, среди которых указаны помимо прочего экономическая, экологическая безопасность и рациональное природопользование.

Под экономической безопасностью согласно пп.1 п. 7 Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 (СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902) (далее – Стратегия экономической безопасности) понимается состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются

экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.

Экологическая безопасность определяется в ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133) (далее – Закон об охране окружающей среды) как состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий. При этом согласно п. 1 Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 (СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2546) (далее – Стратегия экологической безопасности) экологическая безопасность является составной частью национальной безопасности.

В свою очередь, согласно пп. а) п. 4 Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216 (СЗ РФ. 2019. № 20. Ст. 2421), (далее – Доктрина энергетической безопасности) под энергетической безопасностью понимается состояние защищенности экономики и населения страны от угроз национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечивается выполнение предусмотренных законодательством Российской Федерации требований к топливо- и энергоснабжению потребителей, а также выполнение экспортных контрактов и международных обязательств Российской Федерации. Здесь нужно подчеркнуть, что в Стратегии национальной безопасности уделено достаточно много внимания вопросам энергетики, например, обеспечение энергетической безопасности Российской Федерации, повышение энергетической эффективности экономики и эффективности государственного управления в сфере топливно-энергетического комплекса отнесены к задачам, решение которых необходимо для достижения целей обеспечения экономической безопасности.

Если внимательно посмотреть на приведенные выше определения различных видов безопасности, то можно прийти к выводу, что все они в той или иной степени связаны с состоянием окружающей среды, либо во многом, как, например, энергетическая и экономическая безопасность, зависят от природных ресурсов. Таким образом, представляется, что, с одной стороны, охрана окружающей среды и устойчивое природопользование необходимы для обеспечения различных видов безопасности, а с другой – обеспечение таких видов безопасности, как экономическая и энергетическая, может оказывать сильное негативное воздействие на природу, что является почвой для возникновения конфликтов интересов различного характера.

Далее представляется целесообразным изучить такое понятие, как экологический (эколого-правовой) конфликт. Поскольку экологические конфликты в той или иной степени касаются правовой сферы, логично начать рассмотрение данного вопроса с понятия «юридический конфликт». В.Н. Кудрявцев писал, что конфликт можно считать юридическим, если спор в нем так или иначе связан с правовыми отношениями сторон и, соответственно, субъекты, либо мотивация их поведения, либо объект конфликта обладают правовыми признаками, а конфликт влечет юридические последствия [\[13, с. 5-16\]](#). Наиболее удачной дефиницией экологического конфликта представляется определение, предложенное О.Л. Дубовик, согласно которому данный вид конфликта – это противостояние двух или более сторон, при котором они стремятся изменить ситуацию в сфере использования природных ресурсов и оказания воздействия на окружающую среду, ее компоненты и объекты в своих личных либо общественных

(публичных) интересах, прибегая при этом как к законным мерам и способам, так и к противоправным действиям (бездействию). При этом она подчеркивала, что экологические конфликты имеют жизненное значение для человечества и сопровождают его с давних времен и, соответственно, должны быть предметом социального контроля [\[8, с. 58-59\]](#). В контексте рассматриваемой проблемы особый интерес вызывает такой вид экологического конфликта, как правотворческий, под которым О.Л. Дубовик понимала конфликты в сфере охраны окружающей среды и использования природных ресурсов, возникающие в связи с созданием, изменением, отменой нормативных правовых актов [\[8, с. 252\]](#). Также она обращала внимание на то, что как нормы международного права, так и национальное законодательство не только слабо приспособлены к решению и предупреждению экологических конфликтов, но и сами в ряде случаев вызывают их или способствуют их обострению [\[8, с. 207-208\]](#). Далее в настоящей работе будут рассмотрены экологические конфликты, наличествующие в документах стратегического планирования. Представляется, что такой вид экологического конфликта можно отнести к разновидности правотворческих. Опасность появления ярко выраженных конфликтов интересов в документах стратегического планирования заключается в том, что данный тип документов в целом задает направление развития законодательства, таким образом, создается риск переноса конфликта интересов из стратегических документов в законодательство и далее их воплощение в жизнь в процессе реализации конкретных правовых норм и (или) осуществления той или иной деятельности.

Экологические конфликты. Перед тем как перейти к рассмотрению экологических конфликтов, имеющих в вопросах обеспечения экономической, энергетической и экологической безопасности, следует кратко обозначить основные точки соприкосновения данных видов безопасности. Ключевым моментом здесь представляется то, что все три перечисленных выше вида безопасности являются составными частями национальной безопасности, а следовательно, их обеспечение должно быть направлено на достижение общей цели, для чего необходимо как разрешение существующих в данной сфере конфликтов интересов, так и предупреждение их возникновения в будущем. Эта взаимосвязь между названными выше видами безопасности хорошо прослеживается в тексте Стратегии национальной безопасности. Например, в п. 60 названного документа говорится о возрастающем значении экологии в условиях продолжающейся структурной перестройки мировой экономики. Подпунктом 16 п. 67 Стратегии национальной безопасности среди задач, решение которых должно обеспечить достижение целей обеспечения экономической безопасности, называется развитие низкоуглеродной энергетики. Согласно п. 81 Стратегии национальной безопасности Российская Федерация рассматривает свою территорию, ее ландшафтное и биологическое разнообразие, уникальный эколого-ресурсный потенциал в качестве национального достояния, сохранение и защита которого необходимы для обеспечения жизни будущих поколений, гармоничного развития человека и реализации права граждан на благоприятную окружающую среду. В соответствии с п. 83 рассматриваемой Стратегии для достижения целей обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования необходимо решить в том числе такие задачи, как обеспечение экологически ориентированного роста экономики, стимулирование внедрения инновационных технологий, развитие экологически безопасных производств, обеспечение рационального и эффективного использования природных ресурсов, развитие минерально-сырьевой базы. В свою очередь, пп. 1 п. 17 Стратегии экономической безопасности к одной из основных задач по реализации направления, касающегося обеспечения устойчивого роста реального сектора экономики, отнесена комплексная модернизация производственно-технологической базы отраслей реального

сектора экономики с учетом требований промышленной и экологической безопасности. Подпунктом 7 п. 23 Стратегии экономической безопасности к одной из задач по реализации направления, касающегося развития человеческого потенциала, отнесено совершенствование механизмов обеспечения экологической безопасности и сохранения благоприятной окружающей среды. Значимым для обеспечения надлежащего уровня охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности является такой показатель состояния экономической безопасности, как степень износа основных фондов, предусмотренный пп. 5 п. 27 рассматриваемой Стратегии. Данному показателю уделено внимание и в пп. ж п. 17 Доктрины энергетической безопасности, где он отнесен к одному из рисков в области энергетической безопасности.

Согласно п. 26 Доктрины энергетической безопасности к задачам по поддержанию минерально-сырьевой базы ТЭК и основных производственных фондов организаций ТЭК на уровне, необходимом для обеспечения энергетической безопасности, относится в том числе уменьшение отрицательного воздействия хозяйственной деятельности организаций ТЭК на окружающую среду (пп. ж).

Таким образом, в рассмотренных выше документах стратегического планирования довольно много внимания уделено вопросам охраны окружающей среды, и главное, что об охране природы говорится в контексте национальной, экономической и энергетической безопасности. Это может послужить основой и для преодоления экологических конфликтов в данной сфере.

При этом в некоторых вопросах, связанных с обеспечением национальной, экономической и энергетической безопасности, можно заметить наличие явного столкновения соответствующих им интересов с интересами охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Например, согласно п. 5 Доктрины энергетической безопасности основой энергетики России является ТЭК, при этом подчеркивается, что он играет основную роль в пополнении бюджета России. Данное положение дел находит свое подтверждение и в Государственном докладе «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2020 году», согласно которому производство и экспорт минерально-сырьевой продукции, а также продуктов ее переработки обеспечивают значительную часть поступлений в федеральный бюджет. При этом доля топливно-энергетических товаров (в стоимостном выражении) в российском экспорте равняется 49,6% (См.: *О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2020 году. Государственный доклад. М.: ФГБУ «ВНИГНИ», ФГБУ «Гидроспецгеология», ФГБУ «ЦНИГРИ», 2021. С. 9.* Таким образом, сфера энергетики и в особенности ТЭК играют ключевую роль в обеспечении экономической безопасности. Следовательно, развитие ТЭК соответствует интересам как энергетической, так и экономической безопасности России. Если же посмотреть на развитие ТЭК с точки зрения обеспечения экологической безопасности, то следует обратить внимание на то, что загрязнение окружающей среды, возникающее при добычи нефти и газа, к которому относятся разливы нефти, сжигание попутного нефтяного газа, являются одними из основных видов загрязнения природы при добыче полезных ископаемых. Например, в 2021 г. на магистральных трубопроводах было зарегистрировано 10 088 порывов, при этом 5880 из них на нефтепроводах, причиной 93% таких происшествий стала коррозия (См.: *О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2021 году. Государственный доклад. М.: Минприроды России; МГУ имени М.В. Ломоносова, 2022. С. 116.*) О высокой опасности нефтяных разливов для окружающей среды АЗРФ говорится и в п. 13 Стратегии экологической безопасности. Угольная промышленность также оказывает существенное негативное

воздействие на окружающую среду, проявляющееся в заборе воды, сбросе сточных вод, выбросе вредных веществ, изъятии из землепользования и нарушении земель, образовании и размещении отходов производства (См.: *О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2021 году. Государственный доклад. М.: Минприроды России; МГУ имени М.В. Ломоносова, 2022. С. 197*).

Исходя из приведенных выше данных можно сделать вывод о том, что развитие и активная эксплуатация ТЭК, являющегося основой обеспечения энергетической и экономической безопасности, представляет собой серьезную угрозу для безопасности экологической. И соответственно деятельность, связанная с развитием и использованием ТЭК, требует строгой регламентации и установления жестких природоохранных требований, речь о которых пойдет далее.

Заслуживающим внимания является и то, что некоторые из перечисленных в п. 12 Стратегии экономической безопасности основных вызовов и угроз экономической безопасности являются снижающими негативное воздействие антропогенной деятельности на природу факторами и, соответственно, должны способствовать обеспечению экологической безопасности. Среди них следует назвать: изменение структуры мирового спроса на энергоресурсы и структуры их потребления, развитие энергосберегающих технологий и снижение материалоемкости, развитие «зеленых технологий» (пп. 6 п. 12), исчерпание экспортно-сырьевой модели экономического развития (пп. 9 п. 12). Схожий подход наблюдается и в Доктрине энергетической безопасности, в которой среди вызовов, угроз и рисков в области энергетической безопасности названы в том числе и факторы, которые могут оказать положительное воздействие на состояние окружающей среды (см., например: пп. 6, е п. 8; п. 9). Представляется, что наличие в стратегических документах перечисленных выше негативных с точки зрения обеспечения экономической и энергетической безопасности факторов говорит об изначальном существующем противоречии между основными целями осуществления экономической деятельности и охраной окружающей среды и подчеркивает необходимость поиска путей к достижению баланса интересов в этих сферах.

Повышенного внимания заслуживает факт того, что Доктрина энергетической безопасности (пп. д п. 17) и Стратегия экономической безопасности (пп. 25 п. 12) относят установление избыточных требований в области экологической безопасности, а также рост затрат на выполнение таких требований к угрозам (вызовам) энергетической и экономической безопасности. Представляется, что данный подход, зафиксированный в рассматриваемых документах, является наиболее ярким примером конфликта интересов, существующего на уровне стратегического планирования в сфере обеспечения экономической, энергетической и экологической безопасности. Данный факт имеет прямое отношение к АЗРФ, так как в данном регионе планируется, с одной стороны, интенсивное осуществление хозяйственной деятельности, а с другой – в соответствии со стратегическими документами, которые посвящены АЗРФ (будут рассмотрены ниже), усиление природоохранной деятельности, включая увеличение числа особо охраняемых природных территорий.

Здесь также следует сказать, что вопрос отнесения экологических требований к избыточным является чрезвычайно сложным. Представляется, что с точки зрения субъекта, осуществляющего ту или иную хозяйственную деятельность, большинство существующих экологических требований может восприниматься как избыточные, повышающие затраты, снижающие экономическую эффективность такой деятельности и т.д. В то же время наблюдаемое состояние окружающей среды и отдельных ее

компонентов говорит о явной недостаточности таких требований. Данное положение дел находит свое отражение в п. 6 Стратегии экологической безопасности, в котором говорится о том, что, несмотря на применяемые меры, направленные на снижение уровней воздействия негативных факторов на окружающую среду, угроза экологической безопасности продолжает сохраняться. При этом согласно п. 18 Стратегии экологической безопасности экономические потери, обусловленные ухудшением качества окружающей среды, без учета ущерба здоровью людей составляют 4–6% ВВП.

Данную проблему целесообразно рассмотреть на примере требований, установленных в сфере обращения с нефтью и нефтепродуктами, поскольку этот вид антропогенной деятельности, как уже говорилось выше, является одним из наиболее опасных для природы, особенно для арктической. Итак, данные требования довольно обширны и регулируются большим массивом нормативных правовых актов. Так, п. 1 ст. 16. 1 Федерального закона от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» (далее – Закон о внутренних морских водах) (СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3833) и ст. 22.2 Федерального закона от 30 ноября 1995 г. № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации» (далее – Закон о континентальном шельфе) (СЗ РФ. 1995. № 49. Ст. 4694) предусмотрено обязательное наличие плана предупреждения и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов при осуществлении деятельности, которая к таким разливам может привести, например, проведение буровых работ при добыче углеводородного сырья, транспортировке и хранении нефти и нефтепродуктов и др. Статьей 31 Закона о континентальном шельфе предусмотрено проведение государственной экологической экспертизы в том числе и в отношении проектов федеральных программ, других документов и (или) документации, относящихся к разведке и добыче минеральных ресурсов континентального шельфа. Подлежат экологической экспертизе и планы предупреждения и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов, о которых говорилось выше. Аналогичные требования содержатся и в ст. 34 Закона о внутренних морских водах.

Статья 46 Закона об охране окружающей среды устанавливает Требования в области охраны окружающей среды при осуществлении деятельности в области геологического изучения, разведки и добычи углеводородного сырья, а также при переработке (производстве), транспортировке, хранении, реализации углеводородного сырья и произведенной из него продукции. В соответствии с п. 1 рассматриваемой статьи при осуществлении деятельности в указанной сфере, начиная от архитектурно-строительного проектирования и заканчивая хранением, реализацией углеводородного сырья и произведенной из него продукции, должны приниматься меры по сбору, обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению отходов производства, осуществляться сбор нефтяного попутного газа, рекультивация земель, другие мероприятия по предотвращению негативного воздействия на окружающую среду. Рассматриваемой статьей среди прочего установлена необходимость предусматривать меры по предупреждению и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов и иного негативного воздействия на окружающую среду при осуществлении геологического изучения, разведке и добыче углеводородного сырья, а также при переработке (производстве), транспортировке, хранении, реализации углеводородного сырья и произведенной из него продукции (п. 3). Также указанная выше деятельность может осуществляться только при наличии планов предупреждения и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов. При этом эксплуатирующая организация должна иметь финансовое обеспечение для осуществления мероприятий, предусмотренных планом предупреждения и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов, включая возмещение в полном объеме вреда,

причиненного в результате разливов нефти и нефтепродуктов (пп. 2 п. 10).

Из приведенного выше краткого обзора правового регулирования в сфере обращения нефти и нефтепродуктов видно, что природоохранные мероприятия, направленные на предупреждение и минимизацию экологического вреда, должны осуществляться на всех этапах данного вида деятельности. Также законодательством установлена обязанность по полному возмещению экологического и экогенного вреда, наступившего в результате разлива нефти и нефтепродуктов (пп. 5 п. 14. ст. 46 Закона об охране окружающей среды). Тем не менее, несмотря на довольно строгие природоохранные требования, установленные в данной сфере, уровень загрязнения окружающей среды нефтью и нефтепродуктами, а также количество происходящих нефтяных разливов свидетельствуют о недостаточности таких экологических требований и (или) низкой эффективности их реализации. Таким образом, можно выдвинуть тезис о том, что если действительно рассматривать окружающую среду и природные ресурсы как основу жизни и деятельности, то говорить об избыточности природоохранных требований некорректно, по крайней мере на данном этапе развития науки и техники.

Далее после изучения стратегических документов, касающихся всех регионов Российской Федерации, представляется целесообразным рассмотреть стратегические документы, непосредственно посвященные Арктике либо уделяющие ей особое внимание. Это необходимо как в целях выявления в таких документах точек напряжения, которые могут стать причиной различных экологических конфликтов в АЗРФ, так и для понимания направлений развития и освоения российской части Арктики.

Так, согласно п. 5 Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года, утвержденных Указом Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 (СЗ РФ. 2020 г. № 10. Ст. 1317), (далее – Основы) к одним из основных национальных интересов Российской Федерации в Арктике относятся развитие АЗРФ в качестве стратегической ресурсной базы и ее рациональное использование в целях ускорения экономического роста России; развитие Северного морского пути (СМП) в качестве конкурентоспособной на мировом рынке национальной транспортной коммуникации Российской Федерации; охрана окружающей среды в Арктике, защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, проживающих на территории АЗРФ. В п. 9 Основ, в котором речь идет о целях государственной политики Российской Федерации в Арктике, также говорится об ускорении экономического развития АЗРФ и об охране окружающей среды.

Разработанная в том числе и в целях реализации Основ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года, утвержденная Указом Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 (СЗ РФ. 2020. № 44. Ст. 6970), (далее – Стратегия развития) среди особенностей АЗРФ, которые определяют специальные подходы к ее социально-экономическому развитию и обеспечению национальной безопасности в Арктике, называет экстремальные природно-климатические условия, высокую чувствительность экологических систем к внешним воздействиям, климатические изменения, способствующие возникновению как новых экономических возможностей, так и рисков для хозяйственной деятельности и окружающей среды (пп. а, б, в п 4 Стратегии). В п. 5 Стратегии развития в контексте значения АЗРФ для социально-экономического развития страны и обеспечения ее национальной безопасности говорится о таких особенностях российской Арктики, как наличие больших запасов полезных ископаемых, возрастающее значение СМП и т.п. Однако также подчеркивается возможность наступления в результате антропогенного воздействия и (или) потепления климата в Арктике опасных для окружающей среды

событий как России, так и всего мира. При этом согласно п. 7 Стратегии развития к основным угрозам для развития АЗРФ и обеспечения национальной безопасности относится среди прочего несоответствие темпов развития аварийно-спасательной инфраструктуры и системы общественной безопасности темпам роста хозяйственной деятельности в АЗРФ. При этом согласно пп. р п. 11 Стратегии развития устранение негативных последствий для окружающей среды от хозяйственной и иной антропогенной деятельности относится к одной из основных задач в сфере социального развития АЗРФ.

В свою очередь, в целях обеспечения экологической безопасности п. 15 Стратегии развития предусмотрен ряд мер, среди которых создание особо охраняемых природных территорий, минимизация выбросов и сбросов загрязняющих веществ при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, предотвращение негативных последствий для окружающей среды при освоении природных ресурсов, развитие единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в целях осуществления мероприятий по ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов, а также установление мер государственной поддержки, направленных на внедрение в АЗРФ наилучших доступных технологий. Таким образом, из текста Основ и Стратегии развития видно, что АЗРФ является регионом, в котором планируется (или уже осуществляется) крупномасштабное ведение хозяйственной деятельности, главным образом связанной с добычей энергоресурсов и их транспортировкой, а также усиленным развитием соответствующей инфраструктуры, что может рассматриваться как усиление негативного влияния на окружающую среду АЗРФ. Соответственно риск возникновения экологических конфликтов в данном регионе тоже будет возрастать. Однако в указанных документах признается уязвимость окружающей среды Арктики и говорится о необходимости усиления мер, связанных с охраной природы АЗРФ, данный факт должен послужить основой для развития природоохранного законодательства, учитывающего особенности природы Севера, применение которого должно способствовать как предупреждению экологического вреда, так и предотвращению экологических конфликтов.

Морская доктрина Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 31 июля 2022 г. № 512 (*СЗ РФ. 2022. № 31. Ст. 5699*) (далее – Морская доктрина) относит развитие АЗРФ в качестве стратегической ресурсной базы, ее рациональное использование, включая полномасштабное освоение континентального шельфа РФ (пп. 13 п. 9), равно как и развитие СМП в качестве национальной транспортной коммуникации, к национальным интересам России в Мировом океане. При этом к одному из приоритетных направлений освоения минеральных и углеводородных ресурсов Мирового океана пп. 3 п. 41 Морской доктрины отнесено увеличение объемов геолого-разведочных работ и добычи углеводородных ресурсов на континентальном шельфе Российской Федерации, в том числе и в АЗРФ. Согласно пп. 7 п. 50 Морской доктрины широкое освоение природных ресурсов, прежде всего топливно-энергетических, в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе в АЗРФ относится к перечню приоритетов национальной морской политики на Арктическом региональном направлении. Приведенные выше положения одного из важнейших стратегических документов России говорят о том, что нагрузка на морскую среду российской Арктики будет возрастать, причем за счет высокорисковых видов хозяйственной деятельности, таких как добыча полезных ископаемых на континентальном шельфе и активное развитие судоходства по СМП, которое также сопряжено с рисками загрязнения морской среды. При этом данные виды деятельности полностью соответствуют обеспечению интересов как энергетической, так и экономической безопасности.

Важным моментом является то, что в Морской доктрине уделено много внимания вопросам охраны окружающей среды. Так, одной из стратегических целей национальной морской политики является сохранение морских природных экосистем и рациональное использование их ресурсов (п. 10 п. 27 Морской доктрины), а одним из принципов национальной морской политики является экосистемный подход (пп. 8 п. 32 Морской доктрины). Согласно пп. 18 п. 50 Морской доктрины осуществление комплексной защиты природной среды арктических акваторий, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации, является одним из приоритетов национальной морской политики на Арктическом региональном направлении. Соответственно можно сделать вывод о том, что в Морской доктрине соблюдается некоторый баланс интересов между природопользованием и охраной окружающей среды. При этом, например, в пп. 15 п. 78 говорится о повышении уровня защиты окружающей среды за счет перехода отечественных морских судов на экологически чистые виды топлива, соблюдения экологических требований при реализации инвестиционных проектов в сфере развития морского транспорта, строительства новых и реконструкции действующих сооружений по очистке сточных вод, переработке и обезвреживанию судовых отходов. То есть о повышении и ужесточении как требований в сфере охраны окружающей среды, так и контроля за ними, что рассматривается в качестве отрицательных факторов стратегическими документами, посвященными вопросам экономической и энергетической безопасности.

Очевидно, что как активное экономическое освоение АЗРФ, так и развитие СМП сопряжено с неминуемым существенным повышением нагрузки на окружающую среду Арктики, это, в свою очередь, будет приводить к возникновению экологических конфликтов в будущем и полностью избежать этого вряд ли возможно. В то же время в стратегических документах, посвященных АЗРФ, природоохранные и экономические интересы, прямо не противопоставляются друг другу, это говорит о возможности установления баланса между природопользованием и охраной окружающей среды в российской Арктике.

Заключение. Таким образом, анализ стратегических документов, посвященных вопросам национальной, экономической, энергетической и экологической безопасности, а также развитию АЗРФ, показывает наличие как конфликта интересов, так и единства по отношению к некоторым вопросам, связанным с охраной окружающей среды. Данный факт говорит, с одной стороны, о сложности обеспечения национальной безопасности страны и многогранности данной проблемы, с другой – об острой необходимости достижения баланса интересов в указанных сферах. При этом представляется возможным смещения такого баланса в сторону природоохранных интересов. Поскольку окружающая среда в целом и ее отдельные компоненты в частности являются основой как жизни и деятельности населения, так и практически всех аспектов деятельности государства, в том числе в сфере энергетики и экономики. В поддержку данного тезиса можно привести как мнения ученых, например, Н.М. Заславская считает, что экологические конфликты должны решаться не в пользу одной из его сторон, а в пользу охраны окружающей среды, рационального природопользования и обеспечения экологической безопасности [\[14\]](#), так и Конституционного Суда РФ, который в своем Определении от 30 сентября 2010 г. № 1421-О-О («Вестник Конституционного Суда РФ». 2011. № 2) указал на то, что основной задачей государства является разрешение экологических и экономических конфликтов и обеспечение баланса публичных и частных интересов с тем, чтобы в условиях экономического развития деятельность хозяйствующих субъектов имела экологически совместимый характер.

Необходимо, чтобы подобные подходы остались не только на бумаге, но и нашли свое отражение в законодательстве и затем при осуществлении хозяйственной деятельности. Особенно это актуально для АЗРФ, как справедливо пишут Н.Г. Жаворонкова и В.Б. Агафонов, опыт освоения Арктики показывает, что, невзирая на частые призывы к обеспечению экологической безопасности, вред, причиненный окружающей среде Севера, только увеличивался. По мнению авторов, довольно сложно представить себе, чтобы какой-то из арктических регионов в целях обеспечения экологической безопасности своим решением заблокировал, например, добычу полезных ископаемых или какую-либо другую деятельность, оказывающую негативное воздействие на природу. Однако в мировой практике случаи, когда природоохранные интересы ставились выше экономических, встречаются, например запрет на добычу нефти на Аляске [\[15\]](#).

В целях разрешения основного правотворческого экологического конфликта, имеющего место в стратегических документах, посвященных вопросам экономической и энергетической безопасности, необходимо исключить из перечня угроз (вызовов) экономической и энергетической безопасности такой фактор, как избыточность требований в области экологической безопасности и рост затрат на их выполнение.

В свою очередь, для обеспечения баланса интересов при осуществлении природопользования и охраны окружающей среды в АЗРФ целесообразно использовать наилучшие доступные технологии [\[16\]](#), однако здесь остро стоит вопрос, связанный с необходимостью разработки таких технологий и создания их справочников специально для условий Арктики [\[17\]](#). Также для этой цели можно применять природно-экологический каркас территории [\[18\]](#), с помощью которого посредством установления различных режимов охраны природы и осуществления природопользования можно распределить нагрузку на окружающую среду, что позволит обеспечить как достаточный уровень ее охраны, так и возможность осуществления эффективного природопользования.

Библиография

1. Куделькин Н.С. Арктика и глобальное потепление: адаптация к изменению климата и охрана окружающей среды // Юридические исследования. 2022. № 1. С. 1–16. DOI: 10.25136/2409-7136.2022.1.37049
2. Боголюбов С.А., Краснова И.О. Право и спасение природы Российской Арктики // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6 (91). С. 178–190. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.91.6.178-190
3. Бринчук М.М., Каспрова Ю.А. Арктика как специфический объект экологической безопасности // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2021. Т. 31. № 2. С. 235–242. DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-2-235-242
4. Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Правовое обеспечение экологической безопасности Арктической зоны Российской Федерации при реализации геномных технологий // Lex russica. 2019. № 6. С. 61–70. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.061-070
5. Баттахов П.П., Овчинникова Ю.С. Правовые аспекты предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации // Государство и право. 2022. № 11. С. 99–105. DOI: 10.31857/S102694520022764-1
6. Сердитова Н.Е. Изменение климата в Арктике: локальное и глобальное воздействие на окружающую среду // Вестник Тверского государственного университета. Серия: География и геоэкология. 2020. № 1 (29). С. 7–16. DOI: 10.26456/2226-7719-1-

2020-7-16

7. Шинкарецкая Г.Г. Повышение уровня Северного Ледовитого океана и проблемы делимитации зон юрисдикции приарктических государств // Образование и право. 2022. № 9. С. 333–341. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-9-333-341
8. Дубовик О.Л. Экологическая конфликтология (предупреждение и разрешение эколого-правовых конфликтов): Монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. – 280 с. ISBN: 978-5-91768-982-1
9. Мухлынина М.М. Особенности обеспечения экологической безопасности и правопорядка на территории российской северной полярной области земли // Аграрное и земельное право. 2020. № 8 (188). С. 47–49.
10. Мухлынин Д.Н., Мухлынина М.М. Экономико-правовые аспекты реализации стратегии экологической безопасности в России // Закон и право. 2018. № 5. С. 93–94.
11. Лихачев С.В., Ракша Н.С. Проблемы правового регулирования обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Российский следователь. 2022. № 1. С. 64–67. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-1-64-67
12. Абанина Е.Н., Сухова Е.А. Правовое обеспечение экологической безопасности Российской Федерации: состояние и перспективы развития. Монография. М.: Юстицинформ, 2022. – 222 с. ISBN: 978-5-7205-1811-0
13. Юридическая конфликтология / Бойков А.Д., Варламова Н.В., Дмитриев А.В., Дубовик О.Л., и др.; отв. ред.: В.Н. Кудрявцев М.: ИГП РАН, 1995. – 316 с. ISBN 5-201-01309-1 (В пер.): Б. ц.
14. Заславская Н.М. Эколого-правовые конфликты: понятие, классификация, особенности правового регулирования // Экологическое право. 2021. № 5. С. 9–15. DOI: 10.18572/1812-3775-2021-5-9-15
15. Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Стратегические направления правового обеспечения экологической безопасности в Арктической зоне Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 7. С. 161–171. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.104.7.161-171
16. Куделькин Н.С. Правовые вопросы экономической поддержки природоохранной деятельности на примере наилучших доступных технологий // Экологическое право. 2020. № 6. С. 30–34. DOI: 10.18572/1812-3775-2020-6-30-35
17. Игнатьева И.А. Правовая охрана природы Арктики и внедрение наилучших доступных технологий // Бизнес, менеджмент и право. 2020. № 1 (45). С. 46–50.
18. Куделькин Н.С. Концептуальный подход к совершенствованию правового регулирования охраны окружающей среды и осуществления природопользования в Арктике // Юридические исследования. 2022. № 12. С. 53–66. DOI: 10.25136/2409-7136.2022.12.3955

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. Рецензируемая статья "Экологические конфликты в Арктической зоне Российской Федерации в сфере обеспечения энергетической, экономической и экологической безопасности" в качестве предмета исследования имеет правовые нормы, обеспечивающие национальную безопасность России в Арктике в целом, а также, ее

отдельные составляющие (энергетическую, экономическую и экологическую безопасность).

Методология исследования. Методологический аппарат статьи составили следующие диалектические приемы научного познания: абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, исторический метод, теоретико-прогностический метод, формально-юридический метод, системно-структурный метод и метод правового моделирования. Кроме того, отмечается использование приемов типологии, классификации, систематизации и обобщения. Применение современных методов научного познания позволило изучить сложившиеся подходы, взгляды на предмет исследования статьи, выработать авторскую позицию и аргументировать ее. В качестве положительного момента можно отметить, что в работе использовалось сочетание теоретической и эмпирической информации.

Актуальность исследования. В современных условиях развития общественных отношений и сложности геополитической обстановки тема исследования не вызывает сомнения. Сам автор аргументирует важность заявленной проблематики: "высокую значимость и актуальность исследования вопросов, связанных с конфликтами интересов, возникающими при обеспечении экологической, энергетической и экономической безопасности, разрешение и предупреждение которых полностью соответствует интересам обеспечения национальной безопасности".

Научная новизна исследования. Статья отличается не только научной новизной, но и имеет практическую значимость. Выводы автора (как результаты проведенного им исследования) заслуживают внимания (например, "В целях разрешения основного правотворческого экологического конфликта, имеющего место в стратегических документах, посвященных вопросам экономической и энергетической безопасности, необходимо исключить из перечня угроз (вызовов) экономической и энергетической безопасности такой фактор, как избыточность требований в области экологической безопасности и рост затрат на их выполнение"). Однако следует заметить, что обращение к проблематике обеспечения национальной безопасности в Арктической зоне Российской Федерации автором сделано не впервые в отечественной науке.

Стиль, структура, содержание. Представляется, что название статьи нуждается в корректировке, поскольку в нем 2 раза употребляется "экологические" и "экологической". Это замечание сделано в качестве пожелания, и несколько не умаляет проделанной автором работы. В целом же статья написана научным стилем, с применением специальной юридической терминологии. Статья структурирована. Материал изложен последовательно, ясно и грамотно. Тема раскрыта. По содержанию статья соответствует заявленной теме.

Библиография. Автором при подготовке статьи изучено достаточное количество публикаций, включая научные работы последних лет. Все ссылки на использованные источники оформлены в соответствии с требованиями библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. В статье присутствуют обращения к мнениям других ученых в целях аргументации собственной позиции автора. Все обращения к оппонентам корректные, заимствования оформлены ссылками на первоисточник.

Выводы, интерес читательской аудитории. Рецензируемая статья "Экологические конфликты в Арктической зоне Российской Федерации в сфере обеспечения энергетической, экономической и экологической безопасности" рекомендуется к опубликованию в научном журнале "Право и политика", отвечает установленным требованиям и редакционной политике этого научного издания. Данная статья является весьма актуальной, имеет практическую значимость и отличается научной новизной. Статья "Экологические конфликты в Арктической зоне Российской Федерации в сфере обеспечения энергетической, экономической и экологической безопасности" может

представлять большой интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, для специалистов в области государственного, экологического и информационного права, а также, для преподавателей и обучающихся юридических факультетов и вузов.

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Ахрамкина К.А. — Права на результат интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта с точки зрения дуализма интеллектуального права // Право и политика. – 2023. – № 9. DOI: 10.7256/2454-0706.2023.9.39484 EDN: ZCLWCD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39484

Права на результат интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта с точки зрения дуализма интеллектуального права

Ахрамкина Кира Анатольевна

ORCID: 0000-0002-1224-5406

аспирант, кафедра гражданского и предпринимательского права, Российская государственная академия интеллектуальной собственности

117279, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а

✉ kirra4@yandex.ru

[Статья из рубрики "Теория"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2023.9.39484

EDN:

ZCLWCD

Дата направления статьи в редакцию:

23-12-2022

Аннотация: В данной статье раскрывается взгляд автора на вопросы, возникающие в области прав интеллектуальной собственности в связи с развитием систем искусственного интеллекта. Тема исследования затронута в связи с тем, что современное технологическое обновление в современном мире настолько масштабно, что многие ученые склоняются не только к историческим переменам, но и антропологическим: техника становится доминантой в неразрывной связи с человеком-оператором. В современном российском законодательстве отсутствует институциональное закрепление норм права, регулирующих отношения, связанные с созданием и использованием результатов искусственного интеллекта. В мировом правовом поле признание искусственного интеллекта автором изобретения продолжительное время остается открытым вопросом. В статье рассмотрены различные точки зрения на определение искусственного интеллекта, в том числе из иностранных источников. Автор рассуждает о применимости понятия «изобретатель» относительно к искусственному интеллекту. Авторская позиция по отношению к результатам искусственного интеллекта представлена на основании принципа дуализма

интеллектуальной собственности, где основной идеей является разделение неимущественных и имущественных прав на результаты искусственного интеллекта. Использованы методы анализа, синтеза, моделирования, сравнительно-правовой. В заключении сделаны выводы о признании авторства на результат деятельности искусственного интеллекта, исходя из творческого вклада в его создание и работу, возникновении и передаче исключительных прав.

Ключевые слова:

право интеллектуальной собственности, принципы права, принцип дуализма, искусственный интеллект, робот, программа, изобретение, исключительные права, право автора, право программиста

Целью настоящей работы является определение правовой принадлежности результатов интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта (далее – ИИ) среди элементов состава правоотношения, необходимого для построения модели правового регулирования, связанной с адаптацией российского права интеллектуальной собственности к новым реалиям и вызовам, связанным с развитием систем ИИ. Значимость исследования состоит в том, что в настоящее время в российской и мировой правовой системе отсутствует четкое понимание о регулировании правоотношений с участием ИИ в целом. Кроме того, мы разделяем точку зрения М.А. Ефремовой и Т.М. Лопатиной о том, что вопрос о наделении в перспективе робота с ИИ статусом субъекта в гражданском праве вообще представляется первичным по отношению к рассмотрению его в качестве субъекта уголовно-правовых отношений или иных правоотношений в других отраслях права, а, значит, в этой связи является определяющим и немаловажным фактором и должен быть всесторонне рассмотрен^[1]. Современные цифровые технологии развиваются значительно быстрее, чем происходят изменения связанной с ней правовой базой. В этом аспекте право интеллектуальной собственности, как отрасль права, непосредственно связанная с инновационными процессами, сталкивается с наибольшими трудностями. В настоящее время в нашей стране реализуется федеральный проект "Искусственный интеллект", задачей которого является создание условий для использования предприятиями и гражданами продуктов и услуг, основанных преимущественно на отечественных технологиях искусственного интеллекта. Также Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 утверждена Национальная стратегия (далее – Стратегия) развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.

Среди наиболее значимых законодательных проектов в данной сфере следует выделить проект федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» и «Модельную конвенцию о робототехнике и искусственном интеллекте», разработанную Исследовательским центром проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта. Оба они, основанные на принципах безопасности, лояльности и предупредительности, нацелены на построение системы правовых норм, регулирующих отношения ИИ и робототехники в социальной сфере. Небезынтересными представляются предлагаемые в них идеи о создании Единого государственного реестра робототехники, о применении норм юридической ответственности к владельцу и пользователю^{[2],[3]}.

В соответствии с целью исследования поставлены задачи: дать определение понятию «искусственный интеллект», рассмотреть ИИ с точки зрения субъекта правоотношений, складывающихся в сфере интеллектуальной собственности, обосновать точку зрения о наличии имущественных и неимущественных прав, участников правоотношений в сфере изобретений ИИ, с точки зрения дуализма права интеллектуальной собственности.

В статье проведен анализ подходов к определению места ИИ в структуре правоотношения. Некоторые авторы относят ИИ к разновидности объектов правового регулирования; другие рассматривают ИИ в качестве специфического субъекта права, в последнем случае определение прав и обязанностей представляется затруднительным, в силу как самого разнообразия систем ИИ, так и определения роли разработчиков, операторов и пр.

Значение ИИ в современном мире огромно. Беря начало с изобретения транзистора и интегральных микросхем, он стал частью жизни человечества (Google-переводчик, голосовые помощники, контекстная реклама). Фактически он – часть процесса, который именуется «переходом» и «трансформацией», что означает зарождение нового понимания, в том числе человеческой природы. В швейцарском суде не так давно были задокументированы показания робота, при рассмотрении дела о столкновении спортивного автомобиля и скутера, в результате которого водитель скутера получил серьезные травмы. Суд принял во внимание показания системы обнаружения сонливости водителя автомобиля и пришел к выводу о его виновности. До столкновения система несколько раз предупреждала водителя о подозрении на сонливость. Фактически автомобиль может следить за своим водителем. Предполагается, что в дальнейшем люди и роботы будут настолько тесно связаны между собой, что причинно-следственные связи установить будет затруднительно, и наше нынешнее понимание ответственности утратит актуальность^[4]. Современная французская система правового регулирования уже широко использует внедренные в правосудие цифровые системы, для облегчения сбора некоторых статистических сведений и анализа, нацелена на дальнейшую проработку юридической конструкции ответственности и распределения прав интеллектуальной собственности^[5; с.51]. Вводимые с помощью ИИ услуги претерпевают изменения, дорабатываются и адаптируются, ряд ранее предоставленных услуг уже был изменен (исключены автоматизированное принятие решений в онлайн-арбитраже и официальное опубликование аналитики судей, т.н. «предсказанное правосудие»). Дебаты об ИИ очень часто переводятся в рассмотрение юридических вопросов о взаимодействии человека и робота с ИИ, основанном на идеях как сотрудничества роботами, так и наделении их правами, схожими с правами человека или равными им.

В настоящее время в научном дискурсе нет однозначного определения понятий «мышление», «сознание», «интеллект». Содержание этих понятий зависит от контекста, в котором они могут употребляться, или от парадигмы, в которой они могут рассматриваться. По мнению Г.И. Колесниковой, отличие человека от ИИ главным образом в мотивации: «Именно мотивация придаёт качество действиям. С древнего мира существует три вида мотивации: две из них обличают раба (действие из страха наказания или стремления к поощрению) и одна свободного человека (действие исходя из собственных убеждений)»^[6; с.37]. На наш взгляд, мотивация может придавать качество действиям, но рассматривать прямую связь мотивации ИИ с качеством его действий необоснованно. Кроме того, более корректно было бы судить о целеполагании в целом как осознанном определении своих потребностей и мотивов, а не просто как побуждении к действию, поскольку целеполагание представляет собой более широкое понятие, в том числе включающее в себя не только постановку целей, но и

планирование их достижения. Кроме того, с нашей точки зрения, использование ИИ вместо человека в рабочих вопросах возможно при 100% точности при прогнозировании в получении результата, что не всегда достижимо.

Американские ученые отмечают: «В чем ИИ и машинное обучение действительно хороши, так это в вещах, которые являются конечными и контролируемыми, ограниченными задачами, но они не умеют справляться с двусмысленностью. Машинное обучение и ИИ по своей сути обманчивы, они реализуют производимые для них модели. Это вероятностные рассуждения, они принимают решения на основе наилучшей имеющейся информации, и, как следствие, иногда могут быть не точными»^[7]. ИИ «не имеет ума для завершения ментального акта, необходимого для изобретения или открытия»^[8]. Европейская комиссия определяет ИИ как систему, «демонстрирующую интеллектуальное поведение. Данные системы анализируют свою окружающую среду и принимают меры с определенной степенью автономности для достижения определенных целей. Системы на основе искусственного интеллекта могут быть программными и работать в виртуальном мире (например, голосовые помощники, поисковые системы, системы распознавания речи и лиц) либо встроенными в аппаратные устройства (например, роботы, автономные машины, дроны и др.)»^[9].

Раскрытие термина «искусственный интеллект» в Стратегии производится через «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека»^[10]. К технологиям и технологическим решениям, в которых ИИ представляется обязательным элементом, отнесены робототехника и управление беспилотным транспортом.

Д.А. Маношин определяет искусственный интеллект как «набор программных технологий, предназначенных для реализации действий, идентичных тем, которые выполняются человеческим мозгом, включая самостоятельное принятие решений. Для созданий приложений на основе искусственного интеллекта существует ряд специализированных платформ. Они основаны на принципах искусственных нейронных сетей, которые способны достаточно точно распознавать речь и объекты, а также самостоятельно генерировать действия, необходимые для функционала программного обеспечения» ^[11: с.21].

На наш взгляд кратким, но точным определением ИИ является видение его как «группы алгоритмов, которые имеют возможность модифицировать себя, на основании введенных данных»^[12]. Е.В. Купчина отмечает ключевую особенность ИИ – способность к самообучению: «Анализируя данные, полученные на собственном опыте... способен решать многие аналитические задачи, такие как: оценка, классификация, прогнозирование и кластеризация данных»^[13: с.50]. П.М. Морхат под технологиями искусственного интеллекта подразумевает компьютерные или киберфизические системы с антропоморфным (человекоподобным) «интеллектом», при этом определяя искусственный интеллект как «полностью или частично автономная самоорганизующая (и самоорганизующаяся) компьютерно–аппаратнопрограммная виртуальная (virtual) или киберфизическая (cyber–physical), в том числе био–кибернетическая (bio–cybernetic), система (юнит), не живая в биологическом смысле этого понятия, с соответствующим математическим обеспечением, наделённая/обладающая программно–синтезированными (эмулированными) способностями и возможностями»^{[14: с.5], [14: с.30]}. В рамках этого

развернутого определения следует указать о различии ряда понятий, которые в бытийном понимании зачастую представляются синонимичными. Автоматизация и робототехника могут содержать ИИ или включать его, но это необязательно. «Автоматизация — это просто когда машина заменяет задачу, которую выполнял человек, но это не обязательно должна быть когнитивная задача. Робототехника — это аппаратная часть сферы, и, по сути, она действует или действует в мире для выполнения задачи. Как правило, когда мы говорим об искусственном интеллекте, мы говорим об алгоритмах, машинном обучении и/или обработке естественного языка, и ИИ может включать один или несколько из этих компонентов. Под алгоритмами мы просто подразумеваем ряд шагов для выполнения задачи, за исключением того, что эти шаги выполняются компьютером, а не человеком»^[15]. Не каждый робот оснащен ИИ и не каждый ИИ воплощен в робототехнике. Кроме того, важной отличительной чертой «сильного» ИИ по сравнению с иными техническими решениями (видеокамеры, регистраторы) является преобразовательная функция и взаимодействие с миром, тогда как задачами вторых является выполнение простейших функций и несложных задач, например, фиксирование, выполнение математических расчетов и пр.

Мей Ли (May Lee) отмечает, что ИИ еще недостаточно развит, чтобы полностью имитировать человеческое мышление, пройдя тест Тьюринга, заключающийся в оценке способностей компьютера демонстрировать интеллектуальное поведение, эквивалентное человеческому^[12]. С.А. Афанасьев рассуждает о том, что разум человека так же искусственен, поскольку представляет собой отклонение от биологической функции, производное по отношению к мышлению^[16; с. 76]. Также им затрагиваются как общий вопрос о применимости и создании правовых норм, регулирующих взаимоотношение человека и нечеловеческого разума, основывающихся на равноправии, так и частный о возможности полагаться на иной, внечеловеческий разум, в том числе при оценке человеческих ошибок и влиянии на них^[16; с. 77]. Первопроходец в исследованиях искусственного интеллекта Марвин Мински (Marvin Minsky) настаивал на том, что «человеческий мозг есть компьютер, сделанный из мяса»^[17]. А. Дюфло (A.Duflo) утверждает принцип приоритета человека и его интересов над ИИ, главным образом «в области распределения прав интеллектуальной собственности» в отношении систем ИИ и результатов их деятельности»^[5; с.51].

Если рассматривать ИИ как изобретателя, то справедливо утверждение Эрнста Фока (Ernest Fok), что «люди могут дать машинам задание и материалы, необходимые для изобретения, но это не делает ее изобретателем. Изобретательство требует вклада в концепцию изобретения, и изобретатели могут перенимать идеи, предложения и материалы от других, пока они сохраняют интеллектуальное господство над созданием изобретения. Точно так же программист или пользователь, который направляет ИИ-изобретателя на создание изобретений в данной области, не может квалифицироваться как соавтор изобретения»^[8]. Он замечает, что патентный режим США имеет возможность продвигать инновации и изменять саму патентную политику, несмотря на то, что международные режимы не признают компьютерные технологии изобретателями. Патентное право, по его мнению, должно быть сосредоточено на природе самого изобретения, а не субъективных мыслительных процессах, с помощью которых оно было достигнуто. Очевидно, что подобный энтузиазм основан на том, что США по сути являются первопроходцами в регистрации неординарных научных решений: начиная с выдачи 12 апреля 1998 года патента на «Гарвардскую мышь», животное родившееся в реторе с помощью генной инженерии, заканчивая получением в 2005 году Джоном

Козой (John Koza) патента на изобретение, созданным ИИ, «изобретательскую машину», в которой использовалось генетическое программирование (смоделированное по эволюционным процессам) для улучшения системы управления без посторонней помощи (в заявке на патент при этом был указан человек – изобретатель, который фактически не принимал участия в изобретении)^[8]. С точки зрения российских правовых реалий созданные ИИ продукты и результаты теоретически могут признаваться изобретениями и приобретать охраноспособность, согласно ст. 1350 Гражданского кодекса Российской Федерации, если они имеют изобретательский уровень, промышленно применимы и ранее не были известны из уровня техники. В силу этого нам также представляется необоснованной непатентоспособность изобретения, созданного ИИ–программой в автономном режиме. Несмотря на то, что современное российское законодательство не содержит указаний относительно регулирования этого вида отношений, наш вывод не противоречит перечню объектов интеллектуальной собственности и их классификации, данной ВОИС, где в семи пунктах перечислены все виды объектов, охраняемые правами интеллектуальной собственности, а также отмечено: «Интеллектуальная собственность включает права, касающиеся и всех других прав, являющихся результатом интеллектуальной деятельности в промышленной, научной, литературной или художественной областях»^[18].

Рассмотрим некоторые точки зрения на искусственный интеллект как субъект права.

Основные темы дискуссий относительно взглядов на правовой статус ИИ перечислены И.Р. Бегишевым: о присвоении роботам правового статуса "электронных лиц", о признании ИИ полноценным киберсубъектом общества, о возможности наделения правосубъектностью виртуальных лиц, о наделении той или иной системы статусом субъекта права, о признании системы ИИ в качестве субъекта авторских и патентных прав, придание конструкции юридического лица роботу или ИИ^[19].

Е.Л. Затейщикова указывает, что искусственный интеллект обладает следующими признаками субъекта права: он обособлен внешне, имеет материальную форму, персонифицирован, выступает в виде единого лица, способен к выражению воли посредством юридически значимых действий, однако вопрос о его правоспособности дискуссионный в силу отсутствия у него сознания и души как моральных качеств личности^[20: с. 380–381]. Ею предлагаются следующие подходы к решению вопроса: рассматривать искусственный интеллект как техническое средство с правовым режимом вещи или придать ему статус электронного лица (как аналог юридического лица), во втором случае, поскольку воля как неотъемлемый атрибут субъекта права не присуща искусственному интеллекту, фактически применяется правовая фикция^[20: с.381]. Одновременное признание ИИ объектом и субъектом гражданского права породит абсурдные «юридические отношения». Моделируя такую возможность, В. Витко приводит в пример получение человеком иска от плесени «в его квартире, с требованием защиты ее прав в суде, посчитавшей себя автором изображения на стене, измененного человеком, в котором, по ее мнению, было выражено ее «чувство»^[21].

Ф.В. Ужов раскрывает понятие «электронного лица», введенного применимо к ИИ Европейским Союзом, как носителя искусственного интеллекта (машина, робот, программа), обладающего разумом, аналогичным человеческому, способностью принимать осознанные и не основанные на заложенном создателем такой машины, робота, программы алгоритме решения, и в силу этого наделённого определёнными правами и обязанностями и выделяет среди его прав право носителя на

неприкосновенность (согласно которому все изменения должны быть легитимны и санкционированы соответствующим решением органа власти) и право на авторство (согласно которому ИИ должно электронному лицу должно принадлежать право как на само творение, так и авторское право на него)^[22]. На наш взгляд эта точка зрения обладает новизной, но пути воплощения идеи автора неясны. Кроме того, реализация задачи гражданского права в виде регулирования имущественных и некоторых неимущественных отношений возможна и без наделения ИИ правосубъектностью.

А.Д. Померанец и В.В. Коленцова полагают, что на данный момент развития технологий ИИ наделение ИИ правосубъектностью не является необходимой, но существует необходимость в «создании «электронной вуали» (electronic veil), которая может быть использована как попытка ограничения ответственности собственников или владельцев данной технологии»^[23; с. 275.]. В пример следует привести заявление Илона Маска в связи с публикацией в СМИ информации об авариях с участием автопилотируемых автомобилей компании «Тесла». Он заявил, что компании-производители не должны нести ответственность за аварии, в которые попадает самоходный автомобиль, как компания-производитель лифтов не должна нести ответственность в каждом случае остановки лифта. Исходя из этого имущественную ответственность должен нести собственник источника повышенной опасности, а не компания-производитель.

В. А. Шестак и А. Г. Волеводз также проводят анализ идеи наделения правосубъектностью искусственный интеллект и указывают следующие признаки «разумности» роботов: умение анализировать данные; способность адаптировать свое поведение; автономия и возможность самообучения^[24].

Как замечает А. Гурко, поскольку ИИ не является личностью, на произведения искусственного интеллекта невозможно признать личные неимущественные права^[25]. То есть фактически им отрицается признание неимущественных прав за кем-либо в этой сфере правоотношений.

Английские ученые полагают, что признание правосубъектности не эффективно по следующим причинам. Во-первых, это связано с понятием правосубъектности в целом, его необязательном соотношении с понятием личности, «правосубъектность» в этом смысле представляется наделением правовой системой объекта определенными правами и обязанностями. Во-вторых, правосубъектность не универсальна: объем прав и обязанностей у разных субъектов различен. В-третьих, наделение правосубъектностью неравнозначно эффективному взаимодействию субъекта с правовой системой в целом^[26].

С нашей точки зрения права на изобретения искусственного интеллекта должны рассматриваться с позиции дуализма в праве интеллектуальной собственности. Говоря о концепции дуализма в целом, мы основываемся на мнении Г.Е. Зборовского о том, что теории, учения, концепции современности эпистемологически смещены относительно теории Т.Куна и не носят революционного научного характера^[27]. Концепция дуализма интеллектуальной собственности представляется нам умозрительной системой, пониманием, согласно которому моральные и имущественные права представлены отдельно. «Формально о дуализме в авторском праве можно говорить тогда, когда в закон об авторском праве включен институт моральных прав. Естественно, четкое разграничение между моральными и имущественными правами должно сохраняться»^[28; с. 66].

Если рассуждать о моделировании правосубъектности ИИ по аналогии с юридическим лицом, представляющим собой имущественный комплекс, которому предоставлена правосубъектность, то подобная фикция, порождающая наделение юридического лица правами и обязанностями, может быть применима и к ИИ, но только с учетом ограничения и прав и обязанностей по сравнению с человеком. Однако, признание ИИ субъектом права в правоотношениях, связанных с интеллектуальной собственностью, по аналогии с юридическим лицом, противоречит Хартии прав авторов (принята 26 сентября 1956 г. в Гамбурге на 19-м конгрессе Международной конфедерации обществ авторов и композиторов (СИЗАК) (гл. 2, пп. 5 и 6): «5. Основу авторского права составляет акт интеллектуального творчества. Его источник заложен в самой природе вещей. Закон должен лишь регламентировать эту деятельность, она никогда не должна зависеть от формальностей правообразующего характера. 6. В основе обладания авторского права лежит акт интеллектуального творчества, и только у физического лица может возникнуть право авторства на свои творения. Юридическое лицо никогда не должно рассматриваться как первоначальный обладатель авторского права на интеллектуальное произведение. Следует отвергнуть как неприемлемую концепцию, согласно которой автор считается простым служащим промышленного предприятия, которому принадлежало бы созданное автором произведение как обычная продукция этого предприятия»^[29].

По нашему убеждению, ограничение правосубъектности ИИ, во-первых, основывается на том, что искусственный интеллект представляет собой машину, занимающуюся обобщением уже имеющейся у людей информации об окружающей действительности, она может создать что-то похожее, не лишенное новизны, но опираясь на уже созданное людьми, а человек способен создавать оригинальное произведение с нуля. В связи с этим наиболее весомыми представляются убеждения В.Н. Синельниковой и О.В. Ревинского в том, что, «если разработана программа, способная создавать новые программы, то права на эти новые программы будут у разработчика первоначальной программы либо у того, кому он передал свое исключительное право на нее», поскольку «результат работы «искусственного интеллекта» представляет собой результат интеллектуальной деятельности создавшего этот «искусственный интеллект» человека-творца» ^{[30, с.22], [30, с.23]}.

Вывод Резолюции, принятой участниками круглого стола «Интеллектуальные права и охраноспособность объектов, создаваемых с использованием искусственного интеллекта, в цифровую эпоху», проведенного в рамках IX Пермского конгресса ученых-юристов (2018 г.) о том, что "произведения, создаваемые искусственным интеллектом, в настоящее время не являются объектами авторского права, так как их создателем необоснованно признавать лицо/лиц, создавших соответствующие компьютерные программы" представляется нам неубедительным по следующим основаниям^[31; с. 163]. Произведения, создаваемые искусственным интеллектом в действительности в настоящее время не отнесены к объектам авторского права, но это не означает, что они не будут затронуты новеллами законодательства в ближайшее время, поскольку некоторые результаты функционирования алгоритмов не отличаются от произведений, созданных человеком и таким результатам должна быть предоставлена правовая охрана. Кроме того, участие программиста, заключается в использовании совокупности процедур, приёмов и методов для обучения машины создавать результаты, похожие на объекты авторского права, фактически за счет созданной программы. Если же брать в основу понимание того, что программа представляет собой поэтапно расположенные команды, предписания программиста для исполнения машине, а ИИ представляет собой

комплекс этих команд, то нельзя отрицать, что произведения, созданные ИИ, появились абсолютно без участия человека. Охраноспособность объектов интеллектуальной собственности напрямую зависит от их связи с личностью автора. А задача разработчика бесспорно является творческой, она не ограничивается написанием кода, включает в себя также понимание задачи, перевод ее в техническую постановку, описание требования, понятного ИИ, требует человеческого опыта, умения коммуницировать, логически мыслить, строить предположения, делать выводы и т.д. Пусть в сравнении с работой художника творчество здесь не так очевидно, а роль автора приближается к роли редактора, но очевиден его минимальный творческий вклад. Кроме того, связь автора и функционирования системы ИИ очевидна и с точки зрения его ответственности. Мы придерживаемся мнения, изложенного в рекомендациях ПАСЕ «Слияние с технологиями, искусственный интеллект и права человека» от 28 апреля 2017 г. № 2102 указано, что она лежит на человеке независимо от обстоятельств произошедшего, и даже ссылки на независимость принятых юнитами искусственного интеллекта решений не могут освобождать их создателей, владельцев и операторов от ответственности [\[32\]](#). Здесь следует уточнить, что основания для ответственности могут возникнуть и в результате действий других, кроме автора, лиц (производителя, лица, осуществлявшего техническое обслуживание и т.д.).

Кроме того, согласно ст. 1257 Гражданского кодекса Российской Федерации не устанавливает требования к объему творческого вклада, для признания авторства. Фактически это означает, что «если программист вносит относительно небольшой творческий вклад в создание произведения с помощью искусственного интеллекта, он может рассматриваться как его автор» [\[33; с. 41\]](#).

Во-вторых, наша точка опосредована спецификой работы ИИ с точки зрения физиологии человека: искусственная нейронная сеть построена по принципу функционирования нервных клеток живого организма, но она уступает строению биологической нейронной сети по количеству слоев нейронов, а также характеризуется последовательным срабатыванием слоев в искусственной сети, в то время как в человеческом мозге обмен информацией между нейронами представляет собой более сложный процесс, параллельный и асинхронный [\[34\]](#).

Что касается исключительных прав на такие продукты, то первоначальное отнесение их автору или правообладателю ИИ представляется нам разумным по следующим основаниям: если субъект права является правообладателем на нейросеть, то и результаты ее деятельности принадлежат ему. Здесь можно привести в пример аналогию с римским правом на плоды: «Плоды, с момента отделения от плодоприносящей вещи (separatio), т.е. с того момента, с которого плоды становятся отдельной вещью, принадлежали только собственнику последней» [\[35\]](#).

В исследовании Е.А. Михович рассмотрены следующие варианты наделения исключительными правами на произведение, созданное ИИ:

«1. Вариант, при котором исключительные права на произведение, созданное при помощи ИИ, переходят к искусственному интеллекту.

2. Вариант гибридного авторства, при котором исключительные права на произведение распределяются между искусственным интеллектом и человеком.

3. Вариант, при котором исключительные права на произведение, созданное при помощи ИИ, переходят в собственность определенного лица (разработчика, либо пользователя

ИИ).

4. Вариант, при котором произведение, созданное при помощи ИИ, будет рассматриваться как служебное произведение.

5. Вариант, при котором произведение, созданное при помощи ИИ, переходит в общественное достояние» [\[36; с.393\]](#). Первые два варианта отвергаются самим автором в связи с отсутствием правосубъектности у ИИ. Если рассматривать четвертый вариант по полной аналогии со служебным произведением, то в этом случае право автора должно сохраниться за ИИ, что не представляется возможным по доводам, изложенным в нашем исследовании ранее. Автоматический переход в общественное достояние лишает исключительное право имущественной составляющей как таковой. В этой связи требующим наибольшего внимания остается третий вариант.

Говоря об изобретениях в целом, следует учитывать, что патентное право, по сравнению с авторским, часто характеризуется несовпадением автора и правообладателя (патентообладателя), а также то, что закрепление исключительных прав за правообладателем не усложняется передачей этих прав: принадлежность различных произведений, созданных одним ИИ, различным правообладателям должна допускаться, если права на ИИ были легитимно переданы. Если рассуждать о допустимости признания исключительных прав на произведения, созданные ИИ, за системой ИИ (например, по аналогии с юридическим лицом), то следует исходить из определения исключительного права, данного в п. 1 ст. 1229 Гражданского кодекса Российской Федерации. Согласно названной норме оно подразумевает собой использование результата интеллектуальной деятельности по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом. Также оно предполагает извлечение выгоды. Исходя из семантического значения усмотрения как действия по собственному желанию, то у ИИ оно отсутствует, равно как и сомнительна необходимость в получении выгоды ИИ.

В докладе В.О. Калятина указывается на возможность возникновения ряда проблем в случае закрепления исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом, за правообладателем программы, автоматически сформировавшей данный результат деятельности (в Государственную Думу Российской Федерации был внесен соответствующий законопроект в октябре 2020 г.) [\[37; с.7\]](#). По мнению автора, этот подход прост в реализации, но может привести к монополии разработчика искусственного интеллекта на созданные программой результаты. Кроме того, весомой проблемой ему представляется использование систем искусственного интеллекта в изобретательском процессе, в силу роста изобретений и патентов в определенной области возникновение «патентных зарослей», связанный с ним рост стоимости экспертизы всех патентов и получения лицензий [\[37; с.17\]](#). Если рассматривать ситуацию от противного, то в случае, если изначально не наделять разработчика исключительными правами, то можно прогнозировать как снижение самого исследовательского интереса, так и заинтересованности специалиста в имущественной выгоде, что в целом может привести не к монополии, а сокращению инновационных процессов. Доводы о «патентных зарослях» представляются неубедительными, они вероятны при колоссальном росте «сильных» систем ИИ, способных к созданию сложных моделей и конструкций, при условии возрастания загруженности сотрудников Роспатента. Однако, для периода постнеклассической науки в целом характерна модернизация видов труда и профессий, подобная тенденция не должна быть препятствием для технологических изменений и связанном с ними пересмотре законодательства.

В.О. Калятиным также отмечается интересный ряд возможных правовых новелл [\[37; с.211\]](#). Среди них:

1) Проведение в законодательстве разграничения между результатами интеллектуальной деятельности, созданных непосредственно ИИ и с помощью ИИ. Исключение человеческого фактора представляется автору основанием для возникновения особого правового режима, полного или частичного исключения этих объектов из охраны.

В этом случае автор указывает на необходимость защиты разработчика программы, но пути и механизмы этой защиты неясны.

2) Новелла, касающаяся закрепления прав на продукт, созданный ИИ, за лицом, «организуемым использование ИИ».

Организатору делегируется прежде всего определение задачи, ставящейся перед ИИ, проведение корректировок. В этой связи, как очевидно, организатор представляет собирательный образ различного рода технических специалистов и пользователей, между которыми разделено исключительное право.

3) Установление в законодательстве специального исключения в сфере авторских прав в отношении возможности использования результатов интеллектуальной деятельности, исключительные права на которые принадлежат иным лицам, для создания и обучения ИИ.

Эта новелла содержит элемент новизны, направлена на стимулирование инновационной деятельности, благодаря ее реализации возможен колоссальный рост технических решений, однако, как и в случае с первой новеллой, во-первых, неясны правовые механизмы ее реализации, во-вторых, подобная презумпция безграничного использования исключительных прав для ИИ может породить новые правовые проблемы и потребует серьезного реформирования законодательства в целом. Однако, следует отметить, что при таком подходе права на результат ИИ теоретически могут возникнуть и у собственника вещи, используемой для создания им нового продукта. Нам представляется целесообразным, что это должно быть право на получение вознаграждения в качестве поощрения за участие с обязательным заключением письменного договора.

На основании изложенного: перспективы для признания авторских прав на какой-либо объект, созданный ИИ, исключительно за ИИ, без указания его разработчика, поставщика информации, лица, предоставившего данные для формирования машинного обучения, оператора, контролирующего работу алгоритмов и отвечающего за отсутствие сбоев, отсутствуют. Поэтому нам представляются целесообразными следующие выводы.

Автономная выработка интеллектуальных решений и их реализация ИИ возможна только при наличии алгоритмов, написанных программистом. Помимо их создания в его обязанности входит проверка и корректировка программного обеспечения, аналитика, устранение технических неполадок и пр. Поэтому право считаться автором результата интеллектуальной деятельности, созданным ИИ, фактически должен иметь любой, кто вносит даже относительно небольшой творческий вклад в создание и работу ИИ. Кроме того, небезосновательным представляется при создании какого-либо продукта ИИ указывать, что он был создан ИИ с перечнем его авторов, каждый из которых приобретает комплекс личных неимущественных прав: право признаваться автором, право на неприкосновенность, защиту от искажения и пр. Критерием определения автора следует установить минимальный творческий вклад каждого из лиц,

ответственных за все факторы ИИ (научные, технические, лингвистические, контроля и пр.), на основании которых он (ИИ) осуществляет свою деятельность. Фактически при таком подходе ИИ представляет собой посредника-преобразователя, однако в силу сложной структуры системы ИИ, подразумевающей в том числе самообучение, нельзя сказать что ИИ – простой трудовой синтез соавторов или сложное произведение. Поэтому в этом случае указание авторства, без отсылки на создание продукта ИИ, представляется некорректным с точки зрения природы происхождения результата.

С нашей точки зрения изначально исключительными правами на код программы ИИ должен обладать программист, который может передавать их, в том числе с помощью договора. Фактически если ИИ не передавался, не использовался и находился у разработчика программы, не означает, что исключительные права на него отсутствовали. К тому же, согласно действующему законодательству автору принадлежит авторство и иные личные неимущественные права (п. 2 ст. 1228 Гражданского кодекса Российской Федерации), также у него первоначально исключительное право возникает на созданный результат интеллектуальной деятельности (п. 3 ст. 1228 Гражданского кодекса Российской Федерации). Исходя из этого, исключительное право на продукты (результаты) интеллектуальной деятельности, созданные ИИ, должно изначально ориентироваться на авторство того или иного изобретения, но с учетом его режима (например, служебное произведение), а также передачу этих исключительных прав. Таким образом, исключительное право может принадлежать не только автору-программисту ИИ, но вторичному правообладателю программы, использованной для создания результата интеллектуальной деятельности ИИ.

Библиография

1. Ефремова М.А., Лопатина Т.М. Робот как субъект уголовно-правовых отношений // Российский следователь – 2021. – № 9. – С. 42–45.
2. Наумов В.Б., Архипов В.В. Проект федерального закона "О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники" // Право и информация: вопросы теории и практики: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции / научный редактор Н.А. Шевелева. М., 2017. С. 220 – 228 (серия "Электронное законодательство").
3. Наумов В.Б., Незнамов А.В. Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте: подходы к идентификации и вопросам безопасности // Динамика институтов информационной безопасности. Правовые проблемы: сборник научных трудов / отв. ред. Т.А. Полякова, В.Б. Наумов, Э.В. Талапина. М., 2018. С. 125 – 137.
4. Qiao S., Li Z., Chen B. How Technology is Changing Justice in China //Judicature International. 2021–2022. URL: <https://judicature.duke.edu/articles/technology-changing-justice-in-china/> (дата обращения – 21.12.2022).
5. Дюфло А. Искусственный интеллект во французском праве //Вестник университета им. О.Е. Кутафина. –2021. –№1. – С. 49–57.
6. Колесникова Г.И. Искусственный интеллект: проблемы и перспективы// Видеонаука.–2018. –№ 2(10) . – С. 34–39.
7. Casebeer W., Chan K., Johnson B. D., McDaniel P. Autonomous Systems &Emerging Technology//Penn State Journal of Law & International Affairs. 2020. Volume 7. Issue 3 Symposium Issue. URL: <https://elibrary.law.psu.edu/jlia/vol7/iss3/2> (дата обращения – 01.12.2022).

8. Fok E. Challenging the international trend: the case for artificial intelligence//Santa Clara Journal of International Law. 2021. Volume 19. Issue 1. Article 2. URL: <https://digitalcommons.law.scu.edu/scujil/vol19/iss1/2> (дата обращения-01.12.2022).
9. Communication Artificial Intelligence for Europe . Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on Artificial Intelligence for Europe, Brussels. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/communication-artificial-intelligence-europe> (дата обращения – 21.12.2022).
10. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Информационно–правовое обеспечение «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/72838946/> (дата обращения – 01.12.2022).
11. Маношин Д.А. Программирование искусственного интеллекта// Colloquium-journal. 2019. №12(36). DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10331 С. 21–23.
12. Lee M. Artificial intelligence / Machine learning-based medical devices: regulatory and patentability challenges// Penn State Journal of Law & International Affairs.2022. Volume 10. Issue 2. URL: <https://elibrary.law.psu.edu/jlia/vol10/iss2/7> (дата обращения – 01.12.2022).
13. Купчина Е. В. Искусственный интеллект и интеллектуальная собственность: вопросы правового регулирования патентных отношений // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 48–54. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.6>.
14. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско–правовые проблемы: дисс. ... док. юр. наук.– М., 2018. – 420 с.
15. Grimm P.W., Grossman M.R., Gless S., Hildebrandt M. Artificial Justice: The Quandary of AI in the Courtroom//Judicature International. 2021-2022. URL: https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1004&context=judicature_intl (дата обращения – 01.12.2022).
16. Афанасьев С.А. О равноправии искусственного интеллекта и человека в философско–правовом и культурном аспекте// Правовая культура. –2022. –№3 (50).–С. 72–78.
17. Press G. Breaking News: Humans Will Forever Triumph Over The Machines // Forbes. 2015. Jun 30. URL:[://www.forbes.com/sites/gilpress/2015/06/30/breaking-news-humans-will-forever-triumph-over-the-machines/#1192b6be7fa5](http://www.forbes.com/sites/gilpress/2015/06/30/breaking-news-humans-will-forever-triumph-over-the-machines/#1192b6be7fa5) (дата обращения– 21.12.2022).
18. Оморев Р.О. Интеллектуальная собственность и искусственный интеллект//E–Management.– 2020.– № 1. – С. 43–49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intellektualnaya-sobstvennost-i-iskusstvennyy-intellekt> (дата обращения– 21.12.2022).
19. Бегишев. И.Р. Искусственный интеллект и робот как правовые категории. Безопасность бизнеса. 2020. № 6. СПС КонсультантПлюс.
20. Затеищикова Е.Л. Проблема правосубъектности и авторских прав системы с искусственным интеллектом// Вопросы российской юстиции. –2019.– С. 379–386.
21. Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта. Интеллектуальная собственности. Авторское право и смежные права. 2019. № 2. СПС КонсультантПлюс.
22. Ужов. Ф.В. Искусственный интеллект как субъект права// Пробелы в российском

- законодательстве. –2017. –№3. С. 357–360.
23. Померанец А.Д., Коленцова В.В. Уголовная ответственность и искусственный интеллект//Право и государство теория и практика. –2022. –№ 2(206). С. 273–278. DOI 10.47643/1815-1337_2022_2_273.
 24. Шестак В.А., Волеводз А.Г. Современные проблемы правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России. Всероссийский криминологический журнал. –2019. –Т. 13, № 2. – С. 197–206.
 25. Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права.– 2017.–№ 12. – С.164–167.
 26. Bryson J.J., Diamanti M.E., Grant T.D. Of, for, and by the people: the legal lacuna of synthetic persons // Artificial Intelligence and Law.– 2017. –Vol. 25. – С. 273 – 291.
 27. Зборовский Г.Е. История социологии: учебник. М.: Гардарики, 2004. 608 с.
 28. Интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства: учеб. пособие / А. Г. Матвеев; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2015. – 444 с.
 29. Липчик Д. Авторское право и смежные права. (Droit d'auteur et droits voisins) [Djv-7.9М]. Научное издание. Перевод с французского. Предисловие М.А. Федотова. Москва: Ладомир; Издательство ЮНЕСКО, 2002 URL: <https://studfile.net/preview/9915419/page:13/> (дата обращения – 05.12.2022).
 30. Синельникова В.Н., Ревинский О.В. Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. –2017.– № 4. – С. 17–27.
 31. Об итогах работы IX Пермского конгресса ученых-юристов «Правовое регулирование цифровизации общества: приоритетные задачи»// Научные собрания и мероприятия. Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА).– 2018. –№ 12 (145). – С.161–174.
 32. Recommendation of Parliamentary Assembly of the Council of Europe // Technological Convergence, Artificial Intelligence and Human Rights. – 2017. – № 2102. URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=23726&lang=en> (дата обращения – 05.12.2022).
 33. Понкин И., Редькина А. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности//Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права.–2018. – № 2.– С. 35–44.
 34. Васильев А.А., Печатнова Ю.В.. Место искусственного интеллекта среди элементов состава. Цифровое право. –2020. –Том 1, № 4. – С. 74–83.
 35. Приобретение права собственности на плоды. Римское право. Учебник под редакцией профессора И.Б. Новицкого и профессора И.С. Перетерского. URL: http://av-ue.ru/rimsk_lav.php?d=rl_5_16_63.htm (дата обращения – 15.12.2022).
 36. Михович Е.А. Правовой режим произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта.// Вопросы студенческой науки.– 2022–№5 (69). –С. 390–397.
 37. Калятин В.О. Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использование результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/482492820.pdf> (дата обращения – 22.12.2022).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ на статью на тему «Права на результат интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта с точки зрения дуализма интеллектуального права».

Предмет исследования. Предложенная на рецензирование статья посвящена правам «... на результат интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта с точки зрения дуализма интеллектуального права». Автором выбран особый предмет исследования: предложенные вопросы исследуются с точки зрения гражданского, информационного и интеллектуального права, теории права, при этом автором отмечено, что «Если рассуждать о моделировании правосубъектности ИИ по аналогии с юридическим лицом, представляющим собой имущественный комплекс, которому предоставлена правосубъектность, то подобная фикция, порождающая наделение юридического лица правами и обязанностями, может быть применима и к ИИ, но только с учетом ограничения и прав и обязанностей по сравнению с человеком». Изучаются НПА, проекты законов, документы ЕС, рекомендации ПАСЕ, имеющие отношение к цели исследования. Также изучается и обобщается большой объем научной литературы по заявленной проблематике, анализ и дискуссия с данными авторами-оппонентами присутствует. При этом автор отмечает: «Современные цифровые технологии развиваются значительно быстрее, чем происходит изменения связанной с ней правовой базой. В этом аспекте право интеллектуальной собственности, как отрасль права, непосредственно связанная с инновационными процессами, сталкивается с наибольшими трудностями».

Методология исследования. Цель исследования определена названием и содержанием работы: «...определение правовой принадлежности результатов интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта (далее – ИИ) среди элементов состава правоотношения, необходимого для построения модели правового регулирования, связанной с адаптацией российского права интеллектуальной собственности к новым реалиям и вызовам, связанным с развитием систем ИИ», необходимо «...дать определение понятию «искусственный интеллект», рассмотреть ИИ с точки зрения субъекта правоотношений, складывающихся в сфере интеллектуальной собственности, обосновать точку зрения о наличии имущественных и неимущественных прав, участников правоотношений в сфере изобретений ИИ, с точки зрения дуализма права интеллектуальной собственности». Они могут быть обозначены в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов, связанных с вышеназванными вопросами и использованием определенного опыта. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана определенная методологическая основа исследования. Автором используется совокупность общенаучных, специально-юридических методов познания. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить некоторые подходы к предложенной тематике и отчасти повлияли на выводы автора. Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором применялись формально-юридический и сравнительно-правовой методы, которые позволили провести сравнительный анализ и осуществить толкование норм действующих НПА РФ, документы ЕС, рекомендации ПАСЕ. В частности, делаются такие выводы: «... небезосновательным представляется при создании какого-либо продукта ИИ указывать, что он был создано ИИ с перечнем его авторов, каждый из которых приобретает комплекс личных неимущественных прав: право признаваться автором, право на неприкосновенность, защиту от искажения и пр.» и др. Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели статьи, позволяет изучить многие аспекты темы.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Данная тема является одной из важных в мире и в России, с правовой точки зрения предлагаемая автором

работа может считаться актуальной, а именно он отмечает «...в настоящее время в российской и мировой правовой системе отсутствует четкое понимание о регулировании правоотношений с участием ИИ в целом», «Произведения, создаваемые искусственным интеллектом в действительности в настоящее время не отнесены к объектам авторского права, но это не означает, что они не будут затронуты новеллами законодательства в ближайшее время, поскольку некоторые результаты функционирования алгоритмов не отличаются от произведений, созданных человеком и таким результатам должна быть предоставлена правовая охрана». И на самом деле здесь должен следовать анализ работ оппонентов, и он следует и автор показывает умение владеть материалом. Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только приветствовать.

Научная новизна. Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнения. Она выражается в конкретных научных выводах автора. Среди них, например, такой: «...более корректно было бы судить о целеполагании в целом как осознанном определении своих потребностей и мотивов, а не просто как побуждению к действию, поскольку целеполагание представляет собой более широкое понятие, в том числе включающее в себя не только постановку целей, но и планирование их достижения». Как видно, указанный и иные «теоретические» выводы «...право считается автором результата интеллектуальной деятельности, созданным ИИ, фактически должен иметь любой, кто вносит даже относительно небольшой творческий вклад в создание и работу ИИ» могут быть использованы в дальнейших исследованиях. Таким образом, материалы статьи в представленном виде могут иметь интерес для научного сообщества.

Стиль, структура, содержание. Тематика статьи соответствует специализации журнала «Право и политика», так как посвящена правам «...на результат интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта с точки зрения дуализма интеллектуального права». В статье присутствует аналитика по научным работам оппонентов, поэтому автор отмечает, что уже ставился вопрос, близкий к данной теме и автор использует их материалы, дискутирует с оппонентами. Содержание статьи соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, достиг цели своего исследования. Качество представления исследования и его результатов следует признать доработанным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология, результаты исследования, научная новизна. Оформление работы соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенные нарушения данных требований не обнаружены, кроме описок «придане конструкции юридического лица», отсутствия возможности открыть некоторые ссылки.

Библиография. Следует высоко оценить качество представленной и использованной литературы. Присутствие современной научной литературы российских и зарубежных авторов показывает обоснованность выводов автора. Труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию многих аспектов темы.

Апелляция к оппонентам. Автор провел серьезный и обстоятельный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Автор описывает разные точки зрения оппонентов на проблему, аргументирует более правильную по его мнению позицию, опираясь на работы оппонентов, предлагает варианты решения проблем.

Выводы, интерес читательской аудитории. Выводы являются логичными, конкретными «С нашей точки зрения изначально исключительными правами на код программы ИИ должен обладать программист, который может передавать их, в том числе с помощью договора», «... исключительное право может принадлежать не только автору-программисту ИИ, но вторичному правообладателю программы, использованной для создания результата интеллектуальной деятельности ИИ». Статья в данном виде может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных

позиций автора применительно к заявленным в статье вопросам. На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи рекомендую «опубликовать» с учетом замечаний.

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Шиханов В.Н. — К вопросу о типологии механизмов уголовно-правового воздействия и возможностях их криминологического сопровождения // Право и политика. – 2023. – № 9. DOI: 10.7256/2454-0706.2023.9.44166
EDN: ZYEHSD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44166

К вопросу о типологии механизмов уголовно-правового воздействия и возможностях их криминологического сопровождения

Шиханов Владимир Николаевич

ORCID: 0000-0002-9751-0714

кандидат юридических наук

профессор, кафедры Уголовно-правовых дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

664035, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, оф. 205

✉ shikhanovn@rambler.ru

[Статья из рубрики "Теория"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2023.9.44166

EDN:

ZYEHSD

Дата направления статьи в редакцию:

28-09-2023

Аннотация: Объектом исследования является уголовно-правовое воздействие – правовое явление, которое разрабатывается в отечественном уголовном праве, однако ещё не вошло в текст уголовного закона и пока не стало привычным в кругу правоведов ввиду непрекращающихся дискуссий о его содержании, месте в системе правового регулирования и механизме действия. Усилия автора направлены на дальнейшее изучение уголовно-правового воздействия. Предметом исследования выступают, во-первых, типология механизмов уголовно-правового воздействия, а во-вторых, возможности и способы криминологического сопровождения таких механизмов. В основание проведённой типологии положены разные типы уголовно-правовой рациональности, которые, в свою очередь, через правовое сознание и правовую культуру задают разные ожидания от применения уголовного закона в разных случаях. Автор обращает внимание на то, что попытка представить механизм уголовно-правового воздействия как единое явление, а также усилия правоведов по разработке универсальных методик криминологического обоснования уголовно-правового запрета

сталкиваются с серьёзными трудностями. Для их преодоления предлагается выделить три типа механизма уголовно-правового воздействия, а также сфокусировать внимание не столько на обосновании решений о криминализации либо декриминализации, сколько на криминологическом сопровождении процесса уголовно-правового воздействия с учётом проведённой типологии. Предложены основные способы криминологического сопровождения каждого типа механизма уголовно-правового воздействия. Учитывая особенности функционирования системы социального контроля, для каждого типа предложены отдельные рекомендации по снижению либо усилению процессов стигматизации правонарушителей.

Ключевые слова:

уголовно-правовое воздействие, уголовно-правовое регулирование, уголовная политика, уголовная ответственность, правосознание, правовая культура, предупреждение преступлений, цели наказания, криминализация, дифференциация уголовной ответственности

В кругу правоведов и практикующих юристов вопрос о том, что уголовно-правовой запрет должен быть криминологически обоснован, представляется трюизмом. Обратное утверждение как правило используется для описания нынешнего состояния законодательной работы в нашей стране (разумеется, в негативном ключе) [\[1, с. 764-768\]](#). Криминализации и декриминализации посвящено множество работ, в том числе в составе солидных авторских коллективов, разработано множество подходов для приведения этих процессов к некоторому единому знаменателю, выдвинуто большое количество научно обоснованных предложений, заслуживающих внимания.

Вместе с тем, общепринятой (а по ряду более критичных замечаний – даже удовлетворительной) методики криминологического обоснования в науках уголовного права и криминологии не выработано [\[2, с. 150\]](#). На наш взгляд, этому есть несколько причин.

Первая. По многим криминологическим показателям не существует линейных вариантов принятия решения. Порой требуется не просто учёт системы таких (чаще – статистических) показателей, но и творческий элемент, научный, правоприменительный и жизненный опыт. Видные правоведы неоднократно отмечали, что, например, распространённость какого-то деяния, и даже его рост в количественном выражении отнюдь необязательно означают повышение степени общественной опасности, поскольку могут быть индикатором изменения социальной нормы и стать поводом для декриминализации либо депенализации таких поведенческих актов [\[3, с. 103-105; 4, с. 4-6; 5, с. 117-118\]](#).

Не менее важным является то обстоятельство, что на решение об установлении уголовно-правового запрета и проведение пенализации влияет мировоззренческая позиция авторов такого уголовно-политического решения (или собственно законодателя). Ярким примером может являться отношение разных правоведов и политиков к преступлениям в сфере экономической деятельности, к наказанию в виде конфискации имущества, в виде смертной казни, к декриминализации побоев и т.п. На страницах юридической печати и в выступлениях на конференции приводятся зеркальные аргументы: представляет повышенную общественную опасность / не

представляет общественной опасности; остудит горячие головы / ни к чему не приведёт; оказывает положительное влияние на охраняемые общественные отношения / оказывает негативное влияние на общественные отношения, и т.п.

На позицию представителей правоприменительных органов в вопросах оценки общественной опасности тех или иных деяний, в вопросах криминализации и декриминализации (в качестве субъектов законодательной инициативы) дополнительное влияние оказывает служебная прагматика, в том числе рефлексия по поводу своей миссии в системе социального контроля, и даже система статистических показателей, по которым правоохранительным органам даётся оценка на предмет эффективности работы. Иными словами, необходимо учитывать миссию правоохранительных органов в механизме уголовно-правового регулирования, однако в этом направлении многие вопросы ещё остаются малоизученными.

В таких условиях создание математически выверенной матрицы, позволяющей сочетать статистические данные с этическими категориями, с духом эпохи, и чтобы при этом нивелировать разные мировоззренческие установки участников процесса создания либо изменения уголовно-правовой нормы, оказывается крайне затруднительным занятием. Как минимум, при отсутствии идеологии, которая определяла бы и контролировала мировоззренческую позицию всех.

Вторая проблема оказалась не менее значимой. С середины XX века в России возник спрос политической власти на научное обоснование проводимой уголовной политики. Попытки сменить тип уголовно-правовой рациональности сопровождались выходом юридической доктрины за пределы собственно правовой материи, проведением серьёзных исследований относительно оснований и правил криминализации и декриминализации, эффективности правовых норм, эффективности уголовных наказаний, в области пенитенциарной психологии и педагогики.

Этот период развития юридической науки, существенно обогатившейся достижениями смежных общественных и гуманитарных наук (и даже естественных и точных), дал очень многое в понимании правосознания, правового поведения, возможностей уголовного права и уголовной юстиции вообще, однако в настоящее время эти достижения слабо востребованы, и об этой ситуации сказано много.

Следует признать, что прежний симбиоз политических властей и юридической науки был возможен исключительно ввиду желания самих властей. Романтические представления правоведов о возможности управлять политическими властями в вопросах, что и как запрещать, как наказывать и как миловать, оказались утопией [\[6, с. 70; 7, с. 226-227\]](#). Иными словами, разработка (стараниями науки) методик создания уголовно-правовой нормы – это вполне определённое посягательство на политический суверенитет, даже если за таким суверенитетом, увы, скрывается политический произвол и недалёковидность. В ближайшем обозримом будущем новый период симбиоза юридической науки и политической власти не просматривается, в том числе ввиду взаимных упрёков правоведов и политиков в рамках уголовно-политического дискурса.

Третья проблема. В современной концепции государственного управления (которая немало опирается на неолиберальные представления и в целом предназначена приспособить инструменты правового регулирования к условиям общества постмодерна) уголовное право рассматривается не только с позиции прежних архаичных представлений о нём, и даже не столько с позиции научных представлений об охранительной, регулятивной или воспитательной функциях. За уголовным правом

видится коммуникативная роль, и адресатом уголовно-правовых запретов (или поправок, вносимых в уголовный закон) зачастую оказывается население, испытывающее потребность в безопасности – и оно получает символы этой безопасности, потребляет их таким образом [\[8, с. 73; 9, с. 1384-1388\]](#).

Отрицать эту сторону уголовного права сложно, исключить в ближайшем обозримом будущем, по всей видимости, не удастся, поскольку политическая власть не рискнёт отказаться от такой возможности работы с электоратом, от такого пути поддержания своей легитимности. На страницах юридической литературы правилам криминологического (и уголовно-политического) обоснования уголовно-правовых норм через призму коммуникативной функции уголовного права внимание уже уделяется [\[10\]](#), однако, к сожалению, недостаточно. В результате дискурс ещё не сложился и заинтересовать законодателя в этом плане правоведы пока не смогли.

Можно предположить, что сочетание даже этих трёх названных проблем может оказаться непреодолимым препятствием для разработки механизмов или методик криминологического обоснования уголовно-правовых норм – по крайней мере, в виде концепций, внедрённых в законотворческую практику.

На наш взгляд, более продуктивным будет являться иной подход с разворотом проблемы под другим углом. В настоящее время уголовно-правовая доктрина демонстрирует смещение фокуса со связки «преступление» - «наказание» & «иные меры уголовно-правового характера» на концепт «преступление» - «преступник» - «общество» - «уголовно-правовое воздействие» [\[11, с. 87-111\]](#). Категория «уголовно-правовое воздействие», пока ещё не представленная в тексте уголовного закона, в решениях Конституционного Суда Российской Федерации и судов общей юрисдикции, вместе с тем, используется правоведами (оставаясь дискуссионной по содержанию, а потому не общепринятой).

В большинстве работ по вопросам механизма уголовно-правового воздействия, его структуры и места в правовом регулировании (или правовой охране) общественных отношений проводятся попытки выявить его уникальную природу и описать его как единый и универсальный [\[12, с. 278-347\]](#).

Это неудивительно, поскольку в уголовно-правовой науке достаточно давно сложилось представление об общих уникальных и объединяющих чертах всех уголовно-правовых норм, благодаря которым они сводятся в одну отрасль (хотя следует отметить и серьёзные попытки пересмотра такого положения вещей в концепции criminal matter, в том числе в решениях Европейского Суда по правам человека [\[11, с. 111-120\]](#)), о правилах систематизации норм и институтов уголовного права, когда его положения делятся на Общую и Особенную часть и должны подчиняться единой логике построения, внутренним связям. Наблюдаемая сегодня декодификация, нарушение системных связей в уголовном законе, а отсюда и в отрасли уголовного права, закономерно рассматриваются как угрозы нормальной работе всего процесса уголовно-правового воздействия.

Вместе с тем, изменяющееся уголовное право, а также факт придания ему новых функций в рамках уголовной политики позволяют обнаружить, что механизм уголовно-правового воздействия не является единым. На самом деле, таких механизмов несколько. Они формируются порой путём уголовно-политических проб и ошибок, а также благодаря влиянию правоприменительной практики и судебного нормативного

толкования, роль которых отрицать уже невозможно.

К настоящему времени, на наш взгляд, можно выделить как минимум три варианта механизма уголовно-правового воздействия, каждый из которых обладает специфическим функционалом. В основе такого разграничения находится не операция классификации, а типологизация, а потому указанные ниже варианты механизмов уголовно-правового воздействия следует называть типами:

1. возмездный (предполагает воздаяние, по терминологии некоторых правоведов – кару, а также обеспечение безопасности граждан от лица, совершившего преступление);
2. превентивный (устрашение потенциальных нарушителей, когда ожидаемые потери, предусмотренные уголовным законом и обеспечиваемые правоприменительной практикой, должны существенно перевешивать планируемые выгоды от преступления);
3. исправительный (меры уголовно-правового воздействия направлены преимущественно на оказание исправительного воздействия и ресоциализацию в целях предупреждения повторного преступного поведения).

В таком случае роль криминологии в вопросах взаимодействия с уголовным правом оказывается продуктивной, но не в попытках навязать политической власти свои правила криминализации, а в сопровождении работы таких механизмов уголовно-правового воздействия при создании уголовно-правовых норм, в процессе их действия, а также при их применении.

Деление механизмов уголовно-правового воздействия на типы строится на разности типов уголовно-правовой рациональности, сосуществующих в отечественном уголовном праве, т.е. на разности таких мировоззренческих конструкций, которые играют роль методологического обоснования знания, проводят демаркацию последнего на научное и ненаучное, самоочевидно верное и неверное [\[13, с. 92-127\]](#).

Типов уголовно-правовой рациональности, как и рациональности вообще, можно выделять достаточно много, в зависимости от целей исследования. Вместе с тем, применительно к российскому уголовному праву имеются достаточные основания утверждать, что самым ранним типом был мифологический с целым рядом черт, присущих мировоззренческим установкам, а потому и правосознанию всех древних этносов. Начавшись с этого самого архаичного содержания уголовно-правовая рациональность в процессе эволюции государства и права, политических и экономических отношений, и в итоге вследствие изменений в правовой культуре сталкивалась с попыткой её замены на другие. Этот процесс закономерно происходит в любом государстве вследствие внедрения других подходов к пониманию преступления, наказания, роли уголовного права в регулировании общественных отношений (например, социологическая школа, экономический подход, течение аболяционистов, и др.).

Такие попытки смены типа рациональности были небезуспешными, однако полностью вытеснить древние мифологические элементы не удалось ни в одной стране. Каждый тип рациональности, разумеется, связан с такими особенностями коллективного уголовно-правового сознания, которые содержатся в культурно-символическом обосновании уголовно-правового запрета, задают неодинаковое отношение к преступлениям разных видов и соответствующие ожидания от применения уголовного закона в разных обстоятельствах. Всё это, с одной стороны, создаёт достаточно пёструю картину в структуре уголовно-правовой культуры, но с другой позволяет понять целый ряд аномалий, накопившихся в доктрине уголовного права, уголовной политике, уголовном

законе и правоприменительной практике. Это, например, вердикты, выносимые судом присяжных, когда они противоречат элементарному юридическому опыту, а подчас и формальной логике; это и неудачные попытки описать универсальность всех целей уголовного наказания; и выбивающиеся из научных концепций подходы политической власти к криминализации, декриминализации, пенализации общественно опасных деяний; и расхождения в оценках общественной опасности тех или иных деяний между законодателем, устанавливающим суровые санкции в статьях Особенной части, и правоприменителями, которые активно используют потенциал глав 11 и 12 УК РФ по делам об этих преступлениях, и даже непрекращающиеся споры между правоведами по достаточно застарелым, но концептуальным вопросам уголовного права. Поняв основания и происхождение таких аномалий, доктрина получает возможность их решить. Перейдём непосредственно к описанию предлагаемых нами типов механизма уголовно-правового воздействия.

Первый тип механизма уголовно-правового воздействия – возмездный – основан на мифологической части уголовно-правового сознания и соответствующем (мифологическом, архаичном, но очень живучем) типе рациональности. Он предполагает в первую очередь воздаяние (вплоть до возмездия), со стремлением обеспечить эквивалентность тяжести наказания тому вреду, который причинён преступником. Вопросы исправления в таком случае являются наименее актуальными, а вопрос защиты общества от тех, кто совершил подобные преступления – целесообразным, но всё же дополнительным к воздаянию.

Восстановление нарушенных общественных отношений в буквальном понимании в таких случаях невозможно, поскольку уголовный закон и обвинительный приговор суда, а равно исполнение уголовного наказания не могут сделать бывшее «не-бывшим». Здесь мы и сталкиваемся с одной из точек разлома уголовно-правовой доктрины (например, на сторонников и противников смертной казни, на сторонников и противников вообще представлений о восстанавливающих способностях уголовного наказания). Восстановление здесь, конечно, происходит, но в рамках уголовно-правового сознания, опирающегося на мифологический тип рациональности, в ходе специфического культурно-символического обмена [\[14, с. 132-136\]](#), обеспеченного актом правосудия и исполнением этого акта. Иными словами, восстанавливается прежний баланс сил, утверждается обязательность закона, легитимность и неприкосновенность суверенитета власти, издавшей закон, и монополия государства на насилие. Насколько этот концепт и такая цель наказания важны в постсовременном государстве (и обществе, которое не считает себя архаичным) – вопрос дискуссионный и требующий отдельного обсуждения [\[15, с. 106-107\]](#).

Говоря более сухим юридическим языком, при работе первого типа механизма уголовно-правового воздействия происходит восстановление не конкретного общественного отношения вообще, а определённой их совокупности, когда речь ведётся не об определённом потерпевшем, а, например, о правах и свободах человека и гражданина, ведь уголовная юстиция в таком случае утверждает, что они по-прежнему являются высшей ценностью. Среди постулатов классической школы уголовного права этот акт восстановления выстроен так: преступление есть волевой акт, отрицающий закон (право), а наказание – это акт отрицания воли, отрицающей закон (право) [\[16, с. 80\]](#). Именно с этим связаны поиски соразмерности преступлений и наказаний, их эквивалентности по тяжести, риторика о неотвратимости реакции на каждый случай нарушения закона, когда решение суда должно обеспечить воздаяние виновному.

Криминологическое сопровождение такого механизма уголовно-правового воздействия предполагает, во-первых, выявление уголовно-правовых запретов с этим мифологическим смысловым каркасом, с соответствующими ожиданиями в обществе. Идеи медиации и восстановительного правосудия в случаях конструирования и применения норм о таких преступлениях натолкнутся на непонимание большинства населения и, соответственно, спровоцируют процессы делегитимации закона, политической власти, органов уголовной юстиции. За такими процессами могут следовать акты внесудебных расправ.

Поскольку правовая культура общества и её уголовно-правовая составляющая подвержены трансформациям, постольку нужен периодический мониторинг перечня уголовно-правовых норм, основанных на мифологическом типе рациональности. И если, например, швейцарцы или норвежцы готовы понять и простить тех, по чьей вине погибло множество людей, а также считают достаточным и правильным использование мер социальной реабилитации виновных с обеспечением высокого уровня их жизни на стадии исполнения мер уголовно-правового воздействия, то российскому обществу на данном этапе эта форма правовой реакции покажется попустительством, бессилием или издевательством над традиционной системой ценностей. С другой стороны, население со временем может вполне безболезненно соглашаться на переход к другим типам механизма уголовно-правового воздействия по тем или иным преступлениям, отдавать предпочтение, например, мерам исправления и ресоциализации, разрешению конфликта взамен возмездия.

Примечательны в этом отношении разноплановые законодательные инициативы (часть из которых реализована). С одной стороны это декриминализация побоев, произошедшая в связи с принятием федерального закона от 03 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» (Российская газета от 08 июля 2016 года № 149).

На страницах юридической печати были высказаны разные точки зрения, в том числе немало опасений развития безнаказанности, роста количества преступлений против личности [\[17, с. 162; 18, с. 132-135; 19, с. 128-130\]](#). Вместе с тем, мрачные прогнозы не оправдались, а население в целом не заметило этой декриминализации, положительно относясь в том числе к мерам административно-правовой реакции на такие инциденты. Можно сказать, что побои не находятся в числе тех посягательств, которые у большинства граждан вызывают чувство потребности в отмщении средствами уголовного наказания, а потому и механизм реакции со стороны органов публичной власти может быть иным.

Но с другой стороны Верховный Суд Российской Федерации выступил с законодательной инициативой отказаться от уголовных дел частного обвинения (законопроект № 1145531-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 1161 и частью первой статьи 1281 Уголовного кодекса Российской Федерации)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1145531-7>).

И если прежняя концепция уголовно-процессуальной политики учитывала элементы восстановительного правосудия, ориентировала частных обвинителей и обвиняемых примириться (гарантируя отсутствие правовых последствий в соответствии с ч. 2 ст. 20

УПК РФ), то Верховный Суд предложил изменить в том числе и механизм уголовно-правового воздействия за счёт перевода всех таких преступлений к категории дел частно-публичного и публичного. Своё решение Высшая судебная инстанция мотивировала стремлением повысить защиту конституционных прав граждан от преступных посягательств.

Судя по текстам пояснительных записок к упомянутым закону и законопроекту, вопросы отношения населения к правовым запретам, кочующим между УК РФ, КоАП и разными режимами уголовного преследования в УПК РФ, а равно вопросы ожидания той или иной модели реакции органов уголовной юстиции не исследовались. Полагаем, это и есть одно из необходимых, но пока не востребованных направлений криминологического сопровождения механизмов уголовно-правового воздействия.

Процессы стигматизации в случае действия возмездного типа механизма уголовно-правового воздействия уместны и во многом даже полезны – здесь мы солидарны с позицией Э. Дюркгейма: «Преступление, как мы показали в другом месте, представляет собой действие, оскорбляющее известные коллективные чувства, наделенные особой энергией и отчетливостью. Для того чтобы в данном обществе перестали совершаться действия, признаваемые преступными, нужно было бы, чтобы оскорбляемые ими чувства встречались во всех индивидуальных сознаниях без исключения и с той степенью силы, какая необходима для того, чтобы сдерживать противоположные чувства. ... Действительно, для того чтобы коллективные чувства, которые защищает уголовное право данного народа в данный момент его истории, проникли в сознания, до тех пор для них закрытые, или получили бы большую власть там, где до той поры у них ее было недостаточно, нужно, чтобы они приобрели большую интенсивность, чем та, которая у них была раньше. Нужно, чтобы для общества в целом эти чувства обрели большую энергию, так как из другого источника они не могут почерпнуть силу, необходимую для проникновения в индивидов, дотоле к ним особенно невосприимчивых. Для того чтобы исчезли убийцы, нужно, чтобы увеличилось отвращение к пролитой крови в тех социальных слоях, из которых формируются ряды убийц, а для этого нужно, чтобы оно увеличилось во всем обществе. Притом само отсутствие преступления прямо способствовало бы достижению этого результата, так как чувство кажется гораздо более достойным уважения, когда его всегда и неизменно уважают» [\[20, с. 180\]](#). Добавим лишь, что для усиления тех коллективных чувств, о которых говорил известный социолог, с позиции криминологии и апробированных практик противодействия преступности необязательно дожидаться увеличения количества преступлений и возникновения чувства тревоги в обществе, равно как было бы утопичным надеяться на исчезновение преступлений. Результата можно добиться с помощью инструментов социальной рекламы и правового просвещения, а также в процессе повседневной воспитательной работы. Такая работа с уголовно-правовым сознанием позволяет легитимировать в том числе и применяемые меры уголовно-правового воздействия [\[21, с. 291\]](#).

Значит, подобранные способы доведения информации о лицах, совершивших такие преступления, когда мы обращаемся к общественным чувствам потребности в воздаянии, возмездии, хотя и будут усиливать стигматизацию осуждённых, однако позволят добиваться в обществе сплочения вокруг защищаемых ценностей, имеющих важное значение (до сакрального, как в случае с жизнью или половой свободой и половой неприкосновенностью).

Наказания в таких случаях должны предполагать лишение свободы на достаточно длительные сроки с ограничением возможности назначения его условно или

освобождения от уголовной ответственности. Вместе с тем, возвращение преступников из исправительных учреждений в таких случаях нередко ожидается, а потому в качестве криминологического сопровождения необходима индивидуальная профилактическая работа, в том числе, как верно подмечают Ю. М. Антонян [\[22, с. 412\]](#) и Е. С. Стешич [\[23, с. 256–280\]](#), обращение к особенностям личностных дефектов, а также феноменам индивидуального и коллективного бессознательного для развития самоконтроля и корректировки реакций на типичные ситуации, в которых лицо совершило преступление и может это повторить.

Второй тип механизма уголовно-правового воздействия (превентивный) основан на подходе утилитаристов [\[24, с. 224–225, 243\]](#) и разработках экономической теории в уголовном праве [\[25, с. 313–328; 26; 27, с. 64–75\]](#). Ему соответствует вполне определённый тип рациональности, получивший своё наибольшее развитие в странах с протестантской культурой. В этом случае уголовно-правовое воздействие предполагает угрозу существенными потерями (зачастую в имущественном отношении) и ограничением возможностей вертикальной социальной и экономической мобильности, а потому в большей степени ориентировано на представителей среднего класса и верха пирамиды социальной стратификации. Результат применения такого типа механизма уголовно-правового воздействия с одной стороны должен снижать издержки на содержание органов уголовной юстиции, а с другой – гарантированно понижать виновное лицо в социальном и экономическом статусе, обеспечивать невыгодность совершения преступления с рациональной точки зрения, поскольку выгоды от его совершения должны оказываться кратно меньшими.

Криминологическое сопровождение такого типа механизма уголовно-правового воздействия должно определять параметры санкции и аргументы для её расчёта: степень латентности (вероятность поимки обратно пропорциональна суровости санкции), трудозатратность процесса расследования, возможность исполнения приговора и принятия обеспечительных мер, оказание влияния санкций, применяемых к нарушителям закона, на регулируемую сферу общественных отношений в целом. Современные развитые капиталистические страны обладают достаточно богатым опытом использования такого механизма уголовно-правового воздействия, в том числе способов принуждения к исполнению приговора суда.

В рамках превентивного механизма уголовно-правового воздействия стигматизация также приветствуется. Продукты социальной рекламы могут проблематизировать криминальную ситуацию «стремление к личному обогащению за счёт ущемления экономических или экологических интересов обывателей (под которым многие адресаты социальной рекламы увидят себя), а также таких общественных интересов, которые находят отклик в обществе». Определённое распространение информации из судебной практики о тех, кто вследствие совершения преступления потерпел социальное фиаско, будет подкреплять действие уголовно-правовых запретов.

Вместе с тем, стигматизация в этих случаях должна быть умеренной, направленной на блокирование путей возвращения лиц, осуждённых за такие преступления, на прежние слои социально-экономической стратификации.

При этом уголовно-правовые средства могут допускать освобождение от уголовной ответственности или назначение наказания условно в случае кратного возмещения причинённого вреда (или же кратного превышения произведённых выплат в бюджет над размером незаконной прибыли).

Индивидуальная профилактика в этих случаях имеет, на наш взгляд, низкую эффективность, поскольку перед нами преимущественно оказываются лица, которые в условиях аномии (по Р.К. Мертону) выбирают инновационный тип реакции, а в целом вполне укладываются в образ рационального представителя капиталистического общества. Вместе с тем, для криминологии могут представлять интерес феномены культуры (в том числе субкультур, корпоративных норм) и бессознательного [\[22, с. 403-406\]](#), вследствие которых лица совершают преступления формально под влиянием рационального расчёта, но на самом деле стремятся удовлетворять некоторые смутно осознаваемые (например, вытесненные) потребности.

Криминологическое исследование типичного представителя соответствующих преступлений необходимо для конструирования эффективной санкции уголовно-правовой нормы. Особенной части и проработки норм об освобождении от уголовной ответственности или наказания.

Третий тип механизма уголовно-правового воздействия – исправительный – опирается на другой тип рациональности; условно назовём его научным, поскольку он связан с развитием общественных и гуманитарных наук на протяжении двух прошлых столетий, а также с постановкой вопроса о детерминантах преступного поведения, с поиском возможностей средствами уголовного права, криминологии, других сфер человеческого научного знания минимизировать (либо полностью искоренить) преступность. Пожалуй, центральными являются вопросы свободы воли в преступном поведении, свойства и качества личности, приводящие к нарушению закона, но поддающиеся коррекции, в целом дискурс об исправлении, ресоциализации, перевоспитании бывших преступников.

Помимо преступления в фокусе внимания и, соответственно, уголовно-правового воздействия в таком случае оказываются семья, процесс социализации индивида, влияние внешних негативных факторов (пьянства, бедности, микросреды). Механизм уголовно-правового воздействия в данном случае должен создавать условия для применения мер индивидуальной криминологической профилактики и помощи в ресоциализации, в повышении дисциплины и самоконтроля, с минимальной стигматизацией преступника, но возможностью усиления осуществляемого надзора.

Кроме того, криминологическое сопровождение в таких случаях должно включать проведение культурно-воспитательных мероприятий в рамках специальной криминологической профилактики, прежде всего – средствами социальной рекламы, чтобы не представлять типичных граждан, совершающих такие преступления, в качестве врагов, т.е. минимизировать стигматизацию.

Работа по определению типичного представителя нашего общества, нарушающего уголовно-правовые запреты, построенные на третьем типе механизма воздействия, а также подбор самих мер уголовно-правового воздействия необходимы, с одной стороны, для реакции на факт нарушения границ нормы и девиации, а с другой стороны – для помощи в преодолении влияния тех самых негативных факторов, для разрешения конфликта. Полагаем, именно этот механизм уголовно-правового воздействия может быть связан с таким явлением как «уголовный проступок», если уголовное право развивать в таком направлении.

Полагаем, результаты достаточно избыточной криминализации, имевшей место в последнее десятилетие в России, требуют проведения ревизии. При этом мы должны понимать, что заставить политические власти отказаться от коммуникативной функции уголовного права скорее всего невозможно. На наш взгляд, составы преступлений,

появившиеся в результате новой криминализации, требуют их разбора по подходящим типам механизма уголовно-правового воздействия с модификацией санкций, а быть может и схемой дифференциации уголовной ответственности.

Нормы, не вписывающиеся в названные типы механизма, вполне могут быть декриминализированы. В частности, уголовно-правовые запреты или их части, созданные ради удовлетворения потребности населения в медийных эффектах, в демонстрации готовности государства защищать те или иные ценности, должны быть функциональны и отражать тот тип рациональности, в рамках которого общество проявляет названные выше потребности и ожидает соответствующих результатов применения уголовного закона.

В завершение настоящей статьи заметим, что криминология не может и не должна сводиться к сопровождению уголовно-правовых запретов, а сама такая деятельность не меняет предметной области криминологической науки и не видоизменяет направлений её развития. Многие результаты, получаемые криминологами, полезны для противодействия преступности, но очевидно безынтересны для уголовного права, и наоборот. Подспудная задача нашего исследования - взглянуть под другим углом на проблему криминологического обоснования уголовно-правового запрета и тем самым попытаться реанимировать связи уголовного права и криминологии, которые в настоящее время проходят проверку на прочность.

Библиография

1. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018.
2. Савенок А.Л. О криминологической обусловленности уголовного закона // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2011. № 2 (22). С. 148–153.
3. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы декриминализации // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 103–107.
4. Кузнецова Н.Ф. Условия эффективности уголовного закона // Проблемы правового регулирования вопросов борьбы с преступностью. Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 1977. С. 3–16.
5. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009.
6. Наумов А.В. Рецензия на монографию: Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург: SAPIENTIA, 2020. – 256 с. // Уголовное право. 2021. № 6. С. 66–70.
7. Разогреева А.М. Пост(советская) административная криминология: игра на понижение // Криминологические основы уголовного права : Материалы X Российского конгресса уголовного права (26-27 мая 2016 года), под ред. В.С. Комиссарова. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 225–228.
8. Гуринская А.Л. Дискуссионные теории криминализации и декриминализации деяний с точки зрения современной криминологической теории // Криминологические основы уголовного права : Материалы X Российского конгресса уголовного права (26-27 мая 2016) / Отв. ред. В. С. Комиссаров. Москва: Юрлитинформ, 2016. С. 71–75.
9. Давыдова К.В., Разогреева А.М. Аналитика криминализации: глубина против поверхности (на примере законов «о пьяных за рулем») // Право и политика. 2015. № 10 (190). С. 1384–1388. doi: 10.7256/1811-9018.2015.10.16380.

10. Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург: SAPIENTIA, 2020.
11. Хилjuta В.В. Уголовное право в социальном измерении (контуры перемен и новой стратегии развития): монография. М.: Юрлитинформ, 2023.
12. Бавсун М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: дисс. д-ра юрид. наук. 12.00.08. Омск: Омская академия МВД России, 2013.
13. Шиханов В.Н. Методологические проблемы уголовного права и криминологии: эпистемологический ракурс : монография / Под ред. Э.Г. Юзихановой. М.: ИНФРА-М, 2023.
14. Gephard W. Recht als Kultur. Zur kultursociologischen Analyse des Rechts. Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann, 2006. (S. 132–136)
15. Гилинский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб.: Алетейя, 2021.
16. Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизации и тенденции развития: монография / М.М. Бабаев, А.В. Звонов, Р.В. Килимбаев, Л.Л. Кругликов, В.Ф. Лапшин, Ю.Е. Пудовочкин, С.В. Розенко, под ред. В.Ф. Лапшина. М.: Юрлитинформ, 2018.
17. Сабанин С.Н., Крюков К.Г. Декриминализация побоев: сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2 (36). С. 160–166.
18. Эргашева З.Э. К вопросу о декриминализации побоев // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 3 (25). С. 132–135.
19. Жилина Н.Ю., Савельева И.В. Терещенко В.И. Декриминализация побоев: «за» и «против» // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 5. С. 128–130.
20. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.
21. Ruggerio V. Coclusion // Punishment in Europe: A Critical Anatomy of Penal Systems. Ruggerio V., Ryan M. (Eds.) Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.
22. Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / Ю.М. Антонян, В.Н. Бурлаков, В.В. Вандышев, Б.В. Волженкин, Г.Н. Горшенков, П.А. Кабанов, В.В. Колесников, С.Ф. Милюков, В.А. Номоконов; науч. ред. В.Н. Бурлаков, Б.В. Волженкин. – СПб.: Издат. дом Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2005.
23. Стешич Е.С. Криминология гомицида : монография / Под ред. Д.А. Корецкого. М.: Юрлитинформ, 2019.
24. Беккариа Ч.О преступлениях и наказаниях / Биогр. очерк и перевод проф. М. М. Исаева. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939.
25. Беккер Г.С. Человеческое поведение. Экономический подход / Пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
26. New perspectives on economic crime / Ed. By Hans Sjorgen, Göran Skogh. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing, 2004.
27. Библик О.Н. Рынок преступлений и наказаний. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр, 2021.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, проблемы типологии механизмов уголовно-правового воздействия и возможностей их криминологического сопровождения. Заявленные границы исследования полностью соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается, но очевидно, что ученым использовались всеобщий диалектический, логический, исторический, герменевтический методы исследования, а также методы правового моделирования и правового прогнозирования.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению и обоснована им достаточно подробно: "В кругу правоведов и практикующих юристов вопрос о том, что уголовно-правовой запрет должен быть криминологически обоснован, представляется трюизмом. Обратное утверждение как правило используется для описания нынешнего состояния законодательной работы в нашей стране (разумеется, в негативном ключе) [1, с. 764–768]. Криминализации и декриминализации посвящено множество работ, в том числе в составе солидных авторских коллективов, разработано множество подходов для приведения этих процессов к некоторому единому знаменателю, выдвинуто большое количество научно обоснованных предложений, заслуживающих внимания. Вместе с тем, общепринятой (а по ряду более критичных замечаний – даже удовлетворительной) методики криминологического обоснования в науках уголовного права и криминологии не выработано [2, с. 150]".

Научная новизна работы проявляется в выявлении автором трех основных проблем, препятствующих разработке механизмов (методик) криминологического обоснования уголовно-правовых норм; а также в выделении и подробном описании трех вариантов механизма уголовно-правового воздействия: возмездного, превентивного и исправительного. Как справедливо отмечено ученым, "Всё это, с одной стороны, создаёт достаточно пёструю картину в структуре уголовно-правовой культуры, но с другой позволяет понять целый ряд аномалий, накопившихся в доктрине уголовного права, уголовной политике, уголовном законе и правоприменительной практике". Работа выполнена на достаточно высоком академическом уровне; она вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания читательской аудитории.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи автор обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части статьи ученый подробно рассматривает проблемы, препятствующие разработке механизмов (методик) криминологического обоснования уголовно-правовых норм; а также выделяет три варианта механизма уголовно-правового воздействия: возмездный, превентивный и исправительный, попутно описывая типы уголовно-правовой рациональности. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 26 источниками (монографиями, учебниками, научными статьями, аналитическими и критическими материалами). С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Характер и количество использованных при написании статьи источников позволили автору раскрыть тему исследования с необходимой глубиной и полнотой.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (С. Н. Сабанин, К. Г.

Крюков, З. Э. Эргашева и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в необходимой степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("... результаты достаточно избыточной криминализации, имевшей место в последнее десятилетие в России, требуют проведения ревизии. При этом мы должны помнить, что заставить политические власти отказаться от коммуникативной функции уголовного права скорее всего невозможно. На наш взгляд, составы преступлений, появившиеся в результате новой криминализации, требуют их разбора по подходящим типам механизма уголовно-правового воздействия с модификацией санкций, а быть может и схемой дифференциации уголовной ответственности. Нормы, не вписывающиеся в названные типы механизма, вполне могут быть декриминализированы. В частности, уголовно-правовые запреты или их части, созданные ради удовлетворения потребности населения в медийных эффектах, в демонстрации готовности государства защищать те или иные ценности, должны быть функциональны и отражать тот тип рациональности, в рамках которого общество проявляет названные выше потребности и ожидает соответствующих результатов применения уголовного закона.

В завершение настоящей статьи заметим, что криминология не может и не должна сводиться к сопровождению уголовно-правовых запретов, а сама такая деятельность не меняет предметной области криминологической науки и не видоизменяет направлений её развития. Многие результаты, получаемые криминологами, полезны для противодействия преступности, но очевидно безынтересны для уголовного права, и наоборот. Подспудная задача нашего исследования - взглянуть под другим углом на проблему криминологического обоснования уголовно-правового запрета и тем самым попытаться реанимировать связи уголовного права и криминологии, которые в настоящее время проходят проверку на прочность"), они достоверны, обоснованы и заслуживают внимания потенциальных читателей.

Статья нуждается в дополнительном вычитывании автором. В ней встречаются опечатки. Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права и криминологии при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования и устранении нарушений в оформлении работы.

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Иванова Е.Л., Тользак А.Е. — Проблемы правового регулирования публичных мероприятий на современном этапе // Право и политика. – 2023. – № 9. DOI: 10.7256/2454-0706.2023.9.40662 EDN: ZHDKPA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40662

Проблемы правового регулирования публичных мероприятий на современном этапе

Иванова Елена Леонидовна

ORCID: 0000-0002-2733-150X

кандидат юридических наук

доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации»

665034, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1

✉ lenai@list.ru

Тользак Алексей Евгеньевич

студент, кафедра государственно-правовых дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации»

665034, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1

✉ atolzak@mail.ru

[Статья из рубрики "Государственные институты и правовые системы"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2023.9.40662

EDN:

ZHDKPA

Дата направления статьи в редакцию:

05-05-2023

Аннотация: Предметом исследования выступает правовое регулирование общественных отношений, возникающих в процессе реализации гражданами Российской Федерации конституционного права на участие в публичных мероприятиях. За последнее десятилетие законодательство, регулирующее реализацию гражданами Российской Федерации конституционного права, гарантированного статьей 31 Конституции Российской Федерации, претерпело существенные изменения. Развитие общественно-политических процессов неизбежно приводит к появлению новых форм публичных

мероприятий, необходимость правового регулирования которых еще только подлежит осмыслению в юридической науке. Проведенное исследование отдельных вопросов правового регулирования и практики проведения публичных мероприятий позволяет обозначить возможные перспективы развития законодательства о публичных мероприятиях, а также высказать предложения по совершенствованию его текущих положений. Методы исследования: исследование проводилось с использованием классических общенаучных и специальных юридических методов познания (исторический, логический, в том числе системный, формально-юридический, герменевтический и др.) в сочетании с междисциплинарным подходом (оценка юридических явлений сквозь призму социальных и политических факторов). Особое значение для целей настоящего исследования имеет метод сравнительного правоведения, позволивший установить тенденции развития правового регулирования порядка проведения публичных мероприятий в зарубежных странах. Новизна заключается в сформулированных авторами статьи предложениях по совершенствованию положений Федерального закона от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях».

Ключевые слова:

публичные мероприятия, контрмероприятие, митинги, собрания, демонстрации, шествия, пикетирования, формы демократии, граждане, общественное мнение

Тенденции развития правового регулирования современной системы общества, направленные на всеобщую демократизацию большинства его сфер, зарождение новых форм участия граждан в управлении делами государства обуславливают в науке особый интерес к публичным мероприятиям как форме реализации гражданами Российской Федерации права собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование. Развитие общественно-политических процессов неизбежно приводит к появлению новых форм публичных мероприятий, необходимость правового регулирования которых еще только подлежит осмыслению в юридической науке.

За последнее десятилетие законодательство, регулирующее реализацию гражданами Российской Федерации конституционного права, гарантированного статьей 31 Конституции Российской Федерации, претерпело существенные изменения. Значимость качественной правовой регламентации права граждан собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование не перестает подчеркиваться в конституционно-правовой науке [\[1, с. 93-94\]](#). Вопросам правового регулирования порядка организации и проведения публичных мероприятий в науке конституционного права посвящены труды следующих авторов: С. А. Авакьяна, М. В. Барановой, Н. С. Бондаря, Д. В. Гаглоева, Д. К. Григоряна, А. В. Демина, Н. В. Коптева О. Е. Кутафина, Л. В. Лазаревой, В. В. Ларина, Н. В. Лоскутовой, Е. А. Лукашевой, А. А. Макарецца, Л. А. Нудненко, А. В. Пчелинцева, Р. А. Ромашова, А. В. Саленко и других.

Детальное правовое регулирование реализации рассматриваемого права осуществляется Федеральным законом от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (далее – Федеральный закон № 54-ФЗ). Способ законодательного закрепления дефиниции публичного мероприятия, избранный в статье 2 Федерального закона № 54-ФЗ, свидетельствует о том, что указанный Федеральный закон исчерпывающим образом определяет формы публичных

мероприятий.

В то же время в других федеральных законах можно обнаружить, как закрепленные в Федеральном законе № 54-ФЗ формы публичных мероприятий, так и не предусмотренные им. Так, например, Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 года № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» [2] также указывает митинги, демонстрации и шествия в качестве средств проведения, но уже массовых мероприятий (подпункт 1 пункта 1). При этом помимо указанных форм массовых мероприятий данным Законом также предусмотрены встречи с гражданами, публичные дебаты и дискуссии и иные мероприятия. Анализ положений Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [3] (далее – Федеральный закон № 67-ФЗ) показал, что наряду с общим понятием «публичное мероприятие» законодатель использует термин «агитационное публичное мероприятие» (статья 53). Кроме того, несмотря на то, что собрание в Федеральном законе № 54-ФЗ указывается в качестве самостоятельной формы публичного мероприятия, в Федеральном законе № 67-ФЗ в отдельных случаях обозначается формой агитационного публичного мероприятия (пункты 3 и 7 статьи 53). Принципиально иное соотношение понятий «собрание», «митинг», «демонстрация», «шествие», «пикетирование» и «публичное мероприятие» следует из положений статьи 10 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [4]. Согласно положениям абзаца третьего указанной статьи собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирование рассматриваются в качестве разновидностей массовых акций, тогда как публичные мероприятия – в качестве самостоятельной формы выражения общественного мнения.

Очевидно, что отсутствие полной идентичности терминологии, введение специальных видов публичных мероприятий обусловлено спецификой законодательства о референдумах и выборах, а также законодательства, регулирующего специальные виды общественных отношений. Вместе с тем в целях обеспечения согласованности положений федерального законодательства видится необходимым привести в соответствие иные нормативные правовые акты с дефинициями Федерального закона № 54-ФЗ.

Отмеченные выше неопределенности относительно форм и видов публичных мероприятий описываются и в юридической науке.

При этом некоторые из предлагаемых классификаций носят расширительный по сравнению с установленным законодательством перечень характер. Так, В. А. Хутуев, А. М. Гутаев предлагают классификацию публичных мероприятий по нескольким критериям:

- 1) по содержанию: общественно-политические (конгрессы, симпозиумы, конференции), спортивные (спартакиады, спортивные матчи, олимпиады), культурно-массовые (фестивали, народные гуляния);
- 2) по уровню организации и проведения массовых мероприятий: международные, всероссийские, региональные, местные (проводятся на территории отдельных районов и муниципалитетов);
- 3) в зависимости от места проведения (массовые мероприятия, проводимые в зданиях, сооружениях и массовые мероприятия, проводимые на открытой местности).

Указанные авторы также в зависимости от периодичности проведения именно массовые

мероприятия подразделяют на: разовые – мероприятия, которые проводятся единожды, и периодические – мероприятия, которые проводятся более одного раза в соответствии с определенным графиком, а по субъектному составу и возможности участия в массовом мероприятии: общедоступные – мероприятия, для участия в которых не требуется совершения дополнительных действий и ограниченные количеством участников – мероприятия, участие в которых могут принять лица, которые совершили дополнительные действия (например, приобретение билета) [\[5, с. 265-266\]](#).

Проведенный анализ показал, что в предложенных классификациях одновременно используется указание как на формы, так и на виды публичных мероприятий, без конкретизации отличий в понимании данных категорий. Представляется, что для целей настоящего исследования это также не носит принципиального характера, поскольку приведенные классификации, с точки зрения выработки направлений совершенствования положений законодательства, устанавливающего правила организации и проведения публичных мероприятий, на наш взгляд, не имеют определяющего значения, хотя, безусловно, обогащают кругозор исследователей.

С. В. Симонова, проводя сравнительно-правовой анализ правового регулирования форм и видов публичных мероприятий, приходит к выводу о различиях в подходах в отечественном и зарубежном законодательстве. Как отмечает данный автор, в зарубежном законодательстве, как правило, именно категория «собрание» используется в качестве собирательного понятия для обозначения любой публичной акции [\[6, с. 53-54\]](#). С. В. Симонова кроме проблемы основания деления публичных мероприятий на формы, обоснованно указывает и на другую уже отмеченную выше актуальную для правового регулирования исследуемого вопроса проблему открытого или закрытого характера перечня форм публичных мероприятий [\[6, с. 53-54\]](#).

В этой связи в литературе нередко высказываются мнения о недостаточности предусмотренных в законодательстве форм публичных мероприятий для полноценной реализации права граждан, гарантированного статьей 31 Конституции Российской Федерации.

Так, А. В. Саленко отмечает, что с момента принятия Федерального закона № 54-ФЗ возникли такие формы публичных мероприятий, как массовые прогулки и пробежки, многокилометровые крестные ходы, наномитинги, флешмобы, протестные палаточные лагеря, массовые вечеринки, политконцерты» и иные, не получившие правовую регламентацию [\[7, с. 120\]](#). Признание существования различных форм публичных мероприятий породило споры относительно закрепления их в законе: закрепить в качестве дополнительных форм наряду с существующими или пойти по пути их расширительного толкования без указания конкретных форм публичных мероприятий. Анализ отдельных изменений, внесенных в Федеральный закон № 54-ФЗ, свидетельствует о том, что законодатель идет по второму пути. Так, Федеральным законом от 9 марта 2016 года № 61-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [\[8\]](#) автопробег был приравнен к демонстрации, а палаточные лагеря, городки и другие формы к пикетированию (в законе они определены как «быстровозводимые сборно-разборные конструкции»). На наш взгляд, данный подход является оправданным, поскольку увеличение числа закреплённых в законе форм публичных мероприятий приведёт к ещё большим проблемам их разграничения и нагромождению правовых предписаний.

Также объектом все большего внимания исследователей становятся контрмероприятия, а точнее – необходимость их закрепления в российском законодательстве. Так, Д. В. Гаглов в своей диссертации отмечает, что российским законодательством не предусмотрен данный специфический вид публичного мероприятия. Под контрмероприятием он понимает мероприятие, направленное «на выражение несогласия определенной частью гражданского общества с целями, взглядами и убеждениями участников иного публичного мероприятия» [9, с. 128]. Некоторые авторы, рассматривая контрмероприятие в качестве отдельного вида спонтанных или стихийных, публичных выступлений граждан отмечают, что практика таких мероприятий предусмотрена в ряде европейских стран, например, в ФРГ [10, с. 51]. Их отличительной особенностью считается отсутствие необходимости подачи предварительного заявления в органы публичной власти с целью согласования и утверждения. Такие мероприятия проводятся по поводу только что произошедших или планируемых в ближайшее время событий с целью оперативного влияния на решения властей. При этом делается оговорка, что спонтанные мероприятия не должны планироваться заранее, т.е. заготовка плакатов, листовок считается неправомерным. В таком случае акция пресекается. В отечественном законодательстве такая возможность не предусмотрена, если мероприятие организуется группой лиц. Однако статьей 7 Федерального закона № 54-ФЗ предполагается, что в случае одиночного пикетирования без сборно-разборной конструкции направления уведомления в государственные органы или органы местного самоуправления не требуется.

На наш взгляд, данный вид публичного мероприятия на данном этапе развития российского общества также не регламентирован законодательством оправданно. Контрмероприятие за исключением необходимости оперативного его проведения (пока вопрос, поднятый общественностью на «основном публичном мероприятии» не утратил своей актуальности и не вынесено соответствующее решение государственными органами) не обладает какой-либо спецификой, отличающей его от других публичных мероприятий. Отличительной чертой является лишь порядок организации такого мероприятия, что не является критерием выделения его в качестве самостоятельной формы публичных мероприятий.

Кроме концептуальной проблемы относительно форм публичных мероприятий представляется своевременным высказать несколько замечаний относительно других положений Федерального закона № 54-ФЗ.

1. Важной проблемой в правовом регулировании механизма проведения публичных мероприятий, по нашему мнению, является закрепленное в части 1 статьи 7 Федерального закона № 54-ФЗ правило, устанавливающее верхний и нижний пределы времени подачи уведомления о проведении публичного мероприятия. Так, по общему правилу такое уведомление подается не ранее 15 и не позднее 10 дней до дня проведения такого мероприятия. В случае, если такое уведомление подается депутатом законодательного (представительного) органа государственной власти или депутатом представительного органа муниципального образования с целью встречи с избирателями, то срок устанавливается в 10 и 5 дней соответственно.

Если проанализировать зарубежное законодательство, то данное положение встречается только в отдельных странах. В большинстве государств двойных пределов не установлено. Например, в ст. 2 Public Order Act в Великобритании закреплено, что организаторам необходимо обратиться в соответствующие органы не менее, чем за 6 рабочих дней. В Вашингтоне законом штата предусмотрен такой срок в количестве 15

дней [\[11, с. 168\]](#).

По нашему мнению, верхний предел, установленный для подачи заявления о проведении публичного мероприятия, является необоснованным и ограничивает права граждан на проведение собраний, митингов и других публичных мероприятий. Если обратиться к судебной практике, то можно убедиться в трудности соблюдения данного условия [\[12\]](#). В этой связи полагаем необходимым внести соответствующие изменения в указанную часть – исключить верхний предел времени подачи уведомления.

2. Некоторыми учеными, например, Д. В. Гагловым, Е. О. Трофимовой, критикуются положения статьи 8 Федерального закона № 54-ФЗ [\[9, с. 115, 13, с. 125\]](#), предоставляющие региональным и местным органам власти полномочий самостоятельно определять перечень специально отведенных мест для организации публичных мероприятий.

Ученые полагают, что эти положения ущемляют права граждан на проведение мирных собраний, шествий, митингов и т. д. В соответствии с указанной статьей, региональные органы власти вправе определять «специально отведенные или приспособленные для коллективного обсуждения общественно значимых вопросов и выражения общественных настроений, а также для массового присутствия граждан для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера». Исходя из этого, в субъектах Российской Федерации приняты специальные правовые акты, устанавливающие такие места или места, в которых запрещается проведение публичного мероприятия. Например Законом Иркутской области от 20 декабря 2012 года № 146-ОЗ [\[14\]](#) запрещено проведение публичных мероприятий в следующих местах: 1) остановочные пункты по маршрутам регулярных перевозок; 2) розничные рынки; 3) здания, занимаемые органами государственной власти и местного самоуправления; 4) культовые здания и сооружения, иные места и объекты, специально предназначенные для богослужений, молитвенных и религиозных собраний, религиозного почитания (паломничества); 5) места проведения строительных работ в соответствии с проектом производства работ и другие.

Несмотря на то, что описанные положения были включены в Федеральный закон № 54-ФЗ более десяти лет [\[15\]](#) назад они по сей день составляют предмет судебных споров. Так, Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2020 года признана не соответствующей Конституции Российской Федерации статья 34 Закона Самарской области «О порядке подачи уведомления о проведении публичного мероприятия и обеспечении отдельных условий реализации прав граждан на проведение публичных мероприятий в Самарской области» [\[16\]](#), поскольку в системе действующего правового регулирования установленный ею запрет на проведение собраний, митингов, шествий и демонстраций в местах, расположенных ближе 150 метров от военных объектов, зданий образовательных организаций, зданий и объектов, используемых для богослужений, проведения религиозных обрядов и церемоний, зданий, занимаемых организациями, в которых осуществляется оказание стационарной медицинской помощи, выходит за конституционные пределы законодательных полномочий субъектов Российской Федерации. Аналогичные ситуации противоречия региональных законов Конституции Российской Федерации отражены также в целом ряде постановлений Конституционного Суда Российской Федерации [\[17, 18\]](#).

Несмотря на общую положительную оценку данной возможности, предоставленной региональному законодателю, полагаем, что наличие соответствующей практики Конституционного Суда Российской Федерации свидетельствует о том, что региональный

законодатель не всегда с точностью способен установить баланс между правом граждан собираться мирно и публичным интересом.

Если же обратиться к зарубежному законодательству, то такие ограничения встречаются значительно реже. Например, в некоторых штатах США запрещено проведение публичных мероприятий вблизи «зон тишины», правительственных кварталов, административных зданий и т.д. с целью охраны публичного интереса. В Великобритании допустимо проведение указанных мероприятий в любом общественном месте, под которым законодатель понимает «любую дорогу (улицу), любое место, в которое в любое время публика или какая-либо часть ее имеет доступ за плату или бесплатно, как в соответствии с правом, так и в силу предоставленного или подразумеваемого разрешения» [\[11, с. 168\]](#).

Нам также представляется, что устанавливать соответствующие ограничения необходимо лишь в случаях соблюдения и защиты публичных и частных интересов. В этой связи хочется порекомендовать региональному законодателю более обдуманно подходить к определению мест проведения публичных мероприятий с учетом сформировавшейся судебной практики.

3. В завершение исследования стоит остановиться на проблемах правового регулирования публичных мероприятий, возникающих в связи с развитием информационных технологий. Например, 20 апреля 2020 года в приложениях «Яндекс. Навигатор» и «Яндекс.Карты» на центральных площадях различных городов России начали появляться метки с комментариями, выражающими недовольство сложившейся политической ситуацией в стране», которые в последующем были удалены. Аналогичные ситуации можно было встретить на платформе YouTube, социальной сети «ВКонтакте» и иных. Однако ограничительные меры, применяемые правоприменительными органами, фактически приравнивающих такие акции к публичным мероприятиям, не имеют под собой правового основания. Сфера этих отношений остаётся недостаточно урегулированной в силу чего складывается пробельность регулирования публичных мероприятий и возникает соответствующая необходимость их правовой регламентации. По этому поводу высказывался председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин: «Граждане имеют конституционное право на протест, то есть право всеми законными средствами выражать свое недовольство и несогласие с неправовыми или неэффективными действиями государственных и муниципальных властей» [\[19, с. 32\]](#). Исходя из этого высказывания следует, что общественные отношения, если они имеют место быть, то должны получить нормативную регламентацию.

Нельзя не отметить, что в реальной жизни происходит совмещение подобных интернет-акций и публичных мероприятий. Но их правовая природа не определена. Например, гражданин решил организовать одиночное пикетирование. Существуют технологии, позволяющие совершить звонок, который создает голограмму абонента. Первый такой звонок был совершен в 2017 году. Во время пикета данный гражданин использует эту технологию. Возникает вопрос – как следует квалифицировать данное деяние: как одиночное пикетирование, или как собрание, или как митинг? Ответы на такие вопросы должен содержать Федеральный закон № 54-ФЗ.

В первую очередь стоит отметить, что нами такой гражданин (участвующий посредством цифровой технологии) признается субъектом публичного мероприятия. Это вытекает из сущности публичного мероприятия, которое предполагает свободное выражение мнений, а также является гарантией закрепленного в Конституции Российской Федерации права

(«акция, доступная каждому»). Статья 2 указанного Закона в определениях собрания и митинга содержит понятие «совместное присутствие» и «массовое присутствие» соответственно. Ключевым здесь является слово «присутствие». Словари его толкуют как «нахождение, личное пребывание в каком-либо месте в данный момент» [\[20\]](#), что по смыслу исключает использование соответствующих технологий.

По указанным причинам видится своевременным внести следующие изменения в Федеральный закон № 54-ФЗ:

1. В пункте 3 статьи 2 при закреплении дефиниции собрания после слова «совместное» дополнить словами «личное, а также посредством цифровых технологий»;
2. В части 1 статьи 6 после слова «добровольно» дополнить словами «лично, а также посредством цифровых технологий».

Подводя итог, еще раз хочется подчеркнуть, что предлагаемые в настоящее время в науке классификации публичных мероприятий в значительной степени носят абстрагированный от законодательства характер. Прикладное же значение имеют формы публичных мероприятий, отраженные в действующих нормативных правовых актах, однако и в их увеличении в настоящее время нет острой необходимости. Тем не менее, если такая потребность возникнет, считаем, что наиболее удачным способом будет расширение признаков уже существующих форм с целью недопущения появления новых противоречий и коллизий.

Наибольшую актуальность в настоящее время, на наш взгляд, имеет решение проблем, связанных с организацией и проведением публичных мероприятий, выявленных правоприменительной практикой. Именно в этих целях в ходе исследования и были сформулированы предложения по совершенствованию Федерального закона № 54-ФЗ, а также замечания относительно подхода регионального законодателя к определению мест проведения публичных мероприятий.

Кроме обозначенных выше предложений по корректировке положений Федерального закона № 54-ФЗ с целью улучшения возможностей по организации публичных мероприятий также считаем необходимым исключить верхний временной предел подачи заявления о намерении его проведения, поскольку в настоящее время указанное требование создает препятствия по реализации гражданами своих конституционных прав.

Указанные действия будут способствовать созданию условий реализации гражданами права собираться мирно без оружия, развитию политической активности населения России, а, следовательно, развитию гражданского общества и правового государства.

Библиография

1. Саленко А. В. Публичные мероприятия как средство мирного диалога гражданского общества и государства // Уральский Форум конституционалистов. Выпуск 7. 2022. Часть 1. С. 93–101.
2. О референдуме Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 года № 5-ФКЗ : [в редакции от 30 декабря 2021 года]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.
3. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ : [в редакции от 28 декабря 2022 года]. Доступ из справочно-правовой системы

«КонсультантПлюс». Текст : электронный.

4. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ : [в редакции от 28 декабря 2022 года]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.
5. Хутуев В. А., Гутаев А. М. Особенности нормативного регулирования массовых мероприятий в Российской Федерации и их классификация // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 3. С. 264–268.
6. Симонова С. В. Формы публичных мероприятий: проблемы и подходы // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 1 (31). С. 53–54.
7. Саленко А. В. Свобода мирных собраний в Российской Федерации: несколько тезисов об актуальных проблемах // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 120–127.
8. О внесении изменений в статьи 2 и 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» : Федеральный закон от 9 марта 2016 года № 61-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.
9. Гаглюев Д. В. Конституционно-правовое регулирование института публичных мероприятий в Российской Федерации и странах Европы на современном этапе : сравнительно-правовое исследование : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.02. Москва, 2015. 265 с.
10. Вашкевич А. Е. Спонтанные собрания: национальное законодательство европейских стран и прецедентное право Европейского Суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 2 (93). С. 44–54.
11. Прокофьев К. Г. Сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства об ответственности за несоблюдение правил массовых мероприятий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 12. С. 166–169.
12. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина А.Н. Якимова : постановление Конституционного Суда РФ от 13 мая 2014 года № 14-П. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.
13. Трофимова Е. О. Проблема отказа в проведении публичных мероприятий в России // Вопросы российской юстиции. 2019. № 2. С. 123–130.
14. Об отдельных вопросах, связанных с организацией и проведением публичных мероприятий на территории Иркутской области : закон Иркутской области от 20 декабря 2012 года № 146-ОЗ. URL: <https://base.garant.ru/34743036/> (дата обращения 10.03.2023). Текст : электронный.
15. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» : Федеральный закон от 8 июня 2012 года № 65-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.
16. О порядке подачи уведомления о проведении публичного мероприятия и обеспечении отдельных условий реализации прав граждан на проведение публичных мероприятий в Самарской области : закон Самарской области от 6 апреля 2005 года № 105-ГД. URL: <https://docs.cntd.ru/document/945011225> (дата обращения 10.03.2023). Текст : электронный.
17. По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 6 статьи 5 Закона Республики

Коми «О некоторых вопросах проведения публичных мероприятий в Республике Коми» в связи с жалобами граждан М.С. Седовой и В.П. Терешонковой : постановление Конституционного Суда РФ от 1 ноября 2019 года № 33-П. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

18. По делу о проверке конституционности положений пункта 5 части 4 статьи 5 и пункта 6 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина В. А. Тетерина : постановление Конституционного Суда РФ от 18 июня 2019 года № 24-П. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.
19. Максимов А. А. Онлайн-митинг как способ реализации политических прав человека // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 2. С. 30–38.
20. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка : современная редакция. Москва : Дом Славянской книги, 2008. 959 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, проблемы правового регулирования публичных мероприятий на современном этапе. Заявленные границы исследования полностью соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается, но очевидно, что ученым использовались всеобщий диалектический, логический, формально-юридический, герменевтический, сравнительно-правовой методы исследования.

Актуальность избранной автором темы исследования обоснована довольно кратко: "Значимость качественной правовой регламентации права граждан собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование не перестает подчеркиваться в конституционно-правовой науке [1, с. 93–94]". Следует согласиться с ученым в том, что "... в целях обеспечения согласованности положений федерального законодательства видится необходимым привести в соответствие иные нормативные правовые акты с дефинициями Федерального закона № 54-ФЗ". Дополнительно автору необходимо указать фамилии ведущих ученых, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

В чем проявляется научная новизна работы, в статье прямо не говорится. Фактически она проявляется в ряде предложений и рекомендаций автора ("... в целях обеспечения согласованности положений федерального законодательства видится необходимым привести в соответствие иные нормативные правовые акты с дефинициями Федерального закона № 54-ФЗ"; "... увеличение числа закреплённых в законе форм публичных мероприятий приведёт к ещё большим проблемам их разграничения и нагромождению правовых предписаний"; "По нашему мнению, верхний предел, установленный для подачи заявления о проведении публичного мероприятия, является необоснованным и ограничивает права граждан на проведение собраний, митингов и других публичных мероприятий. ... В этой связи полагаем необходимым внести соответствующие изменения в указанную часть – исключить верхний предел времени подачи уведомления"; "... хочется порекомендовать региональному законодателю более обдуманно подходить к определению мест проведения публичных мероприятий с учетом

сформировавшейся судебной практики" и др.). Безусловно, эти предложения и рекомендации заслуживают внимания читательской аудитории. Статья вносит определенный вклад в развитие отечественной науки конституционного права.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура статьи вполне логична. Во вводной части работы автор обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы ученый рассматривает основные теоретические подходы к определению форм и видов публичных мероприятий, целесообразность существования правила, устанавливающего верхний и нижний пределы времени подачи уведомления о проведении публичного мероприятия, проблему определения мест проведения публичных мероприятий, а также проблему правового регулирования публичных мероприятий, возникающих в связи с развитием информационных технологий. В заключительной части статьи содержатся общие выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию, но не лишено некоторых недостатков.

Так, автор приводит в качестве примеров предлагаемых в научной литературе классификаций форм и видов публичных мероприятий теоретические подходы, предложенные В. А. Хутуевым, А. М. Гутаевым, С. В. Симоновой, но не осуществляет их критического анализа, не выделяет их достоинств и недостатков. Целесообразно ли вообще различать формы и виды публичных мероприятий? Что понимается под ними?

В доработке нуждается заключительная часть работы, о чем более подробно будет сказано ниже.

Библиография исследования представлена 20 источниками (нормативными правовыми актами, диссертационной работой, научными статьями, актами Конституционного Суда РФ, словарем). С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Характер и количество использованных источников в целом позволили автору раскрыть тему исследования, но некоторые положения работы нуждаются в уточнении.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Д. В. Гаглов, Е. О. Трофимова), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется ученым корректно; положения статьи аргументированы в необходимой степени.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются, но носят общий характер, т.е. не детализированы ("... предложения по корректировке положений Федерального закона № 54-ФЗ, а также высказанные выше замечания относительно подхода регионального законодателя к определению мест проведения публичных мероприятий будут способствовать созданию условий реализации гражданами конституционного права собираться мирно без оружия, развитию политической активности населения России, а, следовательно, развитию гражданского общества и правового государства"). Между тем выводы должны объединять в себе все выработанные автором предложения и рекомендации по совершенствованию конституционного законодательства и соответствующей правоприменительной практики.

Статья нуждается в дополнительном вычитывании. В ней встречаются опечатки.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности избранной автором темы статьи, уточнении отдельных положений работы, формулировании четких и конкретных выводов по результатам проведенного исследования, устранении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. Рецензируемая статья "Проблемы правового регулирования публичных мероприятий на современном этапе" в качестве предмета исследования имеет правовые нормы, регулирующие общественные отношения, связанные с правом "граждан собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование".

Методология исследования. Методологический аппарат статьи составили современные методы научного познания: исторический, формально-логический, юридико-технический, формально-догматический, сравнительного правоведения и др. Также автором статьи применялись такие научные способы и приемы, как дедукция, моделирование, систематизация и обобщение. Применение современных методов научного познания позволило автору провести исследование поставленной гипотезы на высоком уровне, и правильно аргументировать свои выводы и предложения.

Актуальность исследования не вызывает сомнения. Организация и проведение публичных мероприятий урегулированы в российском законодательстве должным образом, однако динамика самих общественных отношений требует соответствующих изменений и в законодательстве. В связи с чем, предложения автора по совершенствованию законодательства в этой сфере общественных отношений заслуживает внимания (например, "По указанным причинам видится своевременным внести следующие изменения в Федеральный закон № 54-ФЗ: 1. В пункте 3 статьи 2 при закреплении дефиниции собрания после слова «совместное» дополнить словами «личное, а также посредством цифровых технологий»; 2. В части 1 статьи 6 после слова «добровольно» дополнить словами «лично, а также посредством цифровых технологий»). Действительно, глобальная цифровизация всех сфер жизнедеятельности людей требует надлежащего правового регулирования, и в том числе это касается вопросов организации и проведения публичных мероприятий.

Научная новизна. Как правильно отмечает сам автор статьи, многие ученые-юристы обращались к проблемам правового регулирования публичных мероприятий, однако выбранный им аспект исследования имеет элементы научной новизны: автор указывает на необходимость внесения в законодательство, регулирующее организацию и проведение массовых мероприятий, изменений, вызванных процессами цифровизации.

Стиль, структура, содержание. Статья написана научным стилем, с применением специальной юридической терминологии. Материал изложен последовательно, ясно и грамотно. Тема раскрыта. По содержанию статья соответствует заявленной теме. Статья логически структурирована, хотя фактически не разделена на части. Замечаний по содержанию не отмечено.

Библиография. Автором использовано достаточное для написания научной статьи количество источников, включая публикации последних лет. В качестве рекомендации автору: следует проверить правильность оформления источников на соответствие библиографическому ГОСТу.

Апелляция к оппонентам. В тексте есть обращения к точкам зрения других ученых. Все обращения к оппонентам корректные.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья "Проблемы правового регулирования публичных мероприятий на современном этапе" рекомендуется к опубликованию в научном журнале "Право и политика", так как отвечает редакционной политике этого научного издания. Данная статья написана на актуальную тему, отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Статья может представлять интерес для широкой аудитории, прежде всего, для специалистов в области конституционного,

административного и информационного права, а также для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Секретарёв Р.В. — Работы профессора А. С. Смыкалина по каноническому праву и государственно-конфессиональным отношениям: ad deliberandum // Право и политика. – 2023. – № 9. DOI: 10.7256/2454-0706.2023.9.44028 EDN: ZSSQDZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44028

Работы профессора А. С. Смыкалина по каноническому праву и государственно-конфессиональным отношениям: ad deliberandum

Секретарёв Роман Викторович

кандидат философских наук

Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Владивостокский государственный университет

690014, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41, кв. 5502

✉ rvsvldv@mail.ru

[Статья из рубрики "Правовая и политическая мысль"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2023.9.44028

EDN:

ZSSQDZ

Дата направления статьи в редакцию:

14-09-2023

Аннотация: Объектом исследования являются государственно-конфессиональные отношения в России на современном этапе. Предмет исследования – государственные (светские) правовые акты, регулирующие правовой статус религиозных организаций, нормы канонического (церковного) права, а также работы профессора А. С. Смыкалина, в которых учёный исследует заявленную тематику и даёт правовую оценку как общественным отношениям, в которых взаимодействуют государство и религиозные организации, так и внутрицерковным правовым феноменам (внутренним установлениям религиозных организаций). При подготовке работы автор стремился следовать принципам научной объективности и системности, используя в первую очередь формально-юридический метод при анализе норм светского законодательства и сравнительный метод при сопоставлении светского законодательства и канонического (церковного) права. Поскольку значительная часть работ профессора носит междисциплинарный характер (на стыке юриспруденции и истории), были использованы также исторический и функциональный методы познания. Научной новизной предпринятого исследования является теоретическое осмысление современных

государственно-конфессиональных отношений сквозь призму работ профессора А. С. Смыкалина. Отсылка *ad deliberandum* («к размышлению») в заголовке статьи сделана в целях формулирования авторского мнения по частным вопросам. Автор посчитал возможным не ограничиваться отсылками на результаты исследований видного учёного, но и высказать собственную точку зрения на рассматриваемые явления, заострив внимание на наиболее проблемных моментах.

Ключевые слова:

религиозные объединения, секты, культы, свобода совести, свобода вероисповедания, государственно-конфессиональные отношения, правоприменительная практика, секуляризация, каноническое право, церковное право

Введение (Introduction)

На наш взгляд, в настоящее время государственно-конфессиональные отношения в России урегулированы не самым оптимальным образом, что требует даже не точечных правок в действующее законодательство, а переосмысления самой парадигмы реализации права на свободу совести и свободу вероисповедания в светском многоконфессиональном государстве.

Одним из ведущих локомотивов, разрабатывающих названую проблематику на теоретическом уровне и предлагающим практико-ориентированные решения, является профессор А. С. Смыкалин.

В значительном количестве публикаций учёного детально проанализированы различные актуальные вопросы как светского законодательства о свободе совести, так и нормы канонического (церковного) права. Еще в 2005 году профессор обоснованно обращал внимание, что церковное право представляет собой самостоятельную отрасль знаний в системе юридических наук, поскольку его нельзя отнести ни к частному, ни к публичному праву [\[1\]](#). В 2007 году, в соавторстве с профессором В.П. Мотревичем, была дана оценка юридическому аспекту взаимоотношений Русской православной церкви (далее — РПЦ МП) и современного российского государства [\[2\]](#). Той же проблеме, только значительно более схематично, была посвящена публикация 2008 года [\[3\]](#). В 2012 году профессор проанализировал знаковый период для российского православия (1917-1941) [\[4\]](#).

В 2013 году учёный ставит очень острый и актуальный вопрос о возможности преподавания канонического права в светских вузах России [\[5\]](#). Данная статья, при явных и очевидных достоинствах, на наш взгляд, не свободна от ряда методологических недостатков. Так, излишне широким обобщением представляется утверждение о том, что *«взаимоотношения между Церковью и Государством всегда были в центре внимания любого общества»*. Вряд ли верно опосредовать указанные общественные отношения через дефиницию «Церковь», поскольку религиозный опыт человечества не ограничивается христианством. Более того, если учитывать факторы времени и пространства, христианство окажется далеко не самым распространённым религиозным учением в истории человечества (если противопоставить его всем иным религиозным традициям). Хронологически самой древней мировой религией является буддизм, который проблемами «Церкви» не слишком озабочен.

В законах Чингисхана, реконструированных А.Ю. Грибовым, правовым нормам,

регулирующим статус религии, места в виде отдельного параграфа не нашлось, что, на наш взгляд, говорит об относительной малозначительности правового регулирования религиозных верований для монголов эпохи Чингисхана (по сравнению с иными отраслями права - уголовным, военным, трудовым, торговым и иными аналогичными) [\[6\]](#).

Кроме того, употребление термина «Церковь» применительно к статье 14 Конституции Российской Федерации (*«Хотя, согласно статье 14-й Конституции РФ 1993 г., Церковь отделена от Государства, ...»*) представляется принципиально не верным по двум причинам. Во-первых, от государства отделена не церковь, а религиозные объединения. А в преамбуле Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее — Федеральный закон № 125-ФЗ) декларируется уважение к христианству, исламу, буддизму, иудаизму и другим религиям, составляющим неотъемлемую часть исторического наследия народов России. И даже признание особой роли православия в истории России не ставит под сомнение принципиальную невозможность сводить общее понятие «религиозные объединения» к частному понятию «церковь». Во-вторых, богословская традиция (а вслед за ней и логика использования норм канонического права) требует различать понятия «Церковь» и «церковь».

Когда речь идёт о вполне земных организациях, имеющих в своем фирменном наименовании термин «церковь», употребление заглавной буквы должно следовать как общим нормам русского языка, так и требованиям, предъявляемым к научной и учебной литературе, которые, по нашему глубокому убеждению, в данном случае имеют явный приоритет над требованиями собственно церковного делопроизводства и этикета.

На основании изложенного полагаем, что систематическое использование профессором термина «Церковь» к обычному юридическому лицу является не вполне корректным. Говорить об отделении церкви от государства можно было в период действия Декрета СНК РСФСР от 23.01.1918 «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», однако указанный Декрет был отменён в 1990 году. Отмеченное замечание относится не только к процитированной работе, но и к иным публикациям учёного.

В 2015 году профессор весьма скрупулёзно раскрывает правовой аспект понятия «религиозная тайна», внося ощутимый вклад в теоретическое осмысление явления, имеющего важное междисциплинарное значение [\[7\]](#), а также осуществляет историко-сравнительный анализ современной судебной системы Российской Федерации и церковных судов РПЦ МП. При сопоставлении светской и церковной судебных систем автор приходит к следующему, на наш взгляд, весьма точному и обоснованному выводу: *«Анализ представленного документа о легитимности церковного суда в жизни светского общества, его правовом статусе ставит под вопрос принцип отделения Церкви от Государства ...»* [\[8\]](#).

Конечно, тема светскости государства является весьма и весьма обширной, на этот счет существует значительное число публикаций, в том числе монографий, как отечественных, так и зарубежных авторов. Замечание профессора А.С. Смыкалина ценно для нас тем, что учёный чётко обозначает проблему и даёт ей надлежащую правовую оценку. Не углубляясь в дальнейшее развитие темы светскости государства, приведем пример, доступный в некоммерческой онлайн-версии СПС «Консультант Плюс», а именно приказ Департамента здравоохранения г. Москвы от 30.10.2019 № 927 «О внесении изменений в приказ Департамента здравоохранения города Москвы от 29.12.2016 № 1064» (далее — приказ № 927). Приложение к указанному приказу содержит раскрепление медицинских организаций за патолого-анатомическими отделениями для

проведения вскрытий и бесплатного сохранения тел умерших.

Во втором примечании к раскреплению указано, что направление тел умерших священнослужителей и монашествующих РПЦ МП *(на наш взгляд, логическое, формально-юридическое, системное либо любое другое толкование данного приказа говорит, что в нём идёт речь именно о религиозной организации с ИНН 7704277940)* осуществляется строго в соответствии с раскреплением, установленным приказом № 927, в патологоанатомическое отделение АНО ЦКБ Святителя Алексия независимо от того, наступила смерть на дому или в любой медицинской организации, расположенной на территории города Москвы. Таким образом, ведомственный приказ московского минздрава явным и недвусмысленным образом делит священнослужителей разных религий на две категории — упомянутых и не упомянутых в нём, создавая разные основания возникновения гражданских прав и обязанностей для субъектов гражданских правоотношений. При этом не урегулированным остаётся вопрос, а как быть с телами тех православных священнослужителей, которые не входят в юрисдикцию РПЦ МП? (Подробнее о проблеме, связанной с правовым статусом различных православных юрисдикций упоминалось нами ранее [\[9\]](#)). И следующий естественный вопрос — а в какие больницы нужно доставлять тела умерших священнослужителей мусульман, иудеев и представителей иных религий? В какие больницы следует, согласно логике московского минздрава, доставлять тела священнослужителей религиозных групп под наименованием «Русская Пастафарианская Церковь Макаронного Пастриархата»? (официальный сайт — <https://www.rpcmr.ru/>, дата обращения 14.09.2023). Согласно пункту 3 статьи 7 Федерального закона № 125-ФЗ религиозные группы имеют право «совершать богослужения, другие религиозные обряды и церемонии, а также осуществлять обучение религии и религиозное воспитание своих последователей». Почему члены подобных религиозных групп подвергаются дискриминации на уровне ведомственных приказов государственных органов здравоохранения?

Для поиска ответов на поставленные вопросы можно обратиться ко второй части статьи профессора, посвящённой сравнительному анализу современной судебной системы Российской Федерации и церковных судов РПЦ МП, в которой автор излагает свое мнение более развёрнуто и указывает: «В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви отмечено, что Церковь не должна брать на себя функции, принадлежащие государству, а это значит, что существование церковного суда фактом своего наличия противоречит Конституции РФ и Социальной концепции Русской Православной Церкви» [\[10\]](#). Данный вывод, сделанный в 2016 году, явным образом не вписывается в современные тренды государственно-конфессиональных отношений в России, поэтому, представляет повышенный интерес для читателей.

Полагаем, что острые вопросы о легитимности церковных судов, поставленные профессором в названных публикациях 2015-2016 годов, с течением времени не теряют своей актуальности. Более того, их актуальность возрастает. Данный тезис можно весьма наглядно проиллюстрировать отсылкой к процессу над протодиаконом Андреем Кураевым. По результатам данного процесса протодиаконом Андреем Кураевым была выпущена монография [\[11\]](#), изучение которой, на наш взгляд, будет весьма интересно той же целевой аудитории, на которую рассчитано учебное пособие профессора по каноническому праву [\[12\]](#).

Изучение указанного учебного пособия будет весьма интересно как практикующим юристам, так и широкому кругу читателей, интересующимся государственно-конфессиональными отношениями. Однако отметим, что дискурс, используемый в

названом учебном пособии, был бы более уместен в конфессионально-ориентированном учебном пособии, т.е. рассчитанном на изучение в духовных учебных заведениях. Стиль изложения и метод подачи материала порой разнятся весьма существенно. Некоторые параграфы написаны с богословских, а не юридических позиций; конфессионально-ориентированная информация подаётся в позитивистском ключе, без уделения должного внимания имеющейся критической литературе. Иногда же автор излагает материал в стиле, более характерном для светского религиоведа.

Например, в качестве одного источников церковного права, со ссылкой на кандидатскую диссертацию 1997 года М.Ю. Варьяса, указана «божественная воля». Полагаем, что в учебном пособии не хватает правового комментария к данному тезису. Ситуация, когда правоприменителю необходимо уяснить точное содержание воли законодателя, в праве отнюдь не редка. Поиск в некоммерческой онлайн-версии СПС «Консультант Плюс» показал, что данное словосочетание встречается в решениях высших судов более 400 раз, в постановлениях Суда по интеллектуальным правам — не менее 20 раз, в судебных актах арбитражных судов — более 10000 раз, в судебных актах судов общей юрисдикции — более 2300 раз.

Реконструкция «воли законодателя» не вызывает сомнений в допустимости такой практики, поскольку проекты правовых актов разрабатываются юристами, с соблюдением правил юридической техники. Но любое законодательство далеко от идеала, поскольку оно регулирует находящиеся в динамике общественные отношения и в силу этого не всегда этим отношениям соответствует, что влечёт для правоприменителей (в первую очередь — судебных органов) необходимость в уяснении законодательной воли. И при этом у законодателя появляется вариативность действий — изменить законодательство по своему усмотрению, что влечёт соответствующее изменение правоприменительной практики, либо признать обоснованность и значимость предложенных судами конструкций и инкорпорировать их в действующее законодательство.

В ситуации же с каноническим правом и установлением «божественной воли» ситуация совсем иная. За «божественную волю» на практике выдаётся мнение лиц, наделённых административной властью и имеющих возможность в буквальном смысле осудить тех толкователей, чьё мнение не совпадёт с их собственным. Каноническое право РПЦ МП является очень запутанным, совершенно неадаптированным к современным реалиям и допускает в силу этого значительный субъективизм правоприменителя. Говоря о «божественной воле» как источнике права, юристам не будет лишним вспомнить и не теряющую актуальности в наши дни классику: *«Слабые перуанцы охотно верили Манко Капаку, что он сын солнца и что закон его с небеси истекает»* (А.Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву», глава «Выдропуск»).

Полагаем, что при изложении религиозного контента для студентов юридических вузов более уместно пользоваться инструментарием такой светской науки как религиоведение. По справедливому замечанию профессора А.П. Забияко, *«многообразие религии адекватно реконструируется только посредством системы дефиниций. При этом каждая из возможных дефиниций религии должна быть операционализирована применительно к конкретному контексту употребления, к культурно-историческим реалиям и задачам исследования»* [\[13\]](#).

На наш взгляд, краткий словарь церковно-славянских терминов, приведённый в указанном учебном пособии, не свободен от ряда существенных недочётов, однако в рамках статьи развитие данной темы полагаем нецелесообразным. При этом саму попытку создания актуального глоссария церковно-славянских терминов для юристов

можно лишь приветствовать.

Весьма актуальной из 2023 года видится исследование историко-правового аспекта роли религии в XVII веке во взаимоотношениях России и Украины^[14]. Автор чётко артикулирует свою позицию, обоснованно указывая, что факторы религиозно-церковной жизни в рассматриваемых событиях тесно переплетались с факторами межгосударственных отношений.

Рассматриваемая статья профессора интересна также исторической фактурой. Говоря о методах противодействия католической пропаганде, автор отмечает решительный настрой со стороны православных: *«Когда в 1624 году киевские униаты, при содействии местного войта Федора Ходыки, стали запечатывать православные церкви – митрополит Иов Борецкий обращался в Запорожье за защитой к гетману Каллинику Андрееву. Прибывший в Киев из Запорожья в январе 1625 года казацкий отряд распечатал церкви. Ходыку утопили в Днепре, а униатскому священнику Юзефовичу казаки отрубили голову»*. Правовую обоснованность таких контрмер в межконфессиональном диалоге автор не приводит, по всей видимости, оставляя ответ на данный вопрос на усмотрение читателя.

Кроме того, в рассматриваемой статье автор несколько однобоко, на наш взгляд, описывает деятельность Богдана Хмельницкого, выдвигая на первый (если не единственный) план религиозный мотив. Полагаем, что личность Богдана Хмельницкого и оценка его вклада в историю заслуживали более подробной оценки. На наш взгляд, достаточно взвешенные оценки даны в публикации профессора М.В. Жеребкина, который отмечает, что Богдан Хмельницкий *«волей случая и обстоятельств возглавил общий протест казаков, крестьян, представителей городских низов, у которых были разные цели и интересы. Отсутствием идеи, которая формирует цель, в значительной степени объясняются последующие политические шарахання Хмельницкого»*^[15].

Также огромный интерес для читателей представляет статья профессора, посвящённая тайне исповеди^[16]. В статье присутствуют чеканные юридические формулировки, с кристальной ясностью проявляющие существо затронутой проблемы. Учёный даёт лаконичный по объёму, но глубокий по содержанию обзор имеющихся исследований; ясно и чётко формулирует субъектный состав применительно к феномену религиозной тайны, её предмет, объект и цель образования, обосновывая тем самым как необходимость существования названного правового института, так и его место в механизме правового регулирования. Далее раскрывается актуальное содержание нормативных правовых актов, которые регулируют религиозную тайну в широком смысле и тайну исповеди — в узком.

Но в разбираемой статье профессора имеется неточность, которая, на наш взгляд, возникла из-за не достаточно критического цитирования иных юристов. Комментируя Основы социальной концепции РПЦ МП, учёный утверждает: *«... в исключительных случаях священник может «открыть личность исповедующегося», что противоречит даже УПК и ГПК РФ»*. Полагаем необходимым обратиться к первоисточнику, т.е. официальному тексту документа, размещённому на официальном сайте РПЦ МП: *«... священнослужитель должен призвать исповедуемого к истинному покаянию, то есть к отречению от злого намерения. Если этот призыв не возымеет действия, пастырь может, **заботясь о сохранности тайны имени исповедовавшегося и других обстоятельств, способных открыть его личность**, — предупредить тех, чьей жизни угрожает опасность»* (<http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>, дата обращения 14.09.2023). Т.е. о праве

раскрытия личности в официальном документе речь не идёт, что соответствует как программной установке Основ, так и корреспондирующим нормам гражданского и уголовного законодательства.

В статье, посвящённой особенностям государственно-конфессиональных отношений в СССР в 1920-е годы^[17], примечательными, на наш взгляд, являются следующие фрагменты. Профессор указывает, что до 1923 года православная церковь не признавала советскую власть. Здесь интересно было бы узнать мнение учёного, как подобная политическая позиция соотносится с прямыми библейскими указаниями - Рим.13:1-2 и 1 Пет.2:13-14, в частности «нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены».

Также автор отмечает, что «ситуация усугублялась и тем, что Церковь заняла негативную позицию не только в отношении религиозной политики социалистического государства, но и в отношении всей его внутренней и внешней политики. Так, Патриарх осудил стремление правительства выйти из войны и заключить мирный договор с Германией». По вопросу обоснованности заключения Брестского мира среди историков существуют различные мнения. По нашему мнению, заслуживает внимания трактовка этих событий, предложенная современными историками, директором научно-исследовательского фонда «Цифровая история» Е.Н. Яковлевым и А.И. Фурсовым. (Публичные лекции доступны по адресам: к.и.н. А.И. Фурсова — <https://www.youtube.com/watch?v=0BTrxZL14SU> (дата обращения: 14.09.2023), к.и.н. Е.Н. Яковлева - https://www.youtube.com/watch?v=p_1-tFzXrvo (дата обращения: 14.09.2023)). Вряд ли стоит удивляться негативной реакции новых руководителей государства на попытки вмешательства религиозных деятелей в вопросы внешней политики.

Кроме того, в названной статье обходится молчанием Декларация митрополита Сергия (Страгородского) 1927 года, хотя по своему влиянию на судьбу православия в XX веке указанный документ имел весьма серьёзное значение.

Не обошёл вниманием профессор и государственно-религиозные отношения в СССР в годы Великой Отечественной войны, тезисно осветив ключевые исторические факты данного периода^[18]. Примечательным является замечание учёного о следующем. Примерно за год до исторической встречи Сталина с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем) в адрес Сталина была направлена просьба разрешить церкви открыть свой счет в банке для депонирования собираемых пожертвований. А это, как полагает А. С. Смыкалин, фактически означало, что церковь де-факто получала статус юридического лица. По нашему же мнению, возможность иметь счёт в банке для патриотических целей значила для адептов православия не слишком много в реалиях того времени и коренным образом на изменение существующего положения не влияла.

Ещё одна важная программная статья профессора по тематике государственно-конфессиональных отношений посвящена современному юридическому религиоведению^[19]. В ней автор даёт обстоятельный исторический обзор пересечений светского законодательства с различными явлениями религиозной сферы.

Особо обращает на себя постановка вопроса о соблюдении норм трудового права в религиозных организациях. Ограниченный форматом статьи, профессор излагает нормы позитивного права в их историческом развитии, не углубляясь в анализ отдельных казусов и не делая выводов о том, как **фактически** применяются нормы трудового

законодательства в религиозных организациях. Полагаем, что поднятые учёным вопросы весьма важны и нуждаются в дальнейшей теоретической разработке на примере анализа конкретных судебных дел.

Сказанное убеждает нас в правоте профессора, который последовательно продвигает тезис о развитии юридического религиоведения, о необходимости серьёзной научной дискуссии по государственно-церковным отношениям, о подготовке квалифицированных юридических кадров, способных применять не только лишь правовые навыки, но и работать в междисциплинарном поле, учитывать и адекватно сопоставлять сведения из права, истории, религиоведения, социологии и на этом основании выносить обоснованные суждения о тех или иных явлениях общественной жизни.

По результатам проведенного исследования автор пришёл к следующим выводам:

1. Для целей дальнейшего совершенствования государственно-конфессиональных отношений в России работы профессора А. С. Смыкалина представляют несомненный интерес, поскольку автор указывает в них множество правоотношений, урегулированных в настоящее время не оптимальным образом и предлагает пути решения существующих проблем.
2. Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить вопросам соблюдения прав граждан, работающих по трудовому договору или без него, в религиозных организациях; правовому статусу существующих «церковных судов» (необходимо более чётко и однозначно прописать возможность обжалования решений церковных судов в судах общей юрисдикции, если затрагиваются трудовые права граждан).
3. Судебное религиоведение заслуживает особого внимания, данные курсы следует шире включать в учебные планы студентов юридических вузов. Подготовка юристов со специализацией в области государственно-конфессиональных отношений должна, на наш взгляд, быть существенно расширена.

Библиография

1. Смыкалин А. С. Церковное право – самостоятельная отрасль знаний в системе юридических наук // Российский юридический журнал. 2005. № 4(48). С. 131-136.
2. Мотревич В. П., Смыкалин А. С. Русская православная церковь и современное российское государство: юридический аспект // Государство и гражданское общество: правовые проблемы взаимодействия : Сборник статей Международной научно-практической конференции. Туапсе, 18–19 сентября 2007 года. Тюменский государственный университет, 2007, С. 154-159.
3. Мотревич В. П., Смыкалин А. С. Русская православная церковь и современное российское государство: проблемы и перспективы развития // Приоритетные направления развития правового государства : материалы Международной научно-практической конференции. Барнаул, 28–29 сентября 2007 года. Барнаул, 2008, С. 13-15.
4. Смыкалин, А. С. Проблемы взаимоотношений российского государства и русской православной церкви: историко-юридический аспект (1917-1941 гг.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2012. № 1(33). С. 23-32.
5. Смыкалин А. С. К вопросу о преподавании «канонического права» в светских вузах России // Проблемы истории общества, государства и права : Сборник научных трудов. Выпуск 1. Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный

- юридический университет», 2013. С. 270-277.
6. Грибов А. Ю. Законы Чингисхана : реконструкция. М.: Юстицинформ; 2022.
 7. Смыкалин А. С. Правовой аспект понятия «религиозная тайна» // Вопросы правоведа. 2015. № 6(34). С. 107-119.
 8. Смыкалин А. С. Историко-сравнительный анализ современной судебной системы Российской Федерации и церковных судов Русской Православной Церкви // Бизнес, менеджмент и право. 2015. № 2(32). С. 154-160.
 9. Секретарёв Р. В. Актуальные проблемы российского законодательства о свободе совести в первой четверти XXI века // Юридические исследования. 2022. № 8. С. 27-40. DOI: 10.25136/2409-7136.2022.8.38465.
 10. Смыкалин А. Историко-сравнительный анализ современной судебной системы Российской Федерации и церковных судов Русской Православной Церкви // Бизнес, менеджмент и право. 2016. № 1-2(33-34). С. 81-85.
 11. Кураев А., диак. Парадоксы церковного права. М.: Блок-принт, 2022.
 12. Смыкалин А. С. Каноническое право (на примере Русской православной церкви XI–XXI вв). М.: Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2019.
 13. Забияко А. П. Религиоведение как строгая наука // Концепт: философия, религия, культура. 2019. № 3(11). С. 47-64. DOI: 10.24833/2541-8831-2019-3-11-47-64.
 14. Смыкалин А. С. Роль православной религии в XVII веке во взаимоотношениях Украины и России (историко-правовой аспект) // Проблемы истории общества, государства и права : Сборник научных трудов, Екатеринбург, 26 мая 2018 года / Материалы Межрегиональной научной конференции «Актуальные проблемы истории государства и права России и зарубежных стран (к 140-летию профессора, первого доктора юридических наук в Свердловском юридическом институте Ивана Ивановича Крыльцова (1878 – после 1947 гг.), к 130-летию профессора Серафима Владимировича Юшкова (1888-1952) и 90-летию профессора-романиста Аргир Валериановны Игнатенко (1927-2012)». Выпуск 5. Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2018. С. 142-151.
 15. Жеребкин М. В. Логика намерений и логика обстоятельств в действиях гетмана Богдана Хмельницкого // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 2(46). С. 1-7.
 16. Смыкалин А. С. «Тайна Исповеди» – ее легитимность и юридическое значение в законодательстве // Церковь. Богословие. История : Материалы VI Всероссийской научно-богословской конференции, посвященной 100-летию мученической кончины святых Царственных страсотерпцев и их верных спутников, Екатеринбург, 10–12 февраля 2018 года. Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2018. – С. 215-226.
 17. Смыкалин А. С. Особенности государственно-конфессиональных отношений в советском государстве в 1920-е гг // Церковь. Богословие. История. 2022. № 3. С. 177-193.
 18. Смыкалин А. С. Государственно-религиозные отношения в СССР в годы Великой Отечественной войны // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : Материалы международной научной конференции. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года / Под редакцией Н.С. Нижник. Часть 1. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 1126-1131.
 19. Смыкалин А. С. Юридическое религиоведение – новое направление отечественной

юриспруденции // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5(81). С. 52-62. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.052-062.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. Представляется, что предметом исследования данной научной статьи являются размышления (ad deliberandum) о нормах канонического права, регулирующих государственно-конфессиональные отношения, представленные в работах выдающегося советского и российского ученого-юриста, доктора юридических наук, профессора А.С. Смыкалина.

Методология исследования. Автором использовались общие и специальные методы научного познания, что позволило не только провести анализ концепции канонического права, регулирующего государственно-конфессиональные отношения, представленной в работах профессора А.С. Смыкалина, но сделать выводы, о том что "для целей дальнейшего совершенствования государственно-конфессиональных отношений в России работы профессора А. С. Смыкалина представляют несомненный интерес, поскольку автор указывает в них множество правоотношений, урегулированных в настоящее время не оптимальным образом и предлагает пути решения существующих проблем". Методологический аппарат научной статьи составили следующие элементы анализа: диахронное и синхронное, внутреннее и внешнее сравнение, формально-юридический прием, а также другие диалектические методы научного познания.

Актуальность. В современных условиях большое значение религиозных норм в регулировании общественных отношений нельзя отрицать, хотя, бесспорно, главенствующая роль в правовом регулировании, по-прежнему, отводится государственным нормативным правовым актам. Нормы права и канонические нормы часто находятся в коллизии, на что указывает в своих публикациях профессор А. С. Смыкалин, и как абсолютно правильно отмечает автор рецензируемой статьи. Актуальной является проблема об отношениях государства и религии (религиозных организаций) вообще, особенно при официальной позиции государства о свободе вероисповедания граждан. Действительно важным и значимым остается вопрос "о пересечении светского законодательства с различными явлениями религиозной сферы", что нашло отражения в трудах профессора А.С. Смыкалина, и что не оставил без внимания автор рецензируемой статьи. Статья отличается практической значимостью. Так, нельзя не согласиться с автором, что "судебное религиозоведение заслуживает особого внимания, данные курсы следует шире включать в учебные планы студентов юридических вузов. Подготовка юристов со специализацией в области государственно-конфессиональных отношений должна, на наш взгляд, быть существенно расширена". Важно не оставлять без внимания трудовые отношения, существующие в религиозных организациях и др.

Научная новизна. Пожалуй, это первое научное исследование, посвященное размышлениям выдающегося отечественного ученого-юриста А.С. Смыкалина об отношениях государства и религии (религиозных организаций), государственно-правового и канонического регулирования общественных отношений в современных условиях и в историческом экскурсе. Заслуживает интерес обращение А.С. Смыкалина и поддерживающего его автора рецензируемой статьи к "правовому статусу существующих «церковных судов» (необходимо более чётко и однозначно прописать возможность обжалования решений церковных судов в судах общей юрисдикции, если затрагиваются

трудовые права граждан)".

Стиль, структура, содержание. Статья написана научным стилем, с использованием специальной терминологии. Материал изложен последовательно, грамотно и ясно. Статья структурирована. По содержанию статья раскрывает заявленную автором тему. Автор показал знание публикаций и соответственно позиции профессора А.С. Смыкалина по многим спорным и сложным вопросам, а также аргументировал собственную точку зрения.

Библиография. Автором в полной мере изучены публикации профессора А.С. Смыкалина, анализ которых представлен в статье. Все источники оформлены в соответствии с библиографическим ГОСТом.

Апелляция к оппонентам. В статье все обращения к оппонентам корректные, оформлены со ссылками на источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Рецензируемая статья "Работы профессора А. С. Смыкалина по каноническому праву и государственно-конфессиональным отношениям: *ad deliberandum*" рекомендуется к опубликованию, отвечает установленным требованиям и редакционной политике научного журнала "Право и политика", является актуальной, имеет практическую значимость, отличается научной новизной. Данная статья может представлять как научный интерес, так и быть полезной для юридической практики.

Англоязычные метаданные

Environmental conflicts in the Arctic zone of the Russian Federation in the field of energy, economic and environmental security

Kudelkin Nikolai

PhD in Law

Leading Scientific Associate; Department of Environmental, Land and Agrarian Law; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

119019, Russia, Moscow, Znamenka str., 10

✉ nkkix@inbox.ru

Abstract. The subject of the article is the provisions of strategic planning documents in the field of ensuring national, environmental, energy and economic security, as well as the provisions of strategic planning documents dedicated to the Russian Arctic. The purpose of the work is to study the above-mentioned documents, identify environmental conflicts consisting in their provisions and develop proposals for their resolution and prevention. The methodological basis of the study is based on the system of methods, means of cognition and logical techniques, in the process of work general scientific, private and special methods were used. Such as synthesis, analysis, deduction, analogy, induction, formal legal and others. The relevance of the research topic is indicated by the fact that the Arctic plays an important role in ensuring Russia's strategic national interests in such areas as the economy, transport, environmental protection, defense, and a number of others. Many aspects of Russia's national security depend on the state of the environment of the Russian Arctic, as well as on the implementation of economic activities on its territory, therefore, the resolution and prevention of environmental conflicts concerning this region is an important and urgent task, since without a balance of interests in this area, both the sustainable development of the Russian Arctic and preservation of its unique natural environment seems unlikely. The paper concludes that in order to resolve the main law-making environmental conflict that takes place in the strategic documents under consideration, it is necessary to exclude from the list of threats (challenges) to economic and energy security such a factor as redundancy of requirements in the field of environmental safety and the increase in the costs of their implementation. In turn, in order to ensure a balance of interests in the implementation of nature management and environmental protection in the Russian Arctic, it is proposed to use the best available technologies, as well as the natural and ecological framework of the territory.

Keywords: legal conflict, environmental conflict, energy security, economic security, environmental security, national security, environmental pollution, environmental protection, Arctic, The Northern Sea Route

References (transliterated)

1. Kudel'kin N.S. Arktika i global'noe poteplenie: adaptatsiya k izmeneniyu klimata i okhrana okruzhayushchei sredy // Yuridicheskie issledovaniya. 2022. № 1. S. 1–16. DOI: 10.25136/2409-7136.2022.1.37049
2. Bogolyubov S.A., Krasnova I.O. Pravo i spasenie prirody Rossiiskoi Arktiki // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2018. № 6 (91). S. 178–190. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.91.6.178-190

3. Brinchuk M.M., Kasprova Yu.A. Arktika kak spetsificheskii ob"ekt ekologicheskoi bezopasnosti // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo. 2021. T. 31. № 2. S. 235–242. DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-2-235-242
4. Zhavoronkova N.G., Agafonov V.B. Pravovoe obespechenie ekologicheskoi bezopasnosti Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii pri realizatsii genomnykh tekhnologii // Lex russica. 2019. № 6. S. 61–70. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.061-070
5. Battakhov P.P., Ovchinnikova Yu.S. Pravovye aspekty predprinimatel'skoi deyatel'nosti v Arkticheskoi zone Rossiiskoi Federatsii // Gosudarstvo i pravo. 2022. № 11. С. 99–105. DOI: 10.31857/S102694520022764-1
6. Serditova N.E. Izmenenie klimata v Arktike: lokal'noe i global'noe vozdeistvie na okruzhayushchuyu sredu // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geografiya i geoekologiya. 2020. № 1 (29). S. 7–16. DOI: 10.26456/2226-7719-1-2020-7-16
7. Shinkaretskaya G.G. Povyshenie urovnya Severnogo Ledovitogo okeana i problemy delimitatsii zon yurisdiktsii priarkticheskikh gosudarstv // Obrazovanie i pravo. 2022. № 9. S. 333–341. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-9-333-341
8. Dubovik O.L. Ekologicheskaya konfliktologiya (preduprezhdenie i razreshenie ekologo-pravovykh konfliktov): Monografiya. M.: Norma: INFRA-M, 2019. – 280 s. ISBN: 978-5-91768-982-1
9. Mukhlynina M.M. Osobennosti obespecheniya ekologicheskoi bezopasnosti i pravoporyadka na territorii rossiiskoi severnoi polyarnoi oblasti zemli // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2020. № 8 (188). S. 47–49.
10. Mukhlynin D.N., Mukhlynina M.M. Ekonomiko-pravovye aspekty realizatsii strategii ekologicheskoi bezopasnosti v Rossii // Zakon i pravo. 2018. № 5. S. 93–94.
11. Likhachev S.V., Raksha N.S. Problemy pravovogo regulirovaniya obespecheniya natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii // Rossiiskii sledovatel'. 2022. № 1. S. 64–67. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-1-64-67
12. Abanina E.N., Sukhova E.A. Pravovoe obespechenie ekologicheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: sostoyanie i perspektivy razvitiya. Monografiya. M.: Yustitsinform, 2022. – 222 s. ISBN: 978-5-7205-1811-0
13. Yuridicheskaya konfliktologiya / Boikov A.D., Varlamova N.V., Dmitriev A.V., Dubovik O.L., i dr.; otv. red.: V.N. Kudryavtsev M.: IGP RAN, 1995. – 316 c. ISBN 5-201-01309-1 (V per.): B. ts.
14. Zaslavskaya N.M. Ekologo-pravovye konflikty: ponyatie, klassifikatsiya, osobennosti pravovogo regulirovaniya // Ekologicheskoe pravo. 2021. № 5. S. 9–15. DOI: 10.18572/1812-3775-2021-5-9-15
15. Zhavoronkova N.G., Agafonov V.B. Strategicheskie napravleniya pravovogo obespecheniya ekologicheskoi bezopasnosti v Arkticheskoi zone Rossiiskoi Federatsii // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2019. № 7. S. 161–171. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.104.7.161-171
16. Kudel'kin N.S. Pravovye voprosy ekonomicheskoi podderzhki prirodookhrannoi deyatel'nosti na primere nailuchshikh dostupnykh tekhnologii // Ekologicheskoe pravo. 2020. № 6. S. 30–34. DOI: 10.18572/1812-3775-2020-6-30-35
17. Ignat'eva I.A. Pravovaya okhrana prirody Arktiki i vnedrenie nailuchshikh dostupnykh tekhnologii // Biznes, menedzhment i pravo. 2020. № 1 (45). S. 46–50.
18. Kudel'kin N.S. Kontseptual'nyi podkhod k sovershenstvovaniyu pravovogo regulirovaniya okhrany okruzhayushchei sredy i osushchestvleniya prirodopol'zovaniya v

Rights to the Result of Intellectual Activity of Artificial Intelligence in Terms of the Dualism of Intellectual Law

Akhramkina Kira Anatol'evna

Postgraduate Student, Russian State Academy of Intellectual Property

55a Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117279, Russia

✉ kirra4@yandex.ru

Abstract. This article reveals the author's view on the issues arising in the field of intellectual property rights in connection with the development of artificial intelligence systems. The topic of the research is touched upon due to the fact that the modern technological renewal in the modern world is so large-scale that many scientists are inclined not only to historical changes, but also to anthropological ones: technology becomes dominant in an inextricable connection with the human operator. In the modern Russian legislation there is no institutional fixation of norms of law regulating the relations connected with creation and use of results of artificial intelligence. In the global legal field the recognition of artificial intelligence as the author of the invention has been an open question for a long time. The article considers different points of view on the definition of artificial intelligence, including foreign sources. The author argues about the applicability of the concept of "inventor" in relation to artificial intelligence. The author's position in relation to the results of artificial intelligence is presented on the basis of the principle of intellectual property duality, where the main idea is the separation of non-property and property rights to the results of artificial intelligence. Methods of analysis, synthesis, modeling, comparative-legal were used. In the end conclusions are made about the recognition of authorship on the result of artificial intelligence, based on the creative contribution to its creation and work, the emergence and transfer of exclusive rights.

Keywords: exclusive rights, invention, program, robot, artificial intelligence, duality principle, principles of law, intellectual property law, right of the author, right of the programmer

References (transliterated)

1. Efremova M.A., Lopatina T.M. Robot kak sub'ekt ugovno-pravovykh otnoshenii // Rossiiskii sledovatel' – 2021. – № 9. – S. 42–45.
2. Naumov V.B., Arkhipov V.V. Proekt federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenii v Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii v chasti sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya otnoshenii v oblasti robototekhniki" // Pravo i informatsiya: voprosy teorii i praktiki: sbornik materialov VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii / nauchnyi redaktor N.A. Sheveleva. M., 2017. S. 220–228 (seriya "Elektronnoe zakonodatel'stvo").
3. Naumov V.B., Neznamov A.V. Model'naya konventsia o robototekhnike i iskusstvennom intellekte: podkhody k identifikatsii i voprosam bezopasnosti // Dinamika institutov informatsionnoi bezopasnosti. Pravovye problemy: sbornik nauchnykh trudov / otv. red. T.A. Polyakova, V.B. Naumov, E.V. Talapina. M., 2018. S. 125–137.

4. Qiao S., Li Z., Chen B. How Technology is Changing Justice in China //Judicature International. 2021–2022. URL: <https://judicature.duke.edu/articles/technology-changing-justice-in-china/> (data obrashcheniya – 21.12.2022).
5. Dyuflo A. Iskusstvennyi intellekt vo frantsuzskom prave //Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina. –2021. –№1. – S. 49–57.
6. Kolesnikova G.I. Iskusstvennyi intellekt: problemy i perspektivy// Videonauka. – 2018. – № 2(10) . – S. 34–39.
7. Casebeer W., Chan K., Johnson B. D., McDaniel P. Autonomous Systems & Emerging Technology//Penn State Journal of Law & International Affairs. 2020. Volume 7. Issue 3. Symposium Issue. URL: <https://elibrary.law.psu.edu/jlia/vol7/iss3/2> (data obrashcheniya – 01.12.2022).
8. Fok E. Challenging the international trend: the case for artificial intelligence//Santa Clara Journal of International Law. 2021. Volume 19. Issue 1. Article 2. URL: <https://digitalcommons.law.scu.edu/scujil/vol19/iss1/2> (data obrashcheniya: 01.12.2022).
9. Communication Artificial Intelligence for Europe . Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on Artificial Intelligence for Europe, Brussels. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/communication-artificial-intelligence-europe> (data obrashcheniya – 21.12.2022).
10. Ukaz Prezidenta RF ot 10 oktyabrya 2019 g. № 490 «O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossiiskoi Federatsii». Informatsionno-pravovoe obespechenie «Garant». URL: <https://base.garant.ru/72838946/> (data obrashcheniya – 01.12.2022).
11. Manoshin D.A. Programmirovaniye iskusstvennogo intellekta// Colloquium-journal. 2019. №12(36). DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10331 S. 21–23.
12. Lee M. Artificial intelligence / Machine learning-based medical devices: regulatory and patentability challenges// Penn State Journal of Law & International Affairs.2022. Volume 10. Issue 2. URL: <https://elibrary.law.psu.edu/jlia/vol10/iss2/7> (data obrashcheniya – 01.12.2022).
13. Kupchina E. V. Iskusstvennyi intellekt i intellektual'naya sobstvennost': voprosy pravovogo regulirovaniya patentnykh otnoshenii // Legal Concept = Pravovaya paradigma. – 2020. – T. 19. № 4. – S. 48–54. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.6>.
14. Morkhat P.M. Pravosub'ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noi sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy: diss. ... dok. yur. nauk.– M., 2018. – 420 s.
15. Grimm P.W., Grossman M.R., Gless S., Hildebrandt M. Artificial Justice: The Quandary of AI in the Courtroom//Judicature International. 2021–2022. URL: https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1004&context=judicature_intl (data obrashcheniya – 01.12.2022).
16. Afanas'ev S.A. O ravnopravii iskusstvennogo intellekta i cheloveka v filosofsko-pravovom i kul'turnom aspekte// Pravovaya kul'tura. –2022. –№3 (50).–S. 72–78.
17. Press G. Breaking News: Humans Will Forever Triumph Over The Machines // Forbes. 2015. Jun 30. URL: <http://www.forbes.com/sites/gilpress/2015/06/30/breaking-news-humans-will-forever-triumph-over-the-machines/#1192b6be7fa5> (data obrashcheniya– 21.12.2022).
18. Omorov R.O. Intellektual'naya sobstvennost' i iskusstvennyi intellekt // E–

- Management. – 2020. – № 1. – С. 43–49. URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/intellektual'naya-sobstvennost-i-iskusstvennyy-intellekt> (data obrashcheniya– 21.12.2022).
19. Begishev. I.R. Iskusstvennyi intellekt i robot kak pravovye kategorii. Bezopasnost' biznesa. 2020. № 6. SPS Konsul'tantPlyus.
 20. Zateishchikova E.L. Problema pravosub'ektnosti i avtorskikh prav sistemy s iskusstvennym intellektom // Voprosy rossiiskoi yustitsii. – 2019. – С. 379–386.
 21. Vitko V. Analiz nauchnykh predstavlenii ob avtore i pravakh na rezul'taty deyatel'nosti iskusstvennogo intellekta. Intellektual'naya sobstvennosti. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. 2019. № 2. SPS Konsul'tantPlyus.
 22. Uzhov. F.V. Iskusstvennyi intellekt kak sub'ekt prava // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. –2017. – № 3. С. 357–360.
 23. Pomeranets A.D., Kolentsova V.V. Ugolovnaya otvetstvennost' i iskusstvennyi intellekt//Pravo i gosudarstvo teoriya i praktika. – 2022. – № 2(206). С. 273–278. DOI 10.47643/1815-1337_2022_2_273.
 24. Shestak V.A., Volevodz A.G. Sovremennye problemy pravovogo obespecheniya iskusstvennogo intellekta: vzglyad iz Rossii. Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal. – 2019. – Т. 13. № 2. – С. 197–206.
 25. Gurko A. Iskusstvennyi intellekt i avtorskoe pravo: vzglyad v budushchee // Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. – 2017. – № 12. – С. 164–167.
 26. Bryson J.J., Diamanti M.E., Grant T.D. Of, for, and by the people: the legal lacuna of synthetic persons // Artificial Intelligence and Law. – 2017. – Vol. 25. – С. 273–291.
 27. Zborovskii G.E. Istoriya sotsiologii: uchebnik. M.: Gardariki, 2004. 608 s.
 28. Intellektual'nye prava na proizvedeniya nauki, literatury i iskusstva: ucheb. posobie / A. G. Matveev; Perm. gos. nats. issled. un-t. – Perm', 2015. – 444 s.
 29. Liptsik D. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. (Droit d'auteur et droits voisins) [Djv-7.9M]. Nauchnoe izdanie. Perevod s frantsuzskogo. Predislovie M.A. Fedotova. Moskva: Ladomir; Izdatel'stvo YuNESKO, 2002 URL:
<https://studfile.net/preview/9915419/page:13/> (data obrashcheniya: 05.12.2022).
 30. Sinel'nikova V.N., Revinskii O.V. Prava na rezul'taty iskusstvennogo intellekta // Kopirait. –2017. – № 4. – С. 17–27.
 31. Ob itogakh raboty IX Permskogo kongressa uchenykh-yuristov «Pravovoe regulirovanie tsifrovizatsii obshchestva: prioritetye zadachi»// Nauchnye sobraniya i meropriyatiya. Moskovskii gosudarstvennyi yuridicheskii universitet im. O.E. Kutafina (MGYuA). – 2018. – № 12 (145). – С.161–174.
 32. Recommendation of Parliamentary Assembly of the Council of Europe // Technological Convergence, Artificial Intelligence and Human Rights. – 2017. – № 2102. URL:
<https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=23726&lang=en> (data obrashcheniya – 05.12.2022).
 33. Ponkin I., Red'kina A. Iskusstvennyi intellekt i pravo intellektual'noi sobstvennosti//Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. – 2018. – № 2. – С. 35–44.
 34. Vasil'ev A.A., Pechatnova Yu.V.. Mesto iskusstvennogo intellekta sredi elementov sostava. Tsifrovoe pravo. – 2020. – Tom 1. № 4. – С. 74–83.
 35. Priobretenie prava sobstvennosti na plody. Rimskoe pravo. Uchebnik pod redaktsiei professora I.B. Novitskogo i professora I.S. Pereterskogo. URL: <http://av->

ue.ru/rimsk_lav.php?d=rl_5_16_63.htm (data obrashcheniya – 15.12.2022).

36. Mikhovich E.A. Pravovoi rezhim proizvedenii, sozdannykh s pomoshch'yu iskusstvennogo intellekta. // Voprosy studencheskoi nauki. – 2022 – №5 (69). – S. 390–397.
37. Kalyatin V.O. Problema mashinnogo tvorchestva v sisteme prava: regulirovanie sozdaniya i ispol'zovanie rezul'tatov intellektual'noi deyatel'nosti s primeneniem iskusstvennogo intellekta, zarubezhnyi opyt i rossiiskie perspektivy. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/482492820.pdf> (data obrashcheniya – 22.12.2022).

To the question of the typology of the mechanisms of criminal law influence and the possibilities of their criminological support

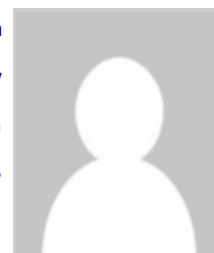
Shikhanov Vladimir Nikolaevich

PhD in Law

Professor, Irkutsk Law Institute (branch) of the University Prosecutor's office of the Russian Federation

664035, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Shevtsova str., 1, office 205

✉ shikhanown@rambler.ru

Abstract. The object of the study is criminal law impact – a legal phenomenon that is subject to development in domestic criminal law, but has received insufficient research due to the ongoing discussions of legal scholars about its content, place in the system of legal regulation and mechanism of action. The subject of the study is, firstly, the typology of the mechanisms of criminal law regulation, and secondly, the possibilities and methods of criminological support of such mechanisms. The typology is based on different types of criminal law rationality, which, in turn, through legal consciousness and legal culture, set different expectations from the application of criminal law in different cases. The author draws attention to the fact that the attempt to present the mechanism of criminal-legal impact as a single phenomenon, as well as the efforts of legal scholars to develop universal methods of criminological justification of criminal-legal prohibition face serious difficulties. To overcome them, it is proposed to distinguish three types of the mechanism of criminal legal impact, as well as to focus attention not so much on the justification of decisions on criminalization or decriminalization, as on criminological support of the process of criminal legal impact, taking into account the typology carried out. The main methods of criminological support of each type of mechanism of criminal legal influence are proposed. Taking into account the peculiarities of the functioning of the social control system, separate recommendations for reducing or strengthening the processes of stigmatization of offenders are proposed for each type.

Keywords: regulation through criminal law, purposes of punishment, crime prevention, juridical culture, juridical mentality, criminal liability, criminal law policy, criminal law impact, creation of a criminal law, differentiation of liability

References (transliterated)

1. Naumov A.V. Rossiiskoe ugovnoe pravo. Obshchaya chast'. Kurs lektsii. 6-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2018.
2. Savenok A.L. O kriminologicheskoi obuslovlennosti ugovnogo zakona // Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'. 2011. № 2 (22). S. 148–153.

3. Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. Kriminologiya i problemy dekriminalizatsii // Zhurnal rossiiskogo prava. 2005. № 4. S. 103–107.
4. Kuznetsova N.F. Usloviya effektivnosti ugovnogo zakona // Problemy pravovogo regulirovaniya voprosov bor'by s prestupnost'yu. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostoch. un-ta, 1977. S. 3–16.
5. Lopashenko N.A. Ugolovnaya politika. M.: Volters Kluver, 2009.
6. Naumov A.V. Retsenziya na monografiyu: Kozachenko I.Ya., Sergeev D.N. Novaya kriminalizatsiya: filosofsko-yuridicheskii putevoditel' po miru prestupnogo i neprestupnogo. Ekaterinburg: SAPIENTIA, 2020. – 256 s. // Ugolovnoe pravo. 2021. № 6. S. 66–70.
7. Razogreeva A.M. Post(sovetskaya) administrativnaya kriminologiya: igra na ponizhenie // Kriminologicheskie osnovy ugovnogo prava : Materialy X Rossiiskogo kongressa ugovnogo prava (26-27 maya 2016 goda), pod red. V.S. Komissarova. M.: Yurlitinform, 2016. S. 225–228.
8. Gurinskaya A.L. Diskussionnye teorii kriminalizatsii i dekriminalizatsii deyanii s tochki zreniya sovremennoi kriminologicheskoi teorii // Kriminologicheskie osnovy ugovnogo prava : Materialy X Rossiiskogo kongressa ugovnogo prava (26-27 maya 2016) / Otv. red. V. S. Komissarov. Moskva: Yurlitinform, 2016. S. 71–75.
9. Davydova K.V., Razogreeva A.M. Analitika kriminalizatsii: glubina protiv poverkhnosti (na primere zakonov «o p'yanykh za rulem») // Pravo i politika. 2015. № 10 (190). S. 1384–1388. doi: 10.7256/1811-9018.2015.10.16380.
10. Kozachenko I.Ya., Sergeev D.N. Novaya kriminalizatsiya: filosofsko-yuridicheskii putevoditel' po miru prestupnogo i neprestupnogo. Ekaterinburg: SAPIENTIA, 2020.
11. Khilyuta V.V. Ugolovnoe pravo v sotsial'nom izmerenii (kontury peremen i novoi strategii razvitiya): monografiya. M.: Yurlitinform, 2023.
12. Bavsun M.V. Ugolovno-pravovoe vozdeistvie: ideologiya, tseli i sredstva realizatsii: diss. d-ra yurid. nauk. 12.00.08. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2013.
13. Shikhanov V.N. Metodologicheskie problemy ugovnogo prava i kriminologii: epistemologicheskii rakurs : monografiya / Pod red. E.G. Yuzikhanovoi. M.: INFRA-M, 2023.
14. Gephard W. Recht als Kultur. Zur kultursociologischen Analyse des Rechts. Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann, 2006. (S. 132–136)
15. Gilinskii Ya.I. Kriminologiya postmoderna (neokriminologiya). SPb.: Aleteiya, 2021.
16. Ugolovnoe nakazanie: sotsial'no-pravovoi analiz, sistematizatsii i tendentsii razvitiya: monografiya / M.M. Babaev, A.V. Zvonov, R.V. Kilimbaev, L.L. Kruglikov, V.F. Lapshin, Yu.E. Pudovochkin, S.V. Rozenko, pod red. V.F. Lapshina. M.: Yurlitinform, 2018.
17. Sabanin S.N., Kryukov K.G. Dekriminalizatsiya poboev: sravnitel'nyi analiz zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii i Soedinennykh Shtatov Ameriki // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2016. № 2 (36). S. 160–166.
18. Ergasheva Z.E. K voprosu o dekriminalizatsii poboev // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2016. № 3 (25). S. 132–135.
19. Zhilina N.Yu., Savel'eva I.V. Tereshchenko V.I. Dekriminalizatsiya poboev: «za» i «protiv» // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. 2017. № 5. S. 128–130.
20. Dyurkgeim E. Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie / Per. s fr., sostavlenie, posleslovie i primechaniya A. B. Gofmana. M.: Kanon, 1995.
21. Ruggerio V. Coclusion // Punishment in Europe: A Critical Anatomy of Penal Systems. Ruggerio V., Ryan M. (Eds.) Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.

22. Sovremennye problemy i strategiya bor'by s prestupnost'yu / Yu.M. Antonyan, V.N. Burlakov, V.V. Vandyshev, B.V. Volzhenkin, G.N. Gorshenkov, P.A. Kabanov, V.V. Kolesnikov, S.F. Milyukov, V.A. Nomokonov; nauch. red. V.N. Burlakov, B.V. Volzhenkin. – SPb.: Izdat. dom Sankt-Peterb. gos. un-ta, 2005.
23. Steshich E.S. Kriminologiya gomitsida : monografiya / Pod red. D.A. Koretskogo. M.: Yurlitinform, 2019.
24. Bekkaria Ch.O prestupleniyakh i nakazaniyakh / Biogr. ocherk i perevod prof. M. M. Isaeva. M.: Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR, 1939.
25. Bekker G.S. Chelovecheskoe povedenie. Ekonomicheskii podkhod / Per. s angl. M.: GU VShE, 2003.
26. New perspectives on economic crime / Ed. By Hans Sjorgen, Göran Skogh. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing, 2004.
27. Bibik O.N. Rynok prestuplenii i nakazanii. 2-e izd., pererab. i dop. SPb.: Yuridicheskii tsentr, 2021.

Problems of legal regulation of public events at the present stage

Ivanova Elena Leonidovna

PhD in Law

Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) of the Federal State State Educational Institution of Higher Education "University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation"

665034, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Shevtsova str., 1

✉ lenai@list.ru

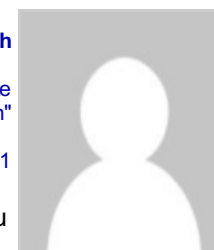

Tol'zak Aleksei Evgen'evich

Student, Department of State and Legal Disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) of the Federal State state Educational Institution of Higher Education "University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation"

665034, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Shevtsova str., 1

✉ atolzak@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the legal regulation of public relations arising in the process of realization by citizens of the Russian Federation of the constitutional right to participate in public events. Over the past decade, the legislation regulating the exercise by citizens of the Russian Federation of the constitutional right guaranteed by Article 31 of the Constitution of the Russian Federation has undergone significant changes. The development of socio-political processes inevitably leads to the emergence of new forms of public events, the need for legal regulation of which is still subject to comprehension in legal science. The conducted research of certain issues of legal regulation and practice of holding public events allows us to identify possible prospects for the development of legislation on public events, as well as to make suggestions for improving its current provisions. Research methods: the study was conducted using classical general scientific and special legal methods of cognition (historical, logical, including systemic, formal-legal, hermeneutic, etc.) in combination with an interdisciplinary approach (assessment of legal phenomena through the prism of social and political factors). Of particular importance for the purposes of this study is the method of comparative jurisprudence, which allowed us to establish trends in the development of legal regulation of the procedure for holding public events in foreign countries.

The novelty lies in the proposals formulated by the authors of the article to improve the provisions of Federal Law No. 54-FZ of June 19, 2004 "On Meetings, rallies, demonstrations, processions and picketing".

Keywords: citizens, forms of democracy, picketing, processions, demonstrations, meetings, rallies, counter-measures, public events, public opinion

References (transliterated)

1. Salenko A. V. Publichnye meropriyatiya kak sredstvo mirnogo dialoga grazhdanskogo obshchestva i gosudarstva // Ural'skii Forum konstitutsionalistov. Vypusk 7. 2022. Chast' 1. S. 93–101.
2. O referendume Rossiiskoi Federatsii : Federal'nyi konstitutsionnyi zakon ot 28 iyunya 2004 goda № 5-FKZ : [v redaktsii ot 30 dekabrya 2021 goda]. Dostup iz spravочно-pravovoi sistemy «Konsul'tantPlyus». Tekst : elektronnyi.
3. Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossiiskoi Federatsii : Federal'nyi zakon ot 12 iyunya 2002 goda № 67-FZ : [v redaktsii ot 28 dekabrya 2022 goda]. Dostup iz spravочно-pravovoi sistemy «Konsul'tantPlyus». Tekst : elektronnyi.
4. O protivodeistvii ekstremistskoi deyatel'nosti : Federal'nyi zakon ot 25 iyulya 2002 goda № 114-FZ : [v redaktsii ot 28 dekabrya 2022 goda]. Dostup iz spravочно-pravovoi sistemy «Konsul'tantPlyus». Tekst : elektronnyi.
5. Khutuev V. A., Gutaev A. M. Osobennosti normativnogo regulirovaniya massovykh meropriyatii v Rossiiskoi Federatsii i ikh klassifikatsiya // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. 2020. T. 13. № 3. S. 264–268.
6. Simonova S. V. Formy publichnykh meropriyatii: problemy i podkhody // Vestnik YarGU. Seriya Gumanitarnye nauki. 2015. № 1 (31). S. 53–54.
7. Salenko A. V. Svoboda mirnykh sobranii v Rossiiskoi Federatsii: neskol'ko tezisev ob aktual'nykh problemakh // Zhurnal rossiiskogo prava. 2018. № 1. S. 120–127.
8. O vnesenii izmenenii v stat'i 2 i 7 Federal'nogo zakona «O sobraniyakh, mitingakh, demonstratsiyakh, shestviyakh i piketirovaniyakh» : Federal'nyi zakon ot 9 marta 2016 goda № 61-FZ. Dostup iz spravочно-pravovoi sistemy «Konsul'tantPlyus». Tekst : elektronnyi.
9. Gagloev D. V. Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie instituta publichnykh meropriyatii v Rossiiskoi Federatsii i stranakh Evropy na sovremennom etape : sravnitel'no-pravovoe issledovanie : dissertatsiya ... kandidata yuridicheskikh nauk : 12.00.02. Moskva, 2015. 265 s.
10. Vashkevich A. E. Spontannyye sobraniya: natsional'noe zakonodatel'stvo evropeiskikh stran i pretsedentnoe pravo Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. 2013. № 2 (93). S. 44–54.
11. Prokof'ev K. G. Sravnitel'nyi analiz rossiiskogo i zarubezhnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za nesoblyudenie pravil massovykh meropriyatii // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2016. № 12. S. 166–169.
12. Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti 1 stat'i 7 Federal'nogo zakona «O sobraniyakh, mitingakh, demonstratsiyakh, shestviyakh i piketirovaniyakh» v svyazi s zhaloboi grazhdanina A.N. Yakimova : postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 13 maya 2014 goda № 14-P. Dostup iz spravочно-pravovoi sistemy «Konsul'tantPlyus». Tekst : elektronnyi.
13. Trofimova E. O. Problema otkaza v provedenii publichnykh meropriyatii v Rossii //

Voprosy rossiiskoi yustitsii. 2019. № 2. S. 123–130.

14. Ob otдел'nykh voprosakh, svyazannykh s organizatsiei i provedenii publichnykh meropriyatii na territorii Irkutskoi oblasti : zakon Irkutskoi oblasti ot 20 dekabrya 2012 goda № 146-OZ. URL: <https://base.garant.ru/34743036/> (data obrashcheniya 10.03.2023). Tekst : elektronnyi.
15. O vnesenii izmenenii v Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh i Federal'nyi zakon «O sobraniyakh, mitingakh, demonstratsiyakh, shestviyakh i piketirovaniyakh» : Federal'nyi zakon ot 8 iyunya 2012 goda № 65-FZ. Dostup iz spravочно-pravovoi sistemy «Konsul'tantPlyus». Tekst : elektronnyi.
16. O poryadke podachi uvedomleniya o provedenii publichnogo meropriyatiya i obespechenii otдел'nykh uslovii realizatsii prav grazhdan na provedenie publichnykh meropriyatii v Samarskoi oblasti : zakon Samarskoi oblasti ot 6 aprelya 2005 goda № 105-GD. URL: <https://docs.cntd.ru/document/945011225> (data obrashcheniya 10.03.2023). Tekst : elektronnyi.
17. Po delu o proverke konstitutsionnosti punktov 1 i 6 stat'i 5 Zakona Respubliki Komi «O nekotorykh voprosakh provedeniya publichnykh meropriyatii v Respublike Komi» v svyazi s zhalobami grazhdan M.S. Sedovoi i V.P. Tereshonkovoii : postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 1 noyabrya 2019 goda № 33-P. Dostup iz spravочно-pravovoi sistemy «Konsul'tantPlyus». Tekst : elektronnyi.
18. Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii punkta 5 chasti 4 stat'i 5 i punkta 6 chasti 3 stat'i 7 Federal'nogo zakona «O sobraniyakh, mitingakh, demonstratsiyakh, shestviyakh i piketirovaniyakh» v svyazi s zhaloboi grazhdanina V. A. Teterina : postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 18 iyunya 2019 goda № 24-P. Dostup iz spravочно-pravovoi sistemy «Konsul'tantPlyus». Tekst : elektronnyi.
19. Maksimov A. A. Onlain-miting kak sposob realizatsii politicheskikh prav cheloveka // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2021. № 2. S. 30–38.
20. Ushakov D. N. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka : sovremennaya redaktsiya. Moskva : Dom Slavyanskoi knigi, 2008. 959 s.

The works of Professor A. S. Smykalin on canon law and state-confessional relations: ad deliberandum.

Sekretaryov Roman Viktorovich

PhD in Philosophy

Associate Professor at the Department of Private Law of Vladivostok State University

690014, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Gogol str., 41, sq. 5502

✉ rvsvldv@mail.ru

Abstract. The object of the study is the state-confessional relations in Russia at the present stage. The subject of the research is state (secular) legal acts regulating the legal status of religious organizations, the norms of canonical (church) law, as well as the works of Professor A. S. Smykalin, in which the scientist explores the stated topics and gives a legal assessment of both public relations in which the state and religious organizations interact, and intra-church legal phenomena (internal the institutions of religious organizations). In preparing the work, the author sought to follow the principles of scientific objectivity and consistency, primarily using the formal legal method in analyzing the norms of secular legislation and the comparative method in comparing secular legislation and canonical (ecclesiastical) law. Since a significant part of the professor's work is interdisciplinary (at the intersection of

jurisprudence and history), historical and functional methods of cognition were also used. The scientific novelty of the undertaken research is the theoretical understanding of modern state-confessional relations through the prism of the works of Professor A. S. Smykalin. The reference ad deliberandum ("to reflection") in the title of the article is made in order to formulate the author's opinion on particular issues. The author considered it possible not to limit himself to references to the research results of a prominent scientist, but also to express his own point of view on the phenomena under consideration, focusing on the most problematic points.

Keywords: law enforcement practice, state-confessional relations, freedom of religion, freedom of conscience, cults, sects, religious associations, secularization, canon law, church law

References (transliterated)

1. Smykalin A. S. Tserkovnoe pravo – samostoyatel'naya otrasl' znaniy v sisteme yuridicheskikh nauk // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2005. № 4(48). S. 131-136.
2. Motrevich V. P., Smykalin A. S. Russkaya pravoslavnyaya tserkov' i sovremennoe rossiiskoe gosudarstvo: yuridicheskii aspekt // Gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo: pravovye problemy vzaimodeistviya : Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Tuapse, 18–19 sentyabrya 2007 goda. Tyumenskii gosudarstvennyi universitet, 2007, S. 154-159.
3. Motrevich V. P., Smykalin A. S. Russkaya pravoslavnyaya tserkov' i sovremennoe rossiiskoe gosudarstvo: problemy i perspektivy razvitiya // Prioritetnye napravleniya razvitiya pravovogo gosudarstva : materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Barnaul, 28–29 sentyabrya 2007 goda. Barnaul, 2008, S. 13-15.
4. Smykalin, A. S. Problemy vzaimootnoshenii rossiiskogo gosudarstva i russkoi pravoslavnoi tserkvi: istoriko-yuridicheskii aspekt (1917-1941 gg.) // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2012. № 1(33). S. 23-32.
5. Smykalin A. S. K voprosu o prepodavanii «kanonicheskogo prava» v svetskikh vuzakh Rossii // Problemy istorii obshchestva, gosudarstva i prava : Sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 1. Ekaterinburg: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Ural'skii gosudarstvennyi yuridicheskii universitet», 2013. S. 270-277.
6. Gribov A. Yu. Zakony Chingiskhana : rekonstruktsiya. M.: Yustitsinform; 2022.
7. Smykalin A. S. Pravovoi aspekt ponyatiya «religioznaya taina» // Voprosy pravovedeniya. 2015. № 6(34). S. 107-119.
8. Smykalin A. S. Istoriko-sravnitel'nyi analiz sovremennoi sudebnoi sistemy Rossiiskoi Federatsii i tserkovnykh sudov Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi // Biznes, menedzhment i pravo. 2015. № 2(32). S. 154-160.
9. Sekretarev R. V. Aktual'nye problemy rossiiskogo zakonodatel'stva o svobode sovesti v pervoi chetverti XXI veka // Yuridicheskie issledovaniya. 2022. № 8. S. 27-40. DOI: 10.25136/2409-7136.2022.8.38465.
10. Smykalin A. Istoriko-sravnitel'nyi analiz sovremennoi sudebnoi sistemy Rossiiskoi Federatsii i tserkovnykh sudov Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi // Biznes, menedzhment i pravo. 2016. № 1-2(33-34). S. 81-85.
11. Kuraev A., diak. Paradoksy tserkovnogo prava. M.: Blok-print, 2022.
12. Smykalin A. S. Kanonicheskoe pravo (na primere Russkoi pravoslavnoi tserkvi XI–XXI vv). M.: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu «Prospekt», 2019.

13. Zabiyaiko A. P. Religiovedenie kak strogaya nauka // Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura. 2019. № 3(11). S. 47-64. DOI: 10.24833/2541-8831-2019-3-11-47-64.
14. Smykalin A. S. Rol' pravoslavnoi religii v XVII veke vo vzaimootnosheniyakh Ukrainy i Rossii (istoriko-pravovoi aspekt) // Problemy istorii obshchestva, gosudarstva i prava : Sbornik nauchnykh trudov, Ekaterinburg, 26 maya 2018 goda / Materialy Mezhhregional'noi nauchnoi konferentsii «Aktual'nye problemy istorii gosudarstva i prava Rossii i zarubezhnykh stran (k 140-letiyu professora, pervogo doktora yuridicheskikh nauk v Sverdlovskom yuridicheskom institute Ivana Ivanovicha Kryl'tsova (1878 – posle 1947 gg.), k 130-letiyu professora Serafima Vladimirovicha Yushkova (1888-1952) i 90-letiyu professora-romanista Argiry Valerianovny Ignatenko (1927-2012)». Vypusk 5. Ekaterinburg: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Ural'skii gosudarstvennyi yuridicheskii universitet», 2018. S. 142-151.
15. Zhrebkin M. V. Logika namerenii i logika obstoyatel'stv v deistviyakh getmana Bogdana Khmel'nitskogo // Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 2(46). S. 1-7.
16. Smykalin A. S. «Taina Ispovedi» – ee legitimnost' i yuridicheskoe znachenie v zakonodatel'stve // Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya : Materialy VI Vserossiiskoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu muchenicheskoi konchiny svyatykh Tsarstvennykh strastoterptsev i ikh vernykh sputnikov, Ekaterinburg, 10–12 fevralya 2018 goda. Ekaterinburg: Ekaterinburgskaya dukhovnaya seminariya, 2018. – S. 215-226.
17. Smykalin A. S. Osobennosti gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenii v sovetskom gosudarstve v 1920-e gg // Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya. 2022. № 3. S. 177-193.
18. Smykalin A. S. Gosudarstvenno-religioznye otnosheniya v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voyny // Gosudarstvo. Pravo. Voina (k 75-letiyu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoi Otechestvennoi voine) : Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. V 2-kh chastyakh, Sankt-Peterburg, 28–29 aprelya 2020 goda / Pod redaktsiei N.S. Nizhnik. Chast' 1. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2020. S. 1126-1131.
19. Smykalin A. S. Yuridicheskoe religiovedenie – novoe napravlenie otechestvennoi yurisprudentsii // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2021. № 5(81). S. 52-62. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.052-062.